

 ШЕСТЫЕ
теоретико-правовые
чтения

ИМЕНИ ПРОФЕССОРА

Н.А. ПЬЯНОВА

г. Иркутск - 2024

**ШЕСТЫЕ МЕЖДУНАРОДНЫЕ
ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ
ЧТЕНИЯ ИМЕНИ
ПРОФЕССОРА Н. А. ПЬЯНОВА**

Материалы конференций

Иркутск, ноябрь – декабрь 2024 г.

Москва – Иркутск, 2025

УДК (321:340)
ББК ХО1лО

Редакционная коллегия:

С. А. Комаров, д-р юрид. наук, проф. (отв. ред.);
А. А. Кондрашев, д-р юрид. наук, проф. (науч. ред.);
И. А. Кузьмин, канд. юрид. наук, доц. (науч. ред.);
М. Г. Тирских, канд. юрид. наук, доц.
В.С. Ворошилов (секр.)

Шестые международные теоретико-правовые чтения имени профессора Н. А. Пьянова : материалы конференций (ноябрь – декабрь 2024 г.) / Отв. ред. С. А. Комаров ; [науч. ред. А. А. Кондрашев, И. А. Кузьмин]. – Москва, Иркутск : Межрегиональная ассоциация теоретиков государства и права, 2025. – 256 с.

В сборнике представлены результаты исследований актуальных проблем государственно-правовой действительности, а также иных специальных аспектов взаимодействия государства и права с общественными институтами в эпоху перемен с учетом реалий настоящего и стратегий будущего.

Материалы сборника представляют интерес для всех, кто занимается изучением проблем современного государства, общества и права, специальным междисциплинарным аспектам их взаимодействия. Сформулированные положения могут быть использованы при изучении и преподавании различных гуманитарных дисциплин в высших и средних специальных учебных заведениях.

Сборник издан при финансовой поддержке членов Иркутского регионального отделения Межрегиональной общественной организации «Межрегиональная ассоциация теоретиков государства и права»

ISBN 978-5-6051302-8-4

© Авторы, 2025
© Межрегиональная
ассоциация теоретиков
государства и права, 2025

**МАТЕРИАЛЫ ШЕСТЫХ МЕЖДУНАРОДНЫХ
ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫХ ЧТЕНИЙ
ИМЕНИ ПРОФЕССОРА Н.А. ПЯНОВА**

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Вступительное слово.....</i>	6
---------------------------------	----------

I. ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>Василевич Г.А. Юридическая наука: отражение действительности и направления развития.....</i>	7
<i>Шишкин С.И. К вопросу о правовом регулировании технического развития.....</i>	15
<i>Шабаета О.А. К вопросу о сущности цифрового государства...</i>	20
<i>Тирских М.Г. Соотношение права и политического режима в контексте гармонической теории права.....</i>	26
<i>Галиев М.С., Соколкина А.С. К вопросу понимания права как многогранного явления.....</i>	33
<i>Мухамеджанова Л. Право и мораль: их взаимосвязь, проблемы и решения.....</i>	45
<i>Василевич С.Г. Принципы права – важная основа государственного управления.....</i>	54
<i>Орлова С.В. О соотношении фиктивности, действительности и действенности норм права.....</i>	64
<i>Корнакова С.В., Чигрина Е.В. Исторические предпосылки возникновения института примирения в России.....</i>	72
<i>Галиев М.С., Кошкареева Л.А. Нетерпимое отношение к коррупционному поведению как основа этических и правовых категорий в понимании государства.....</i>	79
<i>Кузьмин И.А. Перспективы и проблемы принятия программных политико-правовых документов в сфере развития системы наказаний.....</i>	87

**II. ОТРАСЛЕВЫЕ И СПЕЦИАЛИЗИРОВАННЫЕ
ЮРИДИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ**

<i>Кешикова Н.В. Теоретическая конструкция порядка формирования органов публичной власти в единой системе публичной</i>	
---	--

власти и ее конституционно-правовое преломление в государственно-правовой действительности.....	94
<i>Сенькова Т.В.</i> Конституционно-правовой статус Всебелорусского народного собрания как органа представительной власти.....	105
<i>Асадуллина Г.Р., Ивентьев С.И.</i> Право человека на бессмертие.....	113
<i>Рудых С.Н., Сенотрусова Е.М.</i> К вопросу о реализации принципов правотворчества в частном праве.....	121
<i>Туганбаев М.А.</i> Юридические конфликты в публичном и частном праве: теоретические аспекты разграничения.....	128
<i>Самусевич А.Г.</i> Основные идеи и подходы к определению конституционного правоприменения.....	133
<i>Шутова В.Н.</i> Законодательная политика государства в отношении традиционных духовно-нравственных ценностей.....	138
<i>Воротилина Т.В.</i> Теоретико-прикладные аспекты правового регулирования банковской деятельности в современных условиях.....	145
<i>Казанцева Н.В.</i> Педагогические компетенции в деятельности юриста.....	151
<i>Васильев В.А.</i> Санкции Запада. Механизмы реализации и практика применения в отношении африканских стран и России (актуальность сравнительного анализа).....	156

III. ПРОБЛЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ ГЛАЗАМИ МОЛОДЕЖИ

<i>Пельменев В.А.</i> Происхождение государства: постановка проблемы.....	164
<i>Денисова А.М.</i> Теоретические аспекты понятия политического государственного режима.....	170
<i>Калинкин В.Д.</i> Реализация принципа разделения властей в современной России.....	175
<i>Меньщикова У.В.</i> Форма правления в современной Российской Федерации.....	182
<i>Клецко Н.Е.</i> Информационная угроза народному единству.....	186

<i>Кужлев К.И.</i> Справедливость как руководящий принцип права.....	194
<i>Изиндеева А.Е.</i> Право на использование родного языка в условиях российского федерализма и многонациональности.....	203
<i>Наделяева Д.С.</i> Институт выборов как фактор единства и консолидации российского общества	212
<i>Алимова К.Д.</i> Участие в выборах: конституционное право или обязанность граждан?.....	217
<i>Бушкова А.В.</i> Судебная реформа 1864 года и ее влияние на судебную систему Российской Федерации.....	224
<i>Гордзелевский Е.М.</i> Обеспечение защиты персональных данных в судопроизводстве.....	238
<i>Павлова А.А.</i> Соотношение категорий «юридическая ответственность» и «наказание» в общей теории права.....	249

Вступительное слово

Уважаемые читатели! Вашему вниманию предлагается сборник статей участников научных мероприятий, проведённых под эгидой Шестых международных теоретико-правовых чтений имени профессора Н. А. Пьянова в ноябре – декабре 2024 года: Международной научно-теоретической конференции «Государственно-правовая действительность: реалии настоящего и стратегии будущего» (01 ноября 2024 г.), Всероссийской студенческой научно-практической конференции «Народное единство как основа развития государственно-правовых институтов» (09 ноября 2024 г.), Всероссийского научно-методического круглого стола «Юридическая наука и образование в эпоху перемен» (28 ноября 2024 г.). Широта поднятых в мероприятиях актуальных проблем современности поражает, охватывая самые различные сферы общественной жизни.

Память о большом Человеке, Учителе и выдающемся теоретике государства и права из Восточной Сибири – профессоре Николае Андреевиче Пьянове остаётся сильным объединяющим началом для академической, профессиональной и студенческой общественности, представленной в Чтениях исследователями из Российской Федерации, Китайской Народной Республики, Республики Беларусь и Республики Узбекистан,

Для более удобного использования все материалы сборника распределены по трём разделам, первые два из которых включают работы «взрослых» исследователей, а завершающий – результаты научных изысканий аспирантов и студентов вузов.

Оргкомитет Шестых теоретико-правовых чтений выражает искреннюю благодарность Межрегиональной ассоциации теоретиков государства и права и скорбит о скоропостижной кончине ее Президента – доктора юридических наук, профессора Сергея Александровича Комарова, благодаря деятельной организационной поддержке которого проект продолжает жить и развиваться.

**С уважением и надеждой на сотрудничество,
оргкомитет Шестых теоретико-правовых чтений имени Н. А.
Пьянова**

I. ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

*Григорий Алексеевич Василевич**

ЮРИДИЧЕСКАЯ НАУКА: ОТРАЖЕНИЕ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ И НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ

Статья посвящена рассмотрению вопроса о состоянии юридической науки и основным направлениям ее развития на современном этапе. Акцентировано внимание на наличии научного потенциала, способного сделать национальную правовую систему еще более эффективной, сочетающей учет достижений зарубежной науки и собственных национальных интересов. Подчеркнуто, что юридическая наука задействована в реализации нескольких функций: нормотворческой, идеологической, воспитательной и образовательной.

Ключевые слова: юридическая наука, функции юридической науки, актуальные направления развития науки.

LEGAL SCIENCE: REFLECTION OF REALITY AND DIRECTIONS OF DEVELOPMENT

The article is devoted to the consideration of the state of legal science and the main directions of its development at the present stage. Attention is emphasized on the availability of scientific potential capable of making the national legal system even more effective, combining the account of achievements of foreign science and its own national interests. It is emphasized that the legal science is involved in the realization of several functions: rule-making, ideological, upbringing and educational.

***Григорий Алексеевич Василевич**, заведующий кафедры конституционного права, доктор юридических наук, профессор, Белорусский государственный университет, юридический факультет (г. Минск, Республика Беларусь)

Grigory Alekseevich Vasilevich, Head of the Department of Constitutional Law, Doctor of Law, Professor, Belarusian State University, Faculty of Law (Minsk, Republic of Belarus)

Keywords: *legal science, functions of legal science, actual directions of science development.*

В последние десятилетия происходило динамичное развитие юридической науки. Конечно, были периоды особой активизации научных исследований. Например, в преддверии подготовки крупных актов законодательства, таких как кодексы, принятие новой Конституции Беларуси в 1994 году или внесение в нее изменений и дополнений. Однако никогда юридическая наука не стояла на месте, всегда находилось место новым идеям, оценкам, суждениям, направленным на устранение возможных дефектов в нормотворческой и правоприменительной деятельности (противоречий, неопределенностей и др.). Это можно сказать и о советском периоде развития юридической науки, когда в основе правовой политики была коммунистическая идеология.

Нам удалось накопить солидный багаж научных знаний в виде монографий, книг, научных статей, научно-практических комментариев к действующим актам законодательства. Правовые феномены всегда были предметом диссертаций. Представители науки, пользуясь свободой научного творчества, и исходя из ответственности перед обществом и государством, вносили свой вклад в преобразования, улучшение правового регулирования общественных отношений.

Многие истоки идей находятся в советском периоде, когда были созданы научные школы, теории, сохраняющие актуальность и в настоящее время.

Белорусской юридической науке в настоящее время созданы благоприятные условия для развития: произошла модернизация Конституции, расширены возможности для осуществления народо-властия, появились новые направления для развития отраслевой науки, дальнейшего процесса конституционализации законодательства.

Одна из сложнейших задач, которые стоят перед ней – видеть новые горизонты развития. Наука всегда будет находиться между идеями и реальной жизнью. Поэтому неприемлем лозунг: пусть погибнет мир, но восторжествует юстиция. Красивая, но бездумная фраза, как и образ богини правосудия с повязкой на глазах,

которая не может видеть, куда сместилась чаша весов. Символ должен быть разумным.

При наличии научного потенциала у нас есть возможности сделать национальную правовую систему еще более эффективной, сочетающей учет достижений зарубежной науки и собственных национальных интересов.

Здесь существует множество нарративов. При этом желательно сделать определенную переоценку в связи с наличием вызовов и угроз. Так, оглядываясь назад, можно заметить, что юридическая наука под влиянием импульсов от западноевропейского вектора много занималась проблемами глобализации с некоторым умалением аспекта регионализации. Оба этих вектора сохраняют актуальность, но в рамках бинарного процесса развития двух противоположностей – глобализации и национальной идентичности важно, на мой взгляд, акцентировать внимание на эволюционном процессе преобразований на национальном и региональном уровнях.

Сейчас предстоит, на мой взгляд, усилить решение проблем регионального не только экономического, но и правового сотрудничества. Это созвучно высказанной Президентом Беларуси идее о новом качестве СНГ.

По сути, может идти речь об усилении кооперации в широком понимании этой категории.

Аналогичная ситуация с гипертрофированным вниманием к правам и свободам (что было уместной реакцией на предшествующий советский опыт) и меньшей разработкой вопросов, касающихся юридических обязанностей, долга каждого человека перед государством обществом. Исключение составляют отрасли, занимавшиеся деликтным законодательством: через анализ запретов всегда был выход на обязанности.

Конституционалисты акцентировали внимание на еще более широком аспекте – обязанностях, долге, солидарности поколений, взаимопомощи. В 2000 году мною в качестве признаков социального государства указывалось на ответственность каждого за развитие общества и несение индивидом обязанностей перед ним [1, с. 3]. Такой взгляд на социальное государство был повторен в авторском научно-практическом комментарии Конституции Республики Беларусь 2000, 2005 годов [2, с. 290]. Уверен, что многие

из ученых-юристов могут привести примеры реализации своих идей в законодательстве.

Обратим внимание на высказанную в литературе идею неопатерналистского государства, которому присущи новые методы осуществления социальной функции государства. Данную концепцию активно развивает профессор О. В. Родионова. Неопатерналистское государство «отказывается от прямого патернализма в виде долгосрочных пособий по безработице и предлагает взамен помощь в активизации трудоспособного населения в виде программ по профессиональной переподготовке безработных. Функции современного неопатерналистского социального государства можно сформулировать как принцип всемерной поддержки органами государственной и муниципальной власти индивидуальной ответственности за собственное благополучие» [3, с. 29, 32].

Согласны, что формирование социально ориентированного типа государства должно происходить на основе права, по удачному определению российских ученых, как создателя новой социальной реальности [4]. Именно такое государство становится вектором современного развития [5].

Нам близки многие исследования российских ученых, они часто являются опорой для белорусских правоведов, реализации идей в законотворческой сфере. Наиболее очевидный пример использование наработок российских ученых, их проектов в нашем законодательстве позволили принять законы о нормативных правовых актах в 2000 и 2018 годах.

Особое внимание в юридической науке могло бы быть уделено группе норм, которые должны занимать более высокое место в нормативной иерархии и возможное указание в законе О нормативных правовых актах.

Это нормы-цели (какой результат предполагается получить), нормы-задачи («промежуточные цели»), нормы-принципы (базовые императивы). Нормы-цели могут содержаться в преамбуле акта. Вообще можно было использовать и для законов подходы, которые применены в директивах Президента. В них вначале излагается анализ проблем и ставятся задачи.

Доктринальные нормы-принципы содействуют формированию мировоззренческой основы субъекта правовых отношений. Системообразующие фундаментальные принципы имеют перво-

очередное значение для права. К ним можно отнести принципы правового демократического социального государства [6, с. 11–17].

В унисон с российскими разработками [7] у нас в науке и на практике реализована идея правового мониторинга законодательства и практики, оценки регулирующего правового воздействия.

Юридическое прогнозирование как разновидность познавательной научно-исследовательской деятельности – весьма перспективное направление исследовательской деятельности. В процессе прогнозирования будущего состояния субъектов государственно-правовой сферы одной из важнейших категорий познания является причинность, прежде всего, как направленность развития системы. При этом важно учитывать свойства, внешние факторы неюридического характера (социально-экономические, политические, демографические, культурные, цивилизационные, социологические, морально-этические и др. [8, с. 61–88].

Юридическое прогнозирование и правовой мониторинг – важнейшие стандарты нормотворческой и правоприменительной деятельности. Эти инструменты также следует совершенствовать (расширять субъектный состав, должна быть большая оперативность и точность оценок, в том числе за счет отработки технология использования ИКТ).

Касаясь безграничной темы нормотворчества, отметим, что усиление аналитической работы относительно проектов может произойти за счет активизации субъектов законодательной инициативы. Они могли бы более активно подключаться к работе над проектом еще на стадии его подготовки, особенно это касается парламентских комиссий, расширения их реальной возможности вносить предложения по их совершенствованию.

Актуальным для белорусской юридической науки является такое направление как конституционно-правовые риски. Теория рискологии – важный предмет для исследований правоведов, социологов, специалистов в области социальной психологии, информационного права [8, с. 159–207].

Междисциплинарные взаимосвязи между естественными, точными и гуманитарно-социальными науками могли бы создать основу для развития правовой футурологии. Это научное направление, имеющее явный прикладной характер об использовании новых технологий и методологий в праве (цифровые технологии, биотех-

нологии, нанотехнологии и др.). Однако главное предназначение футурологии права в создании дефиниции права будущего в соответствии с будущим отдельных правовых явлений. Три значения: право как идеал, право в его позитивном воплощении в источниках, право реальное.

Изучение причин и степени отклонения права идеального, позитивного и реального – одна из задач футурологии права.

У права будущего должна быть ясная парадигма развития. Будущее право следует сопоставлять с новыми стратегиями цивилизационного развития.

Ожидает творчески настроенный коллектив ученых разработка конструктивной идеи об экономической оценке права. Эта идея получила отражение в российской юридической науке [9], однако не приобрела четкого практического воплощения. Здесь помимо чисто академической задачи важно дать практикам реальные инструменты для такой оценки, включая отдаленное воздействие норм права.

Юридическая наука задействована в реализации нескольких функций: нормотворческой (принцип научности предусмотрен в качестве одной из основ нормотворческого процесса), идеологической (правовая идеология является ядром идеологии белорусского государства), воспитательной и образовательной. В обобщенном виде, можно сказать: белорусская юридическая наука способствует формированию национального правового менталитета. Например, она могла бы обеспечить правовое сопровождение и обоснование необходимости внедрения социального рейтинга с учетом опыта Китайской Народной Республики.

В процессе нормотворческой деятельности можно по-новому взглянуть на законность и целесообразность (разумность, рациональность) решения. Советская юридическая школа обычно противопоставляла законность и целесообразность. Однако всегда есть возможность в рамках конституционных принципов и норм принять оптимальное решение. Важно найти грань между правовым нигилизмом и правовым идеализмом с тем, чтобы обеспечить точную реализацию правовых предписаний.

Необходимо преодолеть разобщенность научных исследований, замыкание на отраслевых проблемах. Отраслевики редко концентрируют свое внимание на импульсах для развития отрасли,

которые исходят от Конституции. Конституционалисты постоянно проповедуют верховенство конституционных принципов и норм. В некоторых случаях именно недостаток широты взгляда приводит к явному дисбалансу норм.

Интересна и важна для исследования тема дуализма верховной власти – Президент как Главы государства и Всебелорусское народное собрание как высшего представительного органа народовластия, наделенного правом отмены акта любого органа власти, исключая суды.

Процесс конституционализации текущего законодательства должен активно продолжаться. Сейчас нет многочисленных, как это проявилось сразу после принятия в 1994 году Конституции, явных каких-то расхождений между нормами Конституции и подконституционным законодательством.

Нашими ориентирами мышления и деятельности являются Конституция, законодательные акты, добротной подготовленная Концепция правовой политики, традиции, жизненные смыслы. Все это является основой современного белорусского государства и общества.

Важна интеграция правовых принципов и норм с нравственностью и религиозными нормами. По сути, можно вести речь о формировании доктрины идейно-духовной Конституции [10]. Для этого сейчас имеются конституционные предпосылки, включая и провозглашение идеологии белорусского государства как основы демократии.

Значимость Конституции заключается в том, что она интегрирует национальную правовую систему.

Важность решения стратегических задач, стоящих перед государством и обществом в условиях существующих вызовов и угроз, требуют объединения усилий представителей различных наук.

Обновление Конституции и в целом законов и иных актов законодательства придает новый импульс развитию правовой доктрины, обсуждению новых положений нормативных правовых актов с целью их адаптации к новым конституционным правоотношениям, оптимизации правоприменительной практики, выявлению положений, требующих совершенствования.

Развитие учения об эффективности правовых норм позволит дать ответ на вопросы о соотношении между целями и результатами, между буквой закона и поведением и т.п.

Источники и литература:

1. Василевич Г. А. Социальное государство и права граждан / Г.А. Василевич // Правовое обеспечение экономических реформ в славянских государствах: Тезисы докладов Международной научно-практ.ической конференции,. М.: БГЭУ, 2000. – С. 3 – 4.
2. Василевич Г.А. Конституция Республики Беларусь: научно-практический комментарий : монография / Г.А. Василевич – ГИУСТ БГУ, 2005. – 487 с.
3. Родионова О. В. Проблемы развития и практики современного социального государства / О.В. Родионова // Lex Russica. 2015. Том 98. № 1. – С. 28–40.
4. Азнагулова Г.М. Право как созидатель новой социальной реальности : монография / Г.М. Азнагулова, Ж.А. Гаунова, О.Ю. Еремина. – Москва : Проспект, 2024. – 304 с.
5. Тонков Е.Е. Государство созидующее как вектор развития современной России : монография / Е.Е. Тонков. – Москва : Юрлитинформ, 2019. – 392 с.
6. Титова Е.В. Принципы публичного права : монография / Е.В. Титова, Т.П. Подшивалова. – Москва : Проспект, 2023. – 288 с.
7. Правовой мониторинг: научно-практическое пособие. – Москва : Юриспруденция, 2009. – 416 с.
8. Тихомиров Ю.А. Право: прогнозы и риски : монография / Ю.А. Тихомиров Ю.А. – Москва : ИНФРА-М, 2015. – 240 с.
9. Гаджиев Г.А. Конституционная экономика / Г.А. Гаджиев. – Москва : Юстицинформ, 2010. – 256 с.
10. Бабурин С.Н. Нравственное государство. Русский взгляд на ценности конституционализма / С.Н. Бабурин. – Москва : Норма, 2023. – 536 с.

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Статья посвящена рассмотрению вопроса о правовом регулировании совокупности общественных отношений, связанных с технологическим развитием как одним из фронтальных направлений современной юриспруденции. Развитие критических и сквозных технологий в контексте новелл законодательства Российской Федерации стало важной задачей, стоящей перед государством. Однако ни нормативное регулирование, ни юридическая доктрина не опираются на единообразные подходы к восприятию данных общественных отношений. Предлагается комплексный подход с доминирующим административно-правовым подходом к регулированию отношений в области технологического развития.

Ключевые слова: технологическое развитие, правовое регулирование, правовая политика.

TO THE QUESTION OF LEGAL REGULATION OF TECHNOLOGICAL DEVELOPMENT

The article is devoted to the consideration of the issue of legal regulation of the totality of social relations connected with technological development as one of the frontier directions of modern jurisprudence. The development of critical and cross-cutting technologies in the context of the innovations of the legislation of the Russian Federation

* **Сергей Иванович Шишкин**, заведующий кафедры конституционного права и теории права, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации, Иркутский государственный университет, юридический институт, главный научный сотрудник, заведующий лабораторией правовых исследований высокотехнологичных отраслей производства ФГБУН Федеральный исследовательский центр «Иркутский институт химии им. А.Е. Фаворского СО РАН» (г. Иркутск, Россия); **Sergey Ivanovich Shishkin**, Head of the Department of Constitutional Law and Theory of Law, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Irkutsk State University, Law Institute, Chief research, Head of the Laboratory of Legal Research of High-Tech Industries of the Federal Research Center «Irkutsk Institute of Chemistry nm. A.E. Favorsky SB RAS» (Irkutsk, Russia)

has become an important task facing the state. However, neither the normative regulation nor the legal doctrine are based on uniform approaches to the perception of these social relations. A comprehensive approach with a dominant administrative-legal approach to the regulation of relations in the field of technological development is proposed.

Key words: *technological development, legal regulation, legal policy.*

Очевидным является значимость развития передовых технологий для современной экономики, общества, международных отношений. Каждый день мы сталкиваемся с новой информацией по таким важным проблемам, как внедрение систем искусственного интеллекта, продолжение цифровизации во всех сферах общественной жизни, освоение новых уникальных материалов, видов энергии и иных достижений науки и техники. Возможность самостоятельного использования новых технологий для экономического и социального развития в мировой науке получило название «технологического суверенитета» [1; 2].

При этом возникает серьезная проблема, связанная с тем, каким образом можно осуществлять правовое регулирование общественных отношений в области технологического развития. С одной стороны, новые технологии – продукт интеллектуальной деятельности человека и практически не зависят от объективных факторов. Нельзя предсказать будет ли исследование результативным или нет и тем более невозможно определить будет ли в определенный срок и с определёнными параметрами разработана и освоена технология на основе результатов научных достижений.

С другой стороны, современное общество нуждается в освоении отдельных технологий без которых дальнейшее существование человечества представляется затруднительным (энергосберегающие технологии, природосберегающие технологии, технологии глубокой переработки критических ресурсов, эффективные энергосберегающие технологии и т.д.). От освоения таких технологий зависит возможность сохранения существующего уклада жизни людей на Земле, возможность развития населенных пунктов, сохранения народонаселения и его здоровья. В таком случае, хотя само приращение технологий с точки зрения получения интересующего результата и не поддаются правому регулированию (в силу

отсутствия волевого элемента в данном процессе, та как проявление воли исследователя не приводит к гарантированному получению исходной технологии) сама деятельность, возникающая в процессе выработки технологии может регулироваться как с позиций придания данному процессу больших стимулов, так и ограничивающих развитие технологии вплоть до ее запрета.

В частности, поддержка развитию отдельных технологий в России определена Постановлением Правительства РФ от 29 марта 2019 г. № 377 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Научно-технологическое развитие Российской Федерации» которой установлены отдельные меры государственной поддержки в процессе создания и внедрения значимых технологий. При этом использование отдельных технологий в России существенно ограничено или запрещено (например, временный запрет на клонирование человека, согласно Федеральному закону от 20 мая 2002 г. № 54-ФЗ «О временном запрете на клонирование человека»).

Таким образом, в России реализуется практика правого стимулирования или ограничения (вплоть до запрета) развития отдельных технологий. Это свидетельствует о том, что, хотя собственно процесс создания отдельных технологий и не подлежит правому регулированию (те же «запрещенные технологии» могут быть созданы случайно, параллельно с иными научными исследованиями) право имеет определенные перспективы влияния на процесс стимулирования и ограничения деятельности по созданию и внедрению технологий.

При этом возникает вопрос, какова природа правого регулирования таких общественных отношений. Полагаем, что она сопряжена в первую очередь с административно-правовым нормативным регулированием и связано с деятельностью органов государственной власти, направленной на содействие различным направлениям научной и внедренческой активности, либо по контролю за распространением запрещенных или ограниченных к использованию технологий.

Собственно, такой подход основан на самой природе такого явления, как технология. При этом отдельные исследователи понимают под технологией информацию, необходимую для достижения конкретного производственного результата посредством комбиниро-

рования и обработки выбранных ресурсов определенным способом (в том числе секрет производства) [3], а другие рассматривают в качестве объектов, созданных в результате решения той или иной задачи и имеющих своей целью выполнение определенных «искусственных» функций (artificial functions) [4].

Очевидно, что оба представления о технологии не позволяют считать технологию собственно объектом правового регулирования. В первом случае фактически объектом регулирования является информация, использование которой может привести к некоторому экономическому или иному результату. Это свидетельствует о том, что отдельные компоненты технологии могут регулироваться и регулируются, но при этом не составляют технологию как таковую. Секреты производства, как самостоятельный объект, полагаем входит в число компонентов технологии, но не составляет технологию полностью. Второе же определение в целом говорит о технологии как о некотором результате деятельности, который по сути невозможно строго индивидуализировать.

В этом случае полагаем обоснованным мнение о том, что правовое регулирование технологического развития – это в первую очередь регулирование деятельности субъектов технологического развития по выработке и внедрению технологии. То есть по сути процесс государственного управления определенной сферой деятельности, а не результатом такой деятельности, а, следовательно, является предметом административно-правового регулирования.

Важно отметить, что наряду собственно с деятельностью по технологическому развитию существует еще несколько групп общественных отношений, поддающихся определенному правовому регулированию.

Во-первых, это инновационные отношения, отношения в сфере науки и исследований, которые включают в себя взаимодействие научных организаций, образовательных учреждений и других субъектов, занимающихся исследованиями и разработками.

Во-вторых, это отношения в производственной сфере, которые охватывают взаимодействие компаний, корпораций и технологических стартапов, которые обновляют продукты, способы производства, распределения и потребления ресурсов.

В-третьих, это отношения в сфере трансфера технологий, включающие в себя взаимодействие субъектов, которые занимают-

ся коммерциализацией результатов интеллектуальной деятельности и внедрением технологий в производство.

В-четвертых, это совокупность международно-правовых отношений, связанных с формированием единого технологического пространства, то есть совокупности требований которым должны соответствовать технологические разработки отдельных государств.

Таким образом отметим, что в целом технологическое развитие является объектом административно-правового регулирования и может быть реализовано в нормировании совокупности общественных отношений, связанных с выработкой и внедрением технологий, а также иных сопутствующих с данным процессом явлений.

Источники и литература:

1. Потапцева Е. В., Акбердина В. В. Технологический суверенитет: понятие, содержание и формы реализации / Е. В. Потапцева, В. В. Акбердина // Вестник Волгоградского государственного университета. Экономика. – 2023. – Т. 25. – №3. – С. 5 – 16
2. Гареев Т.Р. Технологический суверенитет: от концептуальных противоречий к практической реализации / Т.Р. Гареев // Terra Economicus. – 2023. – № 21(4). – С. 38–54
3. Tihanyi L., Roath A.S. (2002). Technology Transfer and Institutional Development in Central and Eastern Europe / L. Tihanyi, A.S. Roath // Journal of World Business – 2002. – № 37. – P. 188 – 198
4. Nightingale P. What is Technology? Six Definitions and Two Pathologies. / P. Nightingale // SSRN Electronic Journal. – 2014 – 32 p.

К ВОПРОСУ О СУЩНОСТИ ЦИФРОВОГО ГОСУДАРСТВА

В статье рассмотрен вопрос о сущности цифрового государства. Автором отмечено, что понятие цифровое государство и сущность цифрового государства — это разные категории. Давая определение цифровому государству, необходимо выявить его существенные признаки. В то время как вопрос о сущности цифрового государства представляет собой вопрос о смысле, содержании данного явления, анализе его внутренней основы.

Автор дает определение цифрового государства как суверенной политико-территориальной организации (платформы), состоящей из органов управления и принуждения, существующей за счет общества, осуществляющей власть с использованием цифровых инструментов и технологий в целях создания и поддержания в обществе правопорядка. Отличительной особенностью сущности цифрового государства в данном случае является осуществление власти большей степени с использованием цифровых инструментов и технологий.

Ключевые слова: государство, цифровизация, информационные технологии, цифровое государство, сущность цифрового государства

TO THE QUESTION OF THE ESSENCE OF THE DIGITAL STATE

* Шабаева Ольга Александровна, ведущий научный сотрудник кафедры теории и истории государства и права Иркутского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент.

Shabaeva Olga Alexandrovna, Leading Researcher, Department of Theory and History of the Irkutsk Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor

The article discusses the essence of the digital state. The author noted that the concept of the digital state and the essence of the digital state are different categories. When defining a digital state, it is necessary to identify its essential features. While the question of the essence of the digital state is a question of the meaning, content of this phenomenon, analysis of its internal basis.

The author defines the digital state as a sovereign political-territorial organization (platform), consisting of governing and coercive bodies, existing at the expense of society, exercising power using digital tools and technologies in order to create and maintain law and order in society. A distinctive feature of the essence of the digital state in this case is the exercise of power to a greater extent using digital tools and technologies.

Keywords: state, digitalization, information technology, digital state, essence of digital state

Уровень технологического развития государства сегодня как никогда отражает степень развития всего общества в целом, оказывая положительное влияние на улучшение взаимодействия граждан и государства. В настоящее время концептуальной и приоритетной задачей большинства развитых государств считается формирование и развитие информационных и цифровых технологий, способных усовершенствовать государственное управление, улучшить качество жизни граждан. В свою очередь это оказывает существенное влияние на все сферы государства и связано с укреплением технологического суверенитета.

Вопрос о сущности цифрового государства тесно связан с вопросом о его понятии. Однако, когда мы говорим о понятии цифрового государства мы говорим о его существенных признаках. В то время как вопрос о сущности цифрового государства представляет собой вопрос о смысле, содержании данного явления, анализе его внутренней основы.

Что же следует понимать под цифровым государством в современной реальности? В юриспруденции достаточно много мнений относительно понятия «цифровое государство». Так, Э.А. Золаев считает, что «цифровое государство – это информационно-технологическая организация политико-правового взаимодействия граждан и органов публичной власти» [1, с. 1584]. В данном кон-

тексте следует отметить, что цифровое государство — это платформа для правоотношений не только граждан, общественных и коммерческих организаций и органов публичной власти, но и органов власти между собой. Представляется, что «внутреннее» взаимодействие в рамках информационного пространства органов публичной власти между собой это одно из главных направлений в цифровом государстве (например, межведомственное электронное взаимодействие). Так, единая система межведомственного электронного взаимодействия представляет из себя систему, включающую информационные базы данных, в том числе содержащие сведения об используемых органами и организациями программных и технических средствах. Основная цель данной системы состоит в обмене информацией и документами между органами государственной власти, органами местного самоуправления и организациями, предоставляющими государственные и муниципальные услуги.

В статье, посвященной понятию и признакам цифрового государства И. В. Шахновская, утверждает, что «цифровое государство представляет собой определенный концепт, вектор развития современного государства, при достижении которого все сферы общественной жизни должны быть представлены в цифровом формате: право, политика, экономика». При этом к признакам цифрового государства автор относит: размытость государственных (территориальных) границ, обеспечение информационного суверенитета (как в техническом, так и в правовом аспекте), наличие и действенность цифрового механизма защиты прав человека, вовлечение права в процесс информатизации и др. [2, с. 135].

И.В. Шахновская приходит к выводу, что итогом формирования концепции цифрового государства будет являться представление всех сфер общественной жизни в цифровом формате. Однако, представляется это не самоцель формирования цифрового государства. Видится, что концепция цифрового государства — это процесс длящийся, видоизменяющийся, особенно в свете активного развития цифровых технологий.

Интересной представляется точка зрения цифрового государства как сервиса [3, с. 48]. В самом общем виде цифровое государство представляет собой «сеть» определенных баз данных, автоматизированных систем и услуг, в которой органы государствен-

ной власти взаимодействуют между собой и с гражданами. Основной задачей государства является улучшение доступа граждан к государственной информации и услугам. В этой связи одним из главных направлений деятельности цифрового государства является создание и расширение платформенных сервисов для граждан.

Среди современных сервисов можно выделить : Портал Государственных услуг Российской Федерации (Госуслуги); ФГИС ЕГРН; ГАС «Выборы»; ГАС «Правосудие». Например, сервис Госуслуг предоставляет возможность получения государственных услуг в электронном формате. В настоящее время при помощи данного сервиса можно проверить и оплатить налоги и штрафы; записаться на получение паспорта; записаться к врачу и многое другое.

Некоторые под цифровым государством понимают государство как «цифровой гегемон» [4]. Аргументируется это тем, что цифровые ресурсы государства являются элементом контроля за гражданином, поскольку оно оперирует избыточным количеством данных о конкретном человеке.

Говоря о понятии «государство» в современной теории государства и права сложилось два подхода: широкий и узкий. При широком подходе под государством понимают определенным образом организованное общество, при узком подходе – определенную политическую организацию [5, с. 50].

В самом общем виде цифровизация это внедрение современных информационных технологий в аппарат публичной власти, применение органами государственной и муниципальной власти цифровых инструментов. Сущность цифрового государства государства как организованного общества состоит в том, что это наиболее приемлемая, технологически необходимая форма объединения людей. При переходе к цифровизации государство под воздействием объективных факторов приобрело новые формы существования. На сегодняшний день этот процесс еще не закончен.

Под цифровым государством (в широком смысле) следует понимать политический союз людей на определенной территории, представляющий собой новый тип организованного общества, управляемый при помощи цифровых инструментов и технологий публичной властью, выраженной в специальном аппарате управления и принуждения.

Для полного раскрытия сущности цифрового государства рассмотрим его определение в узком смысле. В самом общем виде в теории государства и права под государством в узком смысле понимают уже не определенное организованное общество, а определенную политическую организацию.

Информационное государство – это политическая организация, деятельность которой связана с политикой, с решением политических вопросов (например, реализация деятельности портала Государственных услуг Российской Федерации, организация электронного голосования). При этом информационное государство – не единственная в обществе политическая организация.

Отличительной чертой информационного государства является то, что это организация, которая представляет и осуществляет публичную власть в лице соответствующих органов государственной власти при помощи цифровых инструментов и технологий. Так, например, Федеральная налоговая служба Российской Федерации планомерно ведёт работу по интеграции пилотных проектов по работе в автоматизированных информационных системах; по организации услуг предоставления отчетности через Интернет.

Под цифровым государством (в узком смысле) следует понимать суверенную политико-территориальную организацию (платформу), состоящую из органов управления и принуждения, существующую за счет общества, осуществляющую власть с использованием цифровых инструментов и технологий в целях создания и поддержания в обществе правопорядка. Отличительной особенностью сущности цифрового государства является осуществление власти большей степени с использованием цифровых инструментов и технологий. К таковым относятся, например, системы электронного документооборота; электронное правительство (e-government); аналитические инструменты для обработки больших данных (big data); применение искусственного интеллекта; система блокчейн при голосовании.

Применение цифровых технологий требует соответствующих навыков и обучения служащих и работников. Возможны сложности в адаптации сотрудников к использованию новых технологий, что может затруднить успешную реализацию цифровых инноваций. Существенным моментом является и то, что разработка и применение цифровых технологий – довольно дорогостоящий

процесс, требующий значительных инвестиций, особенно на начальных этапах цифровизации, а окупаемость инвестиций – медленная.

В данном контексте важно заметить, что цифровое государство – это динамически развивающаяся организация (платформа). При этом если мы говорим о сущности цифрового государства (как и о сущности любых предметов и явлений), то она всегда остается неизменной.

Цифровое государство представляет собой логичный путь развития государственных институтов в сторону сервисной модели предоставления услуг и упрощения взаимодействия между органами внутри государственного аппарата, а также органами государственной власти и гражданами.

Однако, для успешной реализации программы цифровизации важно не только правильно оценить силы, потенциал и возможности к внедрению разного рода информационных систем, но и перспективы вовлечения граждан во взаимодействие с этими сервисами.

Источники и литература:

1. Золаев Э. А. Цифровое государство как новый этап развития общества / Э.А. Золаев // Креативная экономика. – 2021. – Т. 15. – № 5. – С. 1583-1594.
2. Шахновская И. В. Понятие и признаки цифрового государства // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия D : Экономические и юридические науки. – 2022. – № 6. – С. 134-137.
3. Государство как платформа: Люди и технологии/ под ред. Шкларук М.С. – М: РАНХиГС, – 2019. – 111 с.
4. Цифровое государство: системные и новые вызовы на пути прогресса // URL: <https://securitymedia.org/info/tsifrovoe-gosudarstvo-sistemnye-i-novye-vyzovy-na-puti-progressa.html> (дата обращения 20.09.2024 г.).
5. Пьянов Н.А. Консультации по теории государства и права: учеб. пособие. – Изд. 3-е, перераб. и доп. – Иркутск: Изд-во Иркут. Гос. ун-та, – 2010. – С. 583.

СООТНОШЕНИЕ ПРАВА И ПОЛИТИЧЕСКОГО РЕЖИМА В КОНТЕКСТЕ ГАРМОНИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ ПРАВА

Современное право может быть рассмотрено через призму гармоническое соотношение между общественными отношениями и правовыми нормами, при этом, политически режим данном соотношении выступает как главенствующий фактор, обобщающий такое явления как государственная политика. В таком случае гармонизация права и регулируемых общественных отношений, после неизбежной дисгармонии, вызванной трансформацией политического режима, является ключевой задачей политических акторов, являющихся операторами транзитивного перехода.

В работе анализируется форма влияния трансформации политического режима на гармонию в праве, выводится закономерность преобразования в праве в рамках транзитивного перехода в контексте создаваемых гармонических колебаний в системе общественных отношений и регулирующих их норм.

***Ключевые слова:** политический режим, деформация права, протрузия права, гармония права, общественные отношения*

THE RELATIONSHIP BETWEEN LAW AND POLITICAL RE- GIME IN THE CONTEXT OF THE HARMONIC THEORY OF LAW

*** Тирских Максим Геннадьевич**, доцент кафедры международного права и сравнительного правоведения Юридического института Иркутского государственного университета, кандидат юридических наук, Научный сотрудник лаборатории правовых исследований высокотехнологичных отраслей производства ФГБУН Федеральный исследовательский центр «Иркутский институт химии им. А.Е. Фаворского СО РАН», председатель Иркутского регионального отделения Межрегиональной ассоциации теоретиков государства и права (г. Иркутск, Россия).

Tirskikh Maxim Gennadievich, Associate Professor of the Department of International Law and Comparative Law of the Law Institute of the Irkutsk State University, PhD in Law, Research Fellow of the Laboratory of Legal Research of High-Tech Industries of the Federal Research Center «Irkutsk Institute of Chemistry nm. A.E. Favorsky SB RAS», Chairman of the Irkutsk Regional Branch of the Interregional Association of Theorists of State and Law (Irkutsk, Russia).

Modern law can be considered through the prism of the harmonious relationship between social relations and legal norms, while the political regime in this relationship acts as the dominant factor, generalizing such a phenomenon as state policy. In this case, the harmonization of law and regulated social relations, after the inevitable disharmony caused by the transformation of the political regime, is the key task of political actors who are operators of the transitive transition. The paper analyzes the form of influence of the transformation of the political regime on harmony in law, deduces the pattern of transformation in law within the framework of the transitive transition in the context of the created harmonic fluctuations in the system of social relations and the norms regulating them.

Key words: *political regime, deformation of law, protrusion of law, harmony of law, social relations*

Задачей права, как значимого института современной правовой реальности, является не просто регулирования общественных отношений, а гармоничное регулирование. При этом, под гармоничным регулированием понимается такое, которое не приводило бы к возникновению неблагоприятных противоречий между общественными отношениями и правилами их регулирования.

Очевидно, что в условиях отсутствия гармонии между общественными отношениями и правовыми средствами их регулирования в обществе возникают тенденции, приводящие к существенным изменениям политико-правовой реальности. Это вызывает в лучшем случае потребность в проведении правовых реформ, а в худшем может стать основанием перестройки общества, или даже распада государства, как общественного института.

В юридической науке были отдельные исследования, связанные с представлением о гармонии в праве, которые, однако, были главным образом посвящены юридико-техническому измерению правовой реальности, а не более глубинным проекциям самого явления права, как гармонизирующего начала человеческого общества [1].

Полагаем, что право, как явление, в первую очередь служит цели гармонизации социальных отношений, проявляющемуся в виде либо регулирования общественных отношений в формах не

допускающих существенного дисбаланса социальных интересов (что свойственно для стран романо-германской правовой семьи), либо инструмента разрешения социальных конфликтов, приводящих к их разрешению и устранению (что проявляется главным образом в англо-саксонской правовой семье). В любом случае базовой задачей регулирования при обоих подходах является регулирование общественных отношений таким образом, чтобы такое регулирование не нарушало гармонию социальных отношений и общественного представления о них.

При этом стоит отметить что в истории права наблюдается значительное число случаев, когда в право вносило дисгармонию в устоявшиеся общественные отношения, разрушало сложившийся уклад, приводило к возникновению социальных возмущений и протестов, как минимум требовавших корректировки правового регулирования в целях гармонизации права.

Полагаем, что идея о том, что достижение гармонии в праве является основной целью правового регулирования, обеспечивающего реализацию общественного интереса в его сочетании с классовыми, групповыми или персональными интересами может стать базовой категорией, описывающей все правовые процессы и явления, показывающие нарушения принципа гармонии в праве и обосновывающие им происходящие процессы. В таком случае можно говорить о том, что имеется основание для появления гармонической теории права, то есть такого учения о праве, которое бы описывало все правовые явления с точки зрения стремления права к гармонии регулирования общественных отношений и процессов стремления (достижения) такой гармонии.

Понимая, что в целом гармоническая теория права требует полного концептуального анализа в формате большем, нежели чем данные тезисы, отметим, что гармоническая теория права (понимание правовых явлений как стремления и достижения гармонии в регулировании общественных отношений) может прекрасно описать соотношение права и политического режима, в том числе процессы преобразования права в условиях трансформации политического режима.

Ранее мы отмечали, что трансформация политических режимов, как в форме замены одного режима другим, так и при сохранении существующего политического режима, но с изменением

отдельных аспектов его содержания всегда происходит с изменением права. Вызвано это как особой ролью права в процессе политического управления посредством регулирования общественных отношений, так и в контексте значимости права в правосознании общества (как в контексте привычки общества жить в условиях правового регулирования, так и в необходимости общественной реакции на правовые процессы). Таким образом, трансформация политического режима в любом случае сопровождается изменением существующего в государстве права. Однако такое изменение имеет определенные тенденции, одной из которых является стремление к гармонизации между применяемыми методами, средствами, приемами и способам политического управления и восприятием обществом всего массива существующих общественных отношений.

Использование правовых средств для активизации процессов трансформации политических режимов, или стабилизации сложившегося политического режима, ранее уже отмеченных в наших работах [2] является естественным свойством правового оформления трансформации политических режимов. Изменение в нормативной сфере способно стабилизировать преобразование, зафиксировав то или иное средство политического управления обществом (например, легализовав сравнительно стабильную военную диктатуру и определив потенциальные сроки и механизмы формирования новой системы органов государственной власти), а может активизировать политический процесс, предоставив, обществу возможность использовать отдельные механизмы формирования новых политических преобразований. К числу таких можно отнести внедрение института референдума в странах ранее его не использовавших, или федерализацию государства, обеспечивающую появление нового уровня государственной власти, а значит и необходимые новые преобразования по оформлению этого уровня власти, фиксации взаимодействия между ним и федеральным центром и т.д.

В политологической литературе встречается указание на то, что трансформация политического режима продолжается до момента достижения гармонии между основными политическими силами и акторами в процессе политической организации жизни общества [3]. Эта гармония является безусловно временно стабиль-

ным состоянием, которое возникает либо в случае отсутствия у определенных политических сил возможности дальнейших действий по преобразованию государства, либо в случае осознания со стороны акторов целесообразность временной остановки процесса парообразования в контексте воздействия внешних и внутренних факторов. В любом случае достижение такого состояния требует нормирования (принятия совокупности правовых норм) устанавливающих принципы и механизмы реализации власти в сложившиеся условиях, предусматривающие гарантии положения участников процесса политического преобразования, фиксирующие институциональные и процессуальные аспекты осуществления государственно-властных полномочий, приемлемых для участников политического процесса. При этом должна возникнуть гармония между теми методами, средствами, способами и приёмами осуществления политической власти, которые приемлемы для участников процесса политического преобразования. Без достижения такой гармонии не произойдет фиксация базовых институтов политического режима и как следствие будет невозможна сколь-нибудь длительное стабильное состояние политического режима.

При этом, как правило, гармонизация осуществляется посредством четырех действий. Во-первых, принятия конституирующих нормативных актов (конституции, союзного договора, политического соглашения) в которых отражаются принципы и модальности сложившегося временного политического консенсуса. В таком случае очевидна причина, по которой большинство преобразований политических режимов завершаются или принятием Конституции, или хотя бы акта, деформирующего основные конституционные принципы (например, Нюрнбергские законы национал-социалистической Германии [4], или Исключительные (чрезвычайные) законы 1926 года в фашистской Италии [5, С. 31 - 32]).

Во-вторых, создается совокупность институтов, формализующих систему государственного управления. Как правило это связано с созданием механизмов замещения власти, или проведения выборов в государстве. Без фиксации правил наделения конкретных лиц государственно-властными полномочиями, или хотя бы констатации легитимности сложившихся институтов государственного управления невозможна стабилизация политического

режима, и как следствие достижение гармонии между правом и политическим режимом.

В-третьих, нормативно закрепляются гарантии социально-экономических интересов общественных групп, выразителями интересов которых являются конкретные политические акторы. Собственно, силы, включенные в процесс политической трансформации, отражают интересы той или иной социальной группы (религиозной, этнической, экономической и т.д.). Это означает, что в случае если правовыми актами не будет зафиксирована совокупность условий, представляющих интерес (чаще всего социально-экономический) данных социальных групп политический режим не будет устойчивым, появятся новые сил, опирающиеся на данные социальные группы, которые продолжат действия по преобразованию политического режима государства. Такими правовыми результатами может быть фиксация прав на имущественные объекты, например, на землю и природные ресурсы, определенные параметры экономической политики, ставки налогов, разрешения на определенную деятельность или монопольное ее осуществление. В нематериальной части к таким нормам можно отнести закрепления тех или иных прав, освобождение от определенных обязанностей, фиксацию политического представительства и т.д.

В-четвертых, осуществляется создание массива правовых норм, обеспечивающих реализацию трех предыдущих групп норм. Данные нормы, закрепленные в широкой совокупности законов и подзаконных нормативных правовых актов, а для политических режимов стран не романо-германских правовых систем и иных источниках права обеспечивают реальность реализации тех норм, которые содержательно гармонизируют социально-политическую ситуацию в стране и способствуют неизменности политического режима на определенный период времени.

В случае, если не произойдет гармонизация соотношения между сложившемся политическим режимом и его правовым оформлением, в том числе посредством не устранения отдельных имеющихся правовых дефектов, нарушения прав участников политического процесса (политических организаций, групп или конкретных персоналий), отражения в нормах права стремлений социальных групп, являющихся субстратом для политических сил, участвующих в борьбе за власть неминуемым итогом будет про-

должение процесса трансформации политического режима вплоть до обретения новой точки равновесия и новой попытки стабилизации ситуации посредством гармонизации режима и права, его нормативно фиксирующего.

В таком случае очевидно, что гармоническое соотношение между сложившемся политическим режимом и его правовым оформлением является своеобразным детектором, который показывает степень устойчивости сложившегося политического режима и позволяет в целом проследить базовые направления его потенциальной трансформации. Полагаем, что детектирующий характер «право-режимной гармонизации» должен учитываться исследователями в рамках анализа состояния политической системы конкретных государств в определенных исторических реалиях.

Источники и литература:

1. Жбырь О.Н. Категория «гармония права» и основные формы ее выражения : теоретико-правовой аспект : автореферат дис. ... кандидата юридических наук : 12.00.01 / Жбырь О.Н. - Краснодар, 2011. - 26 с.
2. Тирских М.Г. Роль права в стабилизации политических режимов / М. Г. Тирских // Сибирский юридический вестник. – 2012. – № 2(57). – С. 156-160
3. Борокова И.Д. Политические изменения: понятие, концепции, факторы / И.Д. Борокова // «Культура и природа политической власти: теория и практика». Материалы II Всероссийской научно-практической конференции «Культура и природа политической власти: теория и практика», 2023 г., Екатеринбург. – Екатеринбург : УГПУ, 2023. – С. 22 – 27
4. Gruchmann L «Blutschutzgesetz» und Justiz: Zur Entstehung und Auswirkung des Nürnberger Gesetzes von 15 September 1935 // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. – München: Oldenbourg Wissenschaftsverlag GmbH, 1983. - T. 31. – P. 418 – 442
5. Cittino Y. Le trasformazioni in via consuetudinaria e convenzionale del Governo dallo Statuto albertino al periodo transitorio / Y. Cittino/ - Roma, Luiss School of Government, 2019. – 49 p.

*Галиев Михаил Сергеевич
Соколкова Анастасия Сергеевна**

К ВОПРОСУ ПОНИМАНИЯ ПРАВА КАК МНОГОГРАННО- ГО ЯВЛЕНИЯ

Показано, что в юридической науке право выступает в качестве сложного и многогранного явления. Сущность права как многогранного явления является весьма многообразной и не сводится исключительно к общесоциальным и классовым началам. Сделан вывод о том, что право в субъективном смысле предполагается признаваемое государством притязание людей на возможные действия и поведения, в свою очередь, под объективным правом понимается же система формально закрепленных норм, эталонов, исполнение которых является общеобязательным, за счет преобладающей императивности.

***Ключевые слова:** правовое явление, право, концепция, понимание, государство, человек, мораль.*

ON THE ISSUE OF UNDERSTANDING LAW AS A MULTI- FACETED PHENOMENON

It is shown that in legal science law acts as a complex and multifaceted phenomenon. The essence of law as a multifaceted phenomenon is very diverse and is not limited exclusively to general social and

***Галиев Михаил Сергеевич**, доцент кафедры права Камчатского филиала Российского университета кооперации, доцент кафедры юриспруденции ДВФ ВАВТ Минэкономразвития РФ, кандидат юридических наук (г. Петропавловск-Камчатский, Россия).

Galiev Mikhail Sergeevich, Associate Professor of the Law Department of the Kamchatka Branch of the Russian University of Cooperation, Associate Professor of the Jurisprudence Department of the Far Eastern Branch of the Russian Foreign Trade Ministry of Economic Development of the Russian Federation, Candidate of Legal Sciences (Petropavlovsk-Kamchatsky, Russia).

Соколкова Анастасия Сергеевна, студентка 2 курса (бакалавриат) ДВФ ВАВТ Минэкономразвития РФ (г. Петропавловск-Камчатский, Россия).

Sokolkova Anastasia Sergeevna, 2nd year student (bachelor's degree) of the Far Eastern Branch of the Russian Foreign Trade Ministry of Economic Development (Petropavlovsk-Kamchatsky, Russia).

class principles. It is concluded that law in the subjective sense is assumed to be a state-recognized claim of people to possible actions and behavior, while objective law is understood as a system of formally established norms, standards, the implementation of which is generally binding, due to the prevailing imperativeness.

Key words: *legal phenomenon, law, concept, legal understanding, state, person, morality.*

При подходе к понятию права, важно учитывать, что это явление не менее сложное, чем государство и, как правило, авторы юридических изданий рассматривают право в объективном и субъективном смыслах. Так, Акмалова А.А. [1, с. 156] в одной из своих работ придерживается мнения о том, что субъективное право – это мера юридически возможного поведения. Следовательно, под этим подразумеваются сугубо личные интересы лица, его права и свободы.

Примером этому может послужить, положение Всеобщей декларации прав человека, согласно которому «каждый человек имеет право на жизнь, на свободу и на личную неприкосновенность» [2]. Субъективность в данном случае выражается в том, что права непосредственно связаны с субъектом, являются зависимыми от его воли и сознания.

При этом, важной оговоркой здесь выступает тот факт, что эта «мера юридически возможного поведения» является ограниченной. Согласно Конституции Российской Федерации [3], реализация человеком своих прав и свобод не должна нарушать права и свободы других лиц.

Как справедливо отмечает Акмалова А.А.: «Если же все люди начнут действовать только по своим внутренним правилам, не придерживаясь общих подходов, то будет невозможно построить какую-либо коллективную деятельность» [1, с. 156].

Тогда, безусловно, возникает потребность в существовании норм, являющихся обязательными для всех. В этом случае речь идет об объективном праве, которое наиболее полно представляется, если к нему относят действующее законодательство. Объективность его заключается в том, что оно не зависит от сознания и воли конкретного лица.

Позицию Акмаловой А.А. о том, что понятие права сложное, состоящее из двух категорий, разделяет Смоленский М.Б. [4, с. 122], автор утверждает: «право в объективном смысле – это обеспеченная законом мера возможного поведения граждан или организаций». Субъективные же права, по мнению Михаила Борисовича, «связаны с возможностями или свободой поведения, принадлежащими лицам, субъектам».

Субъективное право включает в себя, в первую очередь, возможность самостоятельно совершать определенные действия, а также возможность требовать определенного поведения от другого лица, что, в свою очередь, обуславливается тем, что поведение есть возможность реализации субъективного права.

«Объективное право, - пишет Смоленский М.Б. [4, с. 123], не «прикреплено» к какому-либо конкретному субъекту, а, напротив, существует как объективный факт. Главным отличием от таких юридических категорий, как мораль, обычай, а также доктрины естественного права, выступает признание его правом «позитивным». Это обуславливается наличием в его содержании императивного критерия.

Наряду с вопросом о понятии права, важное значение в юридической науке и литературе занимает вопрос о его ценности. Рассматривая эту проблему, ученые-юристы различают социальную, инструментальную и собственную ценности права.

Так, Алексеев С.С. [5, с. 329-330] в своих трудах выдвигает позицию о том, что социальная ценность права, прежде всего, заключается в его нацеленности на обеспечение устойчивого порядка в общественных отношениях, на достижение точности в самом их содержании. Благодаря его формальной определенности, преобладает конкретика при разграничении правомерных действий от фривольности.

Инструментальная ценность, по словам Алексеева С.С. [5, с. 169-171], выражается в том, что, будучи главным инструментом государства, право выступает в качестве средства решения различных задач. Кроме того, право претворяет в жизнь ряд социальных институтов (морали, управления, демократии), выступая при этом опосредствующим звеном. И, наконец, инструментальная ценность права выражается в обеспечении слаженности жизни общества, что создается посредством установления образцов, эталонов поведения

и их границ. Из этого следует, что инструментальная ценность выражает так называемую служебную ценность права.

Собственная же ценность права заключается в том, что право есть «выражение и олицетворение социальной свободы и активности людей на основе упорядоченных отношений и в соответствии со справедливостью, необходимостью согласования воли и интересов различных слоев населения, социальных групп» [5, с. 171-174].

В этом смысле право служит средством для предоставления индивидуумам субъективных прав, активности в их поведении, но, одновременно с этим право направленно на достижение соизмеримости свободы, данной социуму с требованиями морали, нравственности и справедливости, в целях избежания произвола и бесправия.

Рассуждая над ценностью права, можно также проследить его многоаспектность, но все сводится к тому, что основная, стоящая перед ним цель – обеспечение согласованности и упорядоченности в действиях людей, установление и поддержание общественного порядка, соответствующего устоявшимся нормам права, морали и справедливости.

Для начала следует уделить внимание тому, что сущность, как философская категория, представляет собой совокупность наиболее значимых внутренних свойств того или иного явления, его бытие.

Следовательно, под сущность права понимается его внутренняя, устойчивая характеристика, раскрывающая его природу и социальное назначение [6, с. 182].

При рассмотрении его сущности, - пишет Акмалова А.А. [1, с. 157], также важно учитывать два фактора:

- 1) любое право есть прежде всего регулятор (формальная сторона);
- 2) этот регулятор, как правило, призван обслуживать национальные интересы государства и устанавливать баланс интересов различных слоев населения (содержательная сторона).

В юридической литературе можно встретить два основных подхода к сущности права. Так, Морозова Л.А. [6, с. 182] выделяет классовый и общесоциальный (общечеловеческий) подходы.

Классовая сущность права трактуется как выражение воли экономически господствующего класса. Согласно данному подходу, право первоочередно обеспечивает интересы преобладающего класса, отодвигая на задний план интересы остальной массы людей. Это реализуется, как правило, посредством насилия и подавления, чем и обуславливается постоянное недовольство и растущая борьба в обществе. Соответственно, роль права здесь весьма незначительна.

В противопоставление классовому подходу к сущности права выступает общесоциальный или общечеловеческий. Применительно к нему, право служит средством для достижения компромисса в обществе, сглаживания противоречий различных социальных классов и групп, выражая общую волю населения. Если же в классовом подходе четко прослеживается тенденция к применению принуждения, то здесь же, напротив, мы наблюдаем достижение консенсуса в обществе за счет взаимных уступок и согласования интересов личностей.

Наряду с указанными выше, Саляхетдинов С.Р. [7] в своем труде выделяет также этнический, расовый и религиозный подходы к сущности права. Тогда право служит способом выражения воли соответствующих этноса, расы или религии, занимающих привилегированное положение и чьи интересы, являются доминирующими.

Особое значение в юридической науке имеют концепции правопонимания, отражающие различные взгляды, оценки и само восприятие права как социального явления ученых-юристов.

По словам Корнева В.Н. [8, с. 200] в настоящее время для юриспруденции наиболее важную роль играют позитивистская, естественно-правовая и либертарно-юридическая концепции права.

В основе концепции позитивизма лежит отказ от анализа сущности рассматриваемых явлений и признание единственным источником знания, полученные исключительно путем наблюдения, то есть эмпирические данные.

В рамках данного подхода к пониманию права было выдвинуто три направления – легистское, социологическое и антропологическое, или психологическое.

Согласно концепции легизма, право и закон – понятия тождественные. Гоббс Т. и Остин Д. – одни из приверженцев данного

направления, считали, что право есть продукт государства, «приказ суверенной власти», последним и порождается право.

Впоследствии поддерживавшие идею легизма другие иностранные и российские юристы продолжили ее активно развивать. Так, Шершеневич Г.Ф., утверждал, что истина о праве коренится в законе, «право, по его словам, - всегда есть выражение интереса властвующих, а государственная власть не связана правом и стоит над ним» [8, с. 202]. Из позиции профессора можно предположить о стирании грани между правом и произволом, а, следовательно, право носит характер мнения.

Кроме того, значительное число российских юристов, поддерживавших данное направление, отказывались признавать идею так называемого правового дуализма, который выражается в сосуществование права естественного и позитивного, этим подчеркивается не только отрицание ими прав и свобод человека и гражданина, (последние, в свою очередь, рассматривались как подчинённые, а не свободные существа), но и сущностной специфики права как социального явления, обладающего собственной социальной ценностью.

Наибольшее развитие получило направление социологическое. Представители данного типа правопонимания, Р. Иеринг, Л. Дюги, Е. Эрлих, в своих работах придерживались позиции о том, что право коренится не в нормах закона, а реальной действительности. Право, согласно данной теории – явление социальное, независимое от государства. Последнее служит лишь институтом, который признает и отражает в действующем законодательстве нормы, возникающие непосредственно в обществе через отдельные действия или правоотношения.

Соответственно, «право, - как пишет Морозова Л.А., не есть нормативное установление государства, а то, что реально определяет поведение субъектов, их права и обязанности, воплощаясь в правовых отношениях» [6, с. 180].

Немало важное значение сторонники социологического типа правопонимания уделяют судебной практике, выдвигая на первый план идею о рассмотрении права в действии. Именно судебные акты оцениваются как реализация и применение права.

Психологическое направление к пониманию права изначально нашло свое отражение в трудах известного русского

ученого Л. И. Петражицкого, позже, выдвинутые им идеи, были поддержаны Дж. Дьюи, Дж. Мэриллом, А. Росса.

Изучению этого вопроса уделяет внимание Рассолов М.М. [9, с. 145-146], автор отмечает новаторство Л.И. Петражицкого, именно он впервые использовал понятие интуитивное право, которое исходит «не из внешнего авторитета государства, а основывается на проекции психологически обосновываемых прав, свобод и обязанностей граждан» [9, с. 145]. Выражение человеческих эмоций вовсе есть главное в становлении права и в переводе правовых предписаний в фактическое поведение людей.

Более того, в концепции заложена идея о связи права с обязанностями, которые имеют двоякую природу: «в одних случаях обязанность лица создается закрепленной за другим или другими лицами, принадлежащей другому, как его добро, в других случаях обязанность лица представляется односторонне связывающей, не закрепленной за кем-либо другим» [9, с. 146]. В первом случае подразумеваются обязанности нравственные, во втором – правовые. По аналогии с этим происходит и разграничение норм, что, согласно концепции, указывает на их императивно-атрибутивный характер.

Естественно-правовая концепция получила свое развитие еще во времена античности и связана с именами Сократа, Аристотеля, а позже Г. Гроция, Монтескье, Жан-Жака Руссо. В воззрениях философов лежит идея о существовании права естественного и позитивного.

Как отмечает Рассолов М.М.: «Сторонники этой школы доказывали, что в отличие от позитивного естественное право протекает из природы человека, человеческого разума, всеобщих нравственных принципов» [9, с. 144]. К последним представители теории относили прирожденные неотчуждаемые права человека, такие как жизнь, свобода, равенство, личная неприкосновенность. Роль государства, согласно естественной концепции, заключается в том, чтобы служить средством для их обеспечения и защиты.

Исходя из этого, позитивное право не должно противоречить положениям естественного. Если коллизии все же присутствуют, то право позитивное должно быть незамедлительно заменено на положительное, которое базировалось бы на естественных

законах и способствовало претворению в жизнь основополагающих идей естественного права.

В либертарной концепции, разработанной Нерсисянцем В.С., заложен принцип формального равенства, который академик видит в единстве трех взаимодополняющих элементов: «всеобщей равной меры, формальной свободы и всеобщей справедливости» [10, с. 18-23].

Значительное внимание автор уделяет взаимосвязи сущности и явления в праве. «Правовая сущность, или формальное равенство, по словам Нерсисянца В.С., проявляет себя в общеобязательном законе - правовом явлении действительности, а правовое явление, то есть общеобязательный закон проявляет, выражает во внешней реальной действительности правовую сущность - формальное равенство» [10, с. 19]. Именно эта взаимосвязь, как считает автор, служит средством достижения их единства в форме правового закона.

Признавая одновременное существование права и закона (закон есть форма выражения права), в отличие от сторонников юснатурализма, противопоставляющих право естественное позитивному и легизма, признающих право за «продукт государства», Нерсисянец В.С. наиболее полно отражает концепцию правопонимания.

Наряду с классическими концепциями правопонимания существуют и современные, изучению и анализу которых Архипов С.И. посвящает целый ряд научных статей.

Дискурсивная теория, выдвинутая Алексисом Р., содержит идею «о дуальной природе права, о соединении в нем начала идеального, в основе которого лежат элементы моральной правильности и фактического, содержащего элементы официального происхождения и социальной эффективности» [11].

Согласно концепции дискурса, как отмечает Архипов С.И., «система права формируется в три этапа: аргумент от имени идеального измерения права, аргумент от имени позитивности или реального измерения права и согласования идеального с реальным» [11]. Исходя из этого, можно предположить о попытке соединения им двух противоположных начал – естественно-правового и позитивного, именно правильное соотношение может послужить един-

ственным средством для достижения «гармонии правовой системы».

Кроме того, Алексис Р., рассуждая о возможности установления правильного соотношения, прибегает к известной формуле Радбруха, которая гласит: «Крайняя несправедливость не является правом» [11]. Следовательно, право может быть несправедливым, но исключительно до того момента, когда несправедливость не достигнет крайнего предела.

Исходя из вышеизложенного, мы можем сделать вывод о том, что для Алексиса Р. «притязания на правильность» и есть основное в праве, «системы норм, которые прямо или косвенно не притязают на правильность, к правовым системам не относятся» [11].

Особый интерес также представляет процедурная теория известного правоведа Фуллера Л. В его взглядах на правовую систему можно найти сходства со взглядами Алексиса Р., оба ученых видят тесную связь права и морали и придерживаются ранее упомянутой формулы Радбруха.

В своей работе Архипов С.И. отмечает, что Фуллер Л. выделяет два типа морали: мораль стремления, связываемая им с наиболее полным воплощением человеческих сил и достижением совершенства и мораль долга, которую автор теории видит, как своего рода фундамент, это основополагающие нормы, существование общества без которых не представляется возможным.

В таких христианских заповедях как «не убий», «не укради», «не прелюбодействуй» содержится не только моральный контекст, но и правовой. Здесь мораль долга помимо предписания отказать от совершения неправомерных действий (пассивного поведения), призывает также к активному поведению, посредством осуществления действий, принятых в качестве социально полезных.

Мораль же стремления связывает с правом их общая цель - достижение идеала. Это происходит «через определение общей картины человеческого прогресса, поиск высших социальных ориентиров, формирование внешних для права критериев, посредством которых можно оценивать создаваемые законодателем нормы» [11].

Кроме того, Архипов С.И. указывает на выделяемое в теории Фуллером право созданное и имплицитное. Их отличие заклю-

чается в том, что право созданное – это закон, изданный компетентным органом в соответствии с определенными правилами и процедурами, как правило, такое право есть письменное выражение воли законодателя. Имплицитное же право – обычай, не имеющий конкретного создателя, формирующийся стихийно и находящий свое отражение не в печатных источниках, а исключительно в актах человеческого поведения.

Коммуникативная концепция, разработанная Поляковым А.В. раскрывается через призму правовой коммуникации. Согласно концепции, правовая коммуникация представляет собой «правовое взаимодействие между субъектами, возникающее на основе социальной интерпретации правовых текстов как предоставляющих им коррелятивные правомочия и правообязанности, реализуемые в правовом поведении» [12].

По словам Архипова С.И., автор теории акцентирует внимание на разграничении таких категорий как «правовая норма» и «правовой текст»: «правовая норма находится не в тексте, а в психосоциокультурной действительности, бытийствуя как идеально-материальный феномен» [12].

В качестве основного критерия правогенеза, согласно концепции, выступает именно формирование психосоциокультурных реалий. Это является существенным отличием от представлений большинства ученых-юристов, которые в качестве причины возникновения, развития и функционирования права видят первоочередное возникновение государства. Право по Полякову А.В. может существовать без государства, а государство без права – нет.

В концепции значительное внимание уделяется разграничению права и идеологии, оба из которых имеют непосредственную связь с такой категорией, как «ценность». Придерживаясь взглядов автора, можно предположить, что правовые ценности в значительной мере оказывают влияние на сознание и последующее поведение субъектов правовой коммуникации. Соответственно, «на основе ценностных предпочтений формируются систематизированные представления о правовой действительности - правовая идеология» [12].

Под ценностью, как отмечает Архипов С.И., Поляков А.В. понимает «предмет в его связи с человеком» [12]. Ссылаясь на важность предмета для участника социальной системы, он различа-

ет два вида правовых ценностей: «Эйдетические правовые ценности рассматриваются им как ценности самого права, вытекающие из правовой идеи, существующие независимо от воли, желания законодателя, их закрепления в законодательных текстах. Социокультурные ценности - те, содержание которых отражает особенности развития конкретного общества, того или иного этноса, то есть не являются универсальными, зависят от исторических, идеологических, иных факторов» [12].

Таким образом, право – это сложное и многогранное явление. Рассматривая право в субъективном смысле, ученые-юристы предполагают признаваемые государством притязания людей на возможные действия и поведения, под объективным правом понимается же система формально закрепленных норм, эталонов, исполнение которых является общеобязательным, за счет преобладающей императивности. Сущность права, как многогранного явления, весьма многообразна и не сводится исключительно к общесоциальным и классовым началам, господствующую позицию может занимать любое государственно-правовое и социально-правовое явление.

Источники и литература:

1. Акмалова А.А. Теория государства и права: учебное пособие / А.А. Акмалова, В.М. Капицын. – Москва : ИНФРА-М, 2023. – 322 с.
2. 2. Всеобщая декларация прав человека : принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г. // СССР и международное сотрудничество в области прав человека : Документы и материалы. – Москва : Международные отношения, 1989. – С. 413–419.
3. 1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции Российской Федерации от 30 октября 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ, от 5 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ, от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ) // Российская газета. – 1993. – 25 дек.
4. Смоленский М.Б. Теория государства и права : учебник / М.Б. Смоленский. – Москва : ИНФРА-М, 2018. – 272 с.
5. Алексеев С.С. Теория права. / С.С. Алексеев. – Москва : издательство БЕК, 1995. – 320 с.

6. Морозова Л.А. Теория государства и права: учебник / Л. А. Морозова. – Москва : Норма: ИНФРАМ, 2024. – 464 с.
7. Саляхетдинов С.Р. Сущность и признаки права / С. Р. Саляхетдинов. – URL: <https://moluch.ru/archive/289/65556/> (дата обращения: 28.12.2024).
8. Корнев В.Н. Теория государства и права : учебник / В. Н. Корнев. – Москва : РАП, 2014. – С. 560.
9. Рассолов М.М. Теория государства и права: учебник для академического бакалавриата / М. М. Рассолов. – Москва: Издательство Юрайт, 2016. – 481 с.
10. Нерсисянц В.С. Теория права и государства / В. С. Нерсисянц. – Москва: Норма: ИНФРА-М, 2024. – 272 с.
11. Архипов С.И. Правовые теории Роберта Алекси и Лона Фуллера / С.И. Архипов. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovye-teorii-roberta-aleksi-i-lona-fullera> (дата обращения: 21.12.2024).
12. Архипов, С.И. Коммуникативная теория права А. В. Полякова / С.И. Архипов // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kommunikativnaya-teoriya-prava-a-v-polyakova> (дата обращения: 21.12.2024).

ПРАВО И МОРАЛЬ: ИХ ВЗАИМОСВЯЗЬ, ПРОБЛЕМЫ И РЕШЕНИЯ

В данной статье анализируется взаимосвязь между правом и моралью, их роль в обществе и влияние друг на друга. Гармония или противоречие между правовыми и моральными нормами могут привести к различным моральным и правовым проблемам в обществе. В статье рассматриваются отношения между правом и моралью на примере Узбекистана, их отражение в обществе, а также проблемы и пути их решения. Предлагаются рекомендации по повышению эффективности правового воспитания через развитие моральных ценностей и улучшение правовой культуры.

Ключевые слова. право, мораль, правовая культура, моральные нормы, Узбекистан, общество, проблемы, решения, правовая грамотность, социальные отношения.

LAW AND MORALITY: THEIR INTERRELATIONSHIP, PROBLEMS AND SOLUTIONS

This article analyzes the relationship between law and morality, their role in society and their influence on each other. The harmony or contradiction between legal and moral norms can lead to various moral and legal problems in society. The article examines the relationship between law and morality on the example of Uzbekistan, their reflection in society, as well as problems and ways to solve them. Recommendations are proposed to enhance the effectiveness of legal

* **Лалихон Мухамеджанова**, профессор кафедры этики и эстетики факультета социальных наук Национального университета Узбекистана имени Мирзо Улугбека, кандидат философских наук (г. Ташкент, Узбекистан).

Lolicon Mukhamedzhanova, Professor of the Department of Ethics and Aesthetics, Faculty of Social Sciences, Mirzo Ulugbek National University of Uzbekistan, Candidate of Philosophical Sciences (Tashkent, Uzbekistan).

education through the development of moral values and the improvement of legal culture.

Key words: law, morality, legal culture, moral norms, Uzbekistan, society, problems, solutions, legal literacy, social relations.

Право и мораль являются основными нормативными системами в обществе. Они регулируют поведение человека и обеспечивают порядок и согласие в социуме. Однако отношения между правом и моралью не всегда бывают гармоничными. В данной статье анализируются роль права и морали в обществе, их взаимное влияние, а также проблемы, возникающие в их взаимодействии.

Право представляет собой систему норм, обязательств и интересов, установленных в обществе и признанных государством. Основная функция права заключается в обеспечении порядка в обществе через законодательство, защите интересов людей, а также в поддержании справедливости и законности. Теоретические основы права базируются на следующих основных принципах:

Законность: правовые нормы должны быть утверждены в форме закона. Эти нормы создаются на основе законодательства для регулирования социальных отношений.

Обязательность: правовые нормы обязательны для всех граждан. Нарушение этих норм может повлечь за собой юридическую ответственность. В отношении лиц, не исполняющих эти нормы, могут быть применены меры юридической ответственности.

Справедливость: одной из ключевых задач права является обеспечение справедливости, защита прав и свобод человека. одной из основных задач права является обеспечение справедливости, направленное на защиту прав и свобод человека.

Теоретические основы морали. Мораль представляет собой совокупность нравственных ценностей, норм и правил, которые служат для регулирования поведения и взаимоотношений людей.

Цель морали состоит в обеспечении гармонии и согласия между личностью и обществом. Теоретические основы морали основываются на следующих принципах:

Нравственные ценности: такие нравственные ценности, как человечность, совесть, сострадание, любовь, ответственность и справедливость, направляют поведение людей.

Социальные нормы: мораль представляет собой систему социальных норм, регулирующих отношения между людьми. Эти нормы направлены на обеспечение гармонии и взаимного уважения в отношениях между личностями.

Самоконтроль: мораль основывается не только на внешних нормах, но и на способности человека к внутреннему самоконтролю. Это обеспечивает соблюдение нравственных норм через совесть и внутренние чувства человека.

Сходства и различия между правом и моралью:

Право и мораль являются двумя основными нормативными системами, которые играют важную роль в обеспечении порядка и стабильности в человеческом обществе. Понимание их сходств и различий помогает лучше осознать социальные отношения в обществе. Ниже приведены описания сходств и различий между правом и моралью.

Сходства. Регулирование поведения. Оба института – право и мораль – служат для регулирования поведения людей и их взаимоотношений. Они направлены на обеспечение определённых норм и порядка в обществе.

Обеспечение справедливости и общественного блага. И право, и мораль стремятся к обеспечению справедливости. Право делает это через законодательные механизмы, тогда как мораль опирается на нравственные правила для поддержания справедливости и защиты общих интересов.

Сохранение социального порядка. Оба института содействуют упорядочению социальных отношений и обеспечению

дисциплины в обществе, направляя поведение людей на соблюдение общепринятых норм.

Различия. Уровень официальности. Право: Представляет собой систему норм, установленных через официальное законодательство и принятых в форме законов государством. Правовые нормы обязательны для соблюдения, и за их нарушение предусмотрены меры наказания.

Мораль: Является неофициальной системой, основанной главным образом на обычаях, традициях и нравственных ценностях, регулирующей отношения между людьми. Нарушение моральных норм не влечёт за собой официального юридического наказания, а проявляется через общественное осуждение или чувство внутреннего угрызения совести.

Содержание и сущность. Право: Включает конкретные правила и обязательства, регулирующие правовые отношения между людьми. В первую очередь направлено на обеспечение законности и защиты интересов государства и граждан.

Мораль: Больше связана с внутренними чувствами и совестью человека, а также с развитием нравственных качеств и воспитания.

Обязательность соблюдения. Право: Является обязательным для всех граждан, и нарушение правовых норм влечёт за собой юридическую ответственность.

Мораль: В основном опирается на внутреннее убеждение человека и его совесть, что делает соблюдение моральных норм более личной ответственностью.

Законодательство и социальные нормы. Право: Базируется на официальных законах и актах, которые могут быть изменены или пересмотрены.

Мораль: Опирается на культурные традиции, обычаи и ценности общества, которые могут эволюционировать, но не требуют официального закрепления.

Таким образом, право и мораль, несмотря на их различия, дополняют друг друга, способствуя поддержанию порядка и справедливости в обществе.

Право: Является обязательным для всех граждан, и нарушение правовых норм влечёт за собой юридическое наказание. При нарушении правовых норм государство применяет меры ответственности.

Мораль: Может рассматриваться как социальное обязательство, однако за её нарушение официального наказания не предусмотрено. Соблюдение моральных норм зависит в большей степени от внутренней ответственности и совести человека.

Отношения между правом и моралью на примере Узбекистана

В Узбекистане отношения между правом и моралью имеют важное значение в различных аспектах общества. Правовая культура и моральные ценности тесно связаны, а их взаимодействие формируется на основе культурных традиций, правовой системы и социальных отношений в стране.

Традиции и правовая культура. В обществе Узбекистана традиционные ценности, обычаи и моральные нормы имеют большое значение. Национальные и культурные ценности занимают центральное место в регулировании отношений между людьми. Поэтому в правовой системе также учитываются моральные ценности. Например, семейные отношения, любовь и забота, уважение к старшим и забота о младших являются традиционными ценностями, которые влияют на социальные отношения, регулируемые через законы.

Правовая грамотность и моральное воспитание. В Узбекистане предпринимаются различные меры по повышению правовой грамотности. Однако недостаточное развитие правовой культуры иногда может привести к правонарушениям и социальным проблемам. В то же время укрепление морального воспитания, развитие внутренней ответственности и

добросовестности людей способствует соблюдению правовых норм. Для обеспечения гармонии между правом и моралью необходимо уделять особое внимание повышению уровня правового образования и продвижению моральных ценностей.

Учет моральных ценностей в законодательстве. В законодательстве Узбекистана некоторые правовые нормы формируются с учетом моральных ценностей и обычаев общества. Например, в семейном законодательстве семейные ценности, правила брака и развода основываются на национальных традициях. Также в уголовном законодательстве учитываются моральные нормы, и наказания за определенные преступления устанавливаются с учетом традиционных нравственных правил в обществе.

Социальная ответственность и уважение к закону. Гармония между правом и моралью в обществе способствует повышению социальной ответственности. Моральное воспитание, основанное на традиционных ценностях, укрепляет уважение людей к законам. Однако в некоторых случаях несоблюдение законов и недостаточное развитие правовой культуры могут привести к увеличению числа правонарушений.

Как отмечает академик Ш.З.Уразаев, привычка к соблюдению законов должна быть глубоко осознанной потребностью. Реальность этой потребности заключается в том, что молодой человек при выполнении определенных правовых норм принимает эти требования соответственно, поскольку формальная необходимость выполнения требований закона становится его основной внутренней потребностью.

Отношения между правом и моралью в Узбекистане формируются на основе культурных, традиционных и правовых факторов. Повышение уровня правовой грамотности, продвижение моральных ценностей и укрепление уважения к законам помогают обеспечивать стабильность и справедливость в обществе.

Гармонизация права и морали важна для более устойчивых и справедливых социальных отношений в Узбекистане.

Проблемы и решения. Важность гармонизации правовой культуры и моральных ценностей

Гармонизация правовой культуры и моральных ценностей имеет важное значение для обеспечения социального порядка и стабильности в обществе. Соединение правовых норм с моральными принципами помогает создать более справедливую и гармоничную систему, в которой учитываются как юридические, так и нравственные аспекты общественных отношений.

В настоящее время естественно возникает вопрос, на что следует обратить внимание для всестороннего повышения правовой культуры и нравственности населения, особенно молодежи, а также их правовой осведомленности и просвещения. Важно и актуально правдиво и понятно донести до граждан идеи нашей национальной идеологии о законе и законодательстве, верховенстве закона и уважении к нему. Правовое сознание, правовые знания и культура, представления о верховенстве закона не возникают у людей случайно. В Узбекистане также необходимо прививать это в сердца молодежи. Молодежь, обладающая правовыми знаниями и культурой, действует в соответствии с законами и нравственными нормами, принятыми в нашем обществе. Полученные правовые знания и культура помогают каждому гражданину знать свои права и защищать их. Чем лучше каждый член нашего общества осознает свои права, обязанности и ответственность, необходимость выполнения требований закона, а также то, что лицо, совершившее преступление, обязательно понесет наказание, тем более значительно сократятся противоправные действия и нежелательные происшествия в обществе.

Как правильно заметил юрист У. Таджихонов, правовая грамотность предполагает знание азбуки правовых знаний, самых простых норм, умение не заблудиться в сложном лабиринте

правильных условностей и необходимость в необходимости в помощи специалистам в необходимых условиях [1]. Такая грамотность позволяет человеку в любых обстоятельствах опираться на правовые стандарты, соответствующие правовым требованиям, при соблюдении своих действий. Правовая грамотность – это не только знание некоторых правовых норм или отраслевых прав, но и понимание различных правовых форм, а также информированность о развитии правовых основ жизни государства.

Предложения по повышению правовой грамотности населения

Для повышения уровня правовой культуры необходимо предпринять следующие меры:

- ✓ Организация программ правового просвещения, направленных на объяснение прав и обязанностей граждан.
- ✓ Включение основ права в образовательные программы на различных уровнях, начиная с начальной школы.
- ✓ Проведение регулярных тренингов и семинаров для населения по актуальным правовым вопросам.
- ✓ Важность воспитательных мероприятий для продвижения моральных ценностей и укрепления уважения к закону

Воспитательные мероприятия играют важную роль в продвижении моральных ценностей и формировании уважения к закону. Они способствуют развитию внутренней ответственности и совести, а также помогают предотвратить правонарушения. Важно регулярно организовывать мероприятия, направленные на укрепление моральных норм, такие как лекции, дискуссии и культурные мероприятия, чтобы повысить правовую и нравственную осведомленность общества.

Право и мораль имеют важное значение для обеспечения гармонии и стабильности в обществе. В Узбекистане можно повысить эффективность правового воспитания путем систематической работы по развитию правовой культуры и

укреплению моральных ценностей. Предложения и меры, представленные в статье для решения обозначенных проблем, могут способствовать положительным изменениям в этом направлении.

Юрист Раъно Турдибоева отмечает, что правовая культура студентов включает в себя уровень их юридической грамотности, уважения к законам, навыков соблюдения правовых норм и их применения в жизни, нетерпимости к правонарушителям, а также степени юридического права [2].

Соблюдение законов также является не только юридической, но и моральной обязанностью граждан. В совершенствовании правовых норм большую роль играет мораль, а правовые нормы способствуют ее внедрению в сознание людей. Связь правовой культуры с нравственной культурой проявляется в следующих категориях нравственности: честность и правдивость, человечность и доверие, совесть и чувство ответственности и др.

Культура каждого человека является основным фактором его духовного мира. А право, составляя основную часть этой культуры, является важной нормой в жизни, в образе жизни. Культура, обычаи и нравственность народов Востока совершенно отличаются от других народов. Восток дал миру таких великих мыслителей, что материальное и духовное наследие, оставленное ими, признано не только нашим народом, но и всеми народами мира. Следовательно, права народов Востока, в том числе узбекского народа.

Источники и литература:

1. Таджиханов У. Т. Правовые и духовные проблемы независимого государства в Узбекистане / У. Таджиханов. – Ташкент : издательство Академии МВД Республики Узбекистан, 1997. – С. 25.
2. Турдибоева Р. Хукукий маданият ва ёшлар / Р. Турдибоева. – Ташкент : Хукук-Право, 1998. – №4. – С. 18-21.

ПРИНЦИПЫ ПРАВА–ВАЖНАЯ ОСНОВА ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

В статье анализируются закрепленные в законодательстве и правовой доктрине процессы, связанные с государственным управлением. Обращается внимание на проблемные вопросы применения правовых принципов при реализации правоприменительной деятельности. Оцениваются высказанные мнения учёных по теме исследования, высказываются предложения по оптимизации правоприменительной деятельности.

Ключевые слова: государственное управление, государство, правовые принципы, общепризнанные принципы, международное право, конфликты.

PRINCIPLES OF LAW-AN IMPORTANT BASIS FOR PUBLIC ADMINISTRATION

The article analyses the processes related to public administration enshrined in the legislation and legal doctrine. Attention is drawn to the problematic issues of application of legal principles in the implementation of law enforcement activity. Opinions of scientists on the topic of research are evaluated, proposals on optimisation of law enforcement activity are expressed.

Key words: public administration, state, power, legal principles, universally recognised principles, international law, conflicts.

**Василевич Сергей Григорьевич – профессор кафедры экономики, управления и права частного учреждения высшего образования «Международный институт управления и предпринимательства», кандидат юридических наук, доцент (г. Минск, Республика Беларусь).*

Vasilevich Sergey Grigorievich – Professor of the Department of Economics, Management and Law of the private institution of higher education “International Institute of Management and Entrepreneurship”, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor (Minsk, Republic of Belarus).

Одной из правовых ценностей периода становления капиталистических отношений и современности явились разработка и внедрение в сфере государственного управления идеи разделения властей. В целом она утвердилась в большинстве стран, в каждой из них предусмотрена собственная концепция разделения властей. Цель – оптимальное обеспечение социальных интересов.

Бурное развитие получили демократические воззрения, основанные на принципах гуманизма. Видные деятели науки, среди которых Б. Спиноза, Т. Гоббс, Дж. Локк, Ш. Л. Монтескье, Ж. Ж. Руссо исследовали условия и ситуации, гарантировавшие безопасность государства и стабильность его функционирования. Эти учёные заложили основы теории разделения властей, они убедительно обосновали идею свободы выбора, а также такие получившие всеобщее одобрение идеи, как недопустимость вторжения в частную жизнь человека, неприкосновенность собственности. Первоочередными для своих исследований они выбрали вопросы естественных прав человека. Действие Закона и функционирование беспристрастного суда, по их мнению, считалось эталоном, при котором может процветать справедливость и эффективное управление [1, с. 117].

Известный немецкий учёный Л. фон Штейн, проводивший исследования в области государственного управления, основные свои научные работы посвятил, среди прочего, социальному праву управления. В своём труде «Учение об управлении» он трактует управление как осуществление государственной воли. Целью его учения явилось обеспечение приспособляемости внешнего мира к установленным законом целям государства. В свою очередь предметом внимания государства для Л. фон Штейна являлась хозяйственная жизнь, финансы, железные дороги, армия, почта, телеграф, водоснабжение, образование и нравственное самочувствие людей [1, с. 117].

Классические труды «Протестантская этика и дух капитализма» и «Хозяйство и общество» такого не менее известного учёного, как М. Вебер, заложили основы предметного понимания управления как формы социального администрирования. М. Вебером исследована сущность государства, изучены формы реализации власти, в основе которых лежали традиционное, харизматическое и «легальное» господства. Учёный считал рациональную бю-

рокрацию идеальным механизмом воплощения цивилизованного господства. Иные учёные того времени, не соглашаясь с М. Вебером и придерживаясь иных подходов, полагали, что рынок способен функционировать без государственного вмешательства [2, с. 18–23].

В середине 90-х годов прошлого столетия весьма оптимистично звучало утверждение о том, что только при внедрении указанной функционально-институциональной системы (разделения властей) в обществе можно реально обеспечить свободу, самостоятельность, гарантировать собственность [3, с. 223].

В то же время подчёркивается, что принцип разделения властей, наряду с его нацеленностью на эффективное государственное управление, является фактором зарождения и проявления юридического конфликта. Это может быть выражено в споре о полномочиях, формах взаимодействия между субъектами власти и др. В то же время этот принцип нацелен на исключение административного (внесудебного) произвола [3, с. 224].

Принцип разделения властей закреплён в ст. 10 Конституции Российской Федерации и ст. 6 Конституции Республики Беларусь.

Так, в соответствии со ст. 10 Конституции Российской Федерации государственная власть Российской Федерации осуществляется на основе разделения на законодательную, исполнительную и судебную. Органы законодательной, исполнительной и судебной власти самостоятельны [4].

Полагаем, что норма, закреплённая в ст. 6 Конституции Республики Беларусь, более полно отражает принцип разделения властей, предусматривая, что государственная власть в Республике Беларусь осуществляется на основе разделения ее на законодательную, исполнительную и судебную. Государственные органы в пределах своих полномочий самостоятельны: они взаимодействуют между собой, сдерживают и уравновешивают друг друга [5].

В системе разделения властей могут иметь место конфликты, противоречия и т.д., основанные на спорах, различных мнениях при взаимодействии органов государственной власти, осуществляющих свою деятельность. В его разрешении участвуют как субъекты государственной власти, входящие в группу конфликтующих,

так и не входящие в неё, но выполняющие посредническую функцию.

Существуют легальные способы разрешения конфликта. По справедливому утверждению ряда учёных в качестве условия конфликта есть так называемое переходное состояние государственного развития, а также незрелость демократии, слабая политическая система, отставание или противоречивость нормативной базы [3, с. 225–226].

Средством прекращения конфликта в сфере разделения властей является функционирование органов государственной власти в строгом соответствии с предоставленными им полномочиями. Важно своевременно получать достоверную информацию о социальной обстановке. Их деятельность должна быть публичной (транспарентной). Важен «учёт» общественной позиции (обсуждение). Необходимо взаимодействие властей на этапе подготовки проектов решений [3, с. 226–227].

Важны организационные формы взаимодействия между властями. При этом взаимодействовать следует не только между законодательной и исполнительной властью, но и с судебной ветвью. Концепцией совершенствования системы мер уголовной ответственности, утверждённой Указом Президента Республики Беларусь от 28.06.2023 № 196 «О Концепции правовой политики Республики Беларусь», предусмотрено, что она основывается на Конституции, иных законодательных актах, нормах международно-правовых актов, содержащих обязательства Республики Беларусь, и представляет собой совокупность положений, которые: закрепляют цель, принципы, субъекты формирования и реализации правовой политики; определяют историко-культурные основы и идеологические императивы правовой политики; отражают эволюционный путь развития и современное состояние правовой системы; устанавливают общие подходы к формированию и осуществлению правовой политики; определяют приоритетные направления развития законодательства.

Целями Концепции являются обеспечение эффективного функционирования и дальнейшее совершенствование правовой системы в интересах белорусского государства, общества и граждан. На достижение заявленных целей должны быть направлены усилия всех субъектов формирования и реализации правовой политики –

государственных и общественных институтов в рамках выполнения возложенных на них задач и функций, а также граждан в ходе их повседневной деятельности.

Согласно Концепции основными принципами формирования и реализации правовой политики являются: стабильность, эволюционный путь развития правовой системы на основе учета современных потребностей государства, общества и граждан; опора на ценности и культурные традиции белорусского народа, исторические, геополитические, социально-экономические особенности государства; оперативность, гибкость и адекватность правового регулирования общественных отношений; целостность и системность правового регулирования, единство всех направлений правовой политики, а также согласованность проводимой правовой, экономической, социальной и других видов государственной политики [6].

По уровню воздействия на конфликтующие стороны можно выделить несколько способов разрешения конфликта. К ним можно отнести переговоры (согласительные комиссии). Это касается не только законопроектов, создания координирующих органов (без подмены функций), но и применения властных полномочий (приостановление или отмена акта), обращение в Конституционный Суд. Взаимодействие между органами власти и общественными формированиями.

Таким образом, принцип разделения властей и его институционализация имеют как позитивную, так и негативную стороны. Однако, несмотря на это, имеющиеся позитивные аспекты, по мнению автора, превалируют над негативными.

Также отметим важность правовых принципов и их роли в разрешении юридических конфликтов.

Как справедливо отмечено в литературе, «принципы права охватывают всю правовую материю – и идеи, и нормы, и отношения, и придают ей логичность, последовательность, сбалансированность. В принципах права синтезируется опыт развития права, опыт цивилизации. Эволюция права идёт от идей к нормам, затем, через реализацию норм – к общественной практике. Начиная с появления идеи, а идея очень часто формируется в виде правового принципа, принцип определяет развитие права» [7, с. 195].

Восприятие принципов не может носить субъективный характер, личностное усмотрение может привести к искажению смысла, сущности принципа права.

В доктрине высказываются различные подходы к легитимизации принципов. В частности, некоторые учёные полагают необходимым их законодательное закрепление [8, с. 64].

На наш взгляд, обеспечить законодательное закрепление всех правовых принципов сложно и даже невозможно. Конечно, в ряде актов законодательства они получают своё отражение. Например, в конституции Республики Беларусь закреплены такие принципы, как принцип верховенства права, принцип равенства перед законом, принцип социального партнёрства и взаимодействия сторон, принцип равенства государств, неприменения силы или угрозы силой, принцип нерушимости границ, мирного урегулирования споров, невмешательства во внутренние дела [5].

Статья 15 Конституции Российской Федерации предусматривает, что общепризнанные принципы международного права являются составной частью правовой системы Российской Федерации [4].

Однако можно назвать и другие принципы, которые могли бы получить конституционное закрепление. Причём это касается обеих конституций. Вместе с тем в Республике Беларусь более полное закрепление правовых принципов осуществляется в иных законодательных актах. Например, в Уголовном кодексе, в Кодексе Республики Беларусь об административных правонарушениях.

Закрепление в акте законодательства какого-либо правового принципа и раскрытие его содержания содействует большей определенности при выборе действий при его реализации. Однако, на наш взгляд, принципы права постоянно обогащаются новым содержанием и нельзя суду или иному органу ограничиваться его содержанием, зафиксированным в нормативном правовом акте. В этой связи важное значение имеют выраженные правовые позиции компетентных органов, к которым можно отнести Конституционный Суд Республики Беларусь, суды общей юрисдикции, иные правоприменительные органы. Более того, было бы полезно дифференцировать юридическое значение принципов и иных норм законодательства, придав первым приоритет по отношению ко вторым. Такой подход желательно, по мнению автора, зафиксировать

в Законе Республики Беларусь «О нормативных правовых актах», в кодексах и иных актах законодательства Республики Беларусь, а также Российской Федерации.

Среди правовых принципов особую роль играют общепризнанные принципы и нормы международного права. Об этом прямо предусмотрено в ст. 8, ст. 18 Конституции Республики Беларусь, ст. 15 Конституции Российской Федерации [4, 5].

Указанные конституционные нормы имеют бланкетный характер, то есть конституции обозначают их место и роль, а перечень и содержание принципов имеется в международных правовых актах, например, таких как Всеобщая Декларация прав человека, Международный Пакт о гражданских и политических правах, Международный Пакт об экономических и социально-культурных правах.

В соответствии с Венской конвенцией Организации Объединённых Наций о праве международных договоров от 23 мая 1969 г. общепризнанные нормы международного права рассматриваются в качестве императивных общего международного права, признаваемых международным сообществом, отход от которых должен быть исключён, их изменение возможно только благодаря последующей корректировке норм, относящихся к общему международному праву [9].

Таким образом, для общепризнанных принципов международного права характерно признание их большинством государств. Общепризнанные принципы распространяют своё действие на всех субъектов правовых отношений. Их нарушение может повлечь применение санкций международно-правового характера.

В доктрине выделяется следующая классификация правовых принципов.

Помимо принципов материального характера можно выделить принципы юрисдикционного процесса.

В науке разграничивают принципы юрисдикционного процесса и принципы правоприменения: первые являются способом юрисдикционного разрешения конфликта. Вторые применяются вне зависимости от вида указанного процесса и могут быть использованы, в том числе при альтернативном способе его разрешения [10, с. 157].

М. Н. Кузьмина разграничивает принципы, выделяя основные принципы правоприменения, такие как законность, обоснованность, целесообразность и справедливость [10, с. 157].

Принципы справедливости и законности по какой-то причине относят к общеправовым принципам права и принципам правоприменения [11, с. 610].

М. Н. Кузьмина выделяет два аспекта принципа целесообразности. По её утверждению нормотворческий орган, принимая акт, исходит из наиболее целесообразного варианта правовой регламентации. Для достижения поставленной цели с другой стороны целесообразность в праве заключается в соответствии такой деятельности, которая нацелена на наиболее целесообразную реализацию правовой нормы с учётом жизненной ситуации. Она аргументирует свою позицию тем, что нормой права не представляется возможным учесть все конкретные ситуации, поэтому у исполнителя должна быть возможность выбирать варианты наиболее эффективного решения в конкретной ситуации, исходя из строгого соблюдения смысла закона и поставленной цели правовой регламентации; при больших возможностях, предусматриваемых в актах, обеспечивается исполнение этого требования [10, с. 159].

По мнению А. Ф. Черданцева для исключения формализма в правоприменении предусматриваются альтернативные или относительно определенные нормы, что содействует принятию целесообразного и отвечающего конкретным ситуациям решений [12, с. 28–29].

Как считает М. Н. Кузьмина, юридический конфликт может быть успешно разрешён, когда применяется одновременно вся совокупность принципов [10, с. 161].

Исходя из изложенного, можно сделать вывод о том, что в правоприменительной деятельности и доктрине возникает проблема соотнесения таких категорий, как целесообразность и усмотрение.

По утверждению Кузьминой М.Н. принцип целесообразности является самостоятельным принципом разрешения конфликта, в том числе юрисдикционным способом; правоприменитель, хотя и не может отойти от установленных законодателем пределов, однако это не означает отрицания принципа целесообразности [10, с. 162].

С такой точкой зрения нельзя согласиться. Конечно, у правоприменителя могут быть варианты разрешения конфликта в рамках правового предписания. Эти варианты могут различаться, но в любом случае они реализуются с учётом требования о соблюдении принципа законности. Те или иные предпочтения законодатель может установить в правовых актах. Например, при выборе меры пресечения.

Источники и литература:

1. Охотский Е. В. Государственное управление: на пути к современной модели государственного менеджмента / Е. В. Охотский // Вестник МГИМО. – 2014. – № 3 (36). – с. 115 – 127.
2. Аткинсон, Э. Б., Стиглиц Дж. Э. Лекции по экономической теории государственного сектора: учебник / пер. с англ. / под ред. Л. Л. Любимова. Москва : Аспект-Пресс, 1995. – 832 с.
3. Кудрявцев В.Н. Юридическая конфликтология / В.Н. Кудрявцев. – Москва : Российская Академия Наук, 1995. – 318 с.
4. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции Российской Федерации от 30 октября 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ, от 5 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ, от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ) // Российская газета. – 1993. – 25 дек.
5. Конституция Республики Беларусь : с изм. И доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г., 17 окт. 2004 г. и 27 февр. 2022 г. – Минск : Нац. Центр правовой информации Респ. Беларусь, 2022. – 80 с.
6. О Концепции правовой политики Республики Беларусь : Указ Президента Респ. Беларусь от 28 июня 2023 г. № 196 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – 2024.
7. Лившиц Р. З. Теория права : учебное пособие / Р. З. Лившиц. – Москва : Издательство БЕК. – 1994. – 224 с.
8. Кожевников С. Н., Кузнецов, А. Б. Общеправовые и отраслевые принципы: сравнительный анализ / С. Н. Кожевников, А. Б. Кузнецов // Юрист. – 2000. – № 4. – С. 64.
9. О праве международных договоров : Венская конвенция Организации Объединённых Наций, 23 мая 1969 г. // ЭТАЛОН. Законода-

тельство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск. – 2024.

10. Кузьмина М. Н. Юридический конфликт: теория и практика разрешения / М. Н. Кузьмина. – Москва : Издательство «Юрлитинформ», 2008. – 256 с.

11. Марченко М. Н. Теория государства и права : учебник / М. Н. Марченко. – Москва, 2005. – С. 610.

12. Черданцев А. Ф. Толкование права и договора: учебное пособие / А. Ф. Черданцев. – Москва : Издательство ЮНИТИ-ДАНА. – 2003, С. 28–29.

О СООТНОШЕНИИ ФИКТИВНОСТИ, ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ И ДЕЙСТВЕННОСТИ НОРМ ПРАВА

В статье рассматриваются понятия действительности, действенности и фиктивности норм права и их соотношение. Основу исследования составляют доктринальные источники. В результате проведённого анализа сделан вывод о том, что любая фиктивная норма права действительна юридически, но не соответствует реальной действительности, в силу акта воли, которым она создана, недостаточной легитимностью или несовершенствами юридической техники. Поэтому фиктивная норма является недействительной.

Ключевые слова: фиктивная норма права, действительность нормы права, действенность нормы права, действенность правового порядка, нормативизм Г. Кельзена.

ON THE RELATION OF FICTITIOUSNESS, VALIDITY AND EFFICACY OF LEGAL NORMS

The article deals with the concepts of validity, efficacy and fictitiousness of a legal norm and relation between the analyzed concepts. The base of the research is doctrinal sources. The result is conclusion on legal validity of any fictive norm. At the same time such norm is not considers reality in cause of will act, lack of legitimacy or imperfection of juridical technique. A fictive norm is inefficient.

Key words: fictive legal norm, validity of a legal norm, efficacy of a legal norm, efficacy of nomocracy, H. Kelsen's normativism.

**Светлана Владимировна Орлова, старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права Юридического института Сибирского федерального университета, (г. Красноярск, Россия).*

Svetlana Vladimirovna Orlova, senior lecturer of the Department of Theory and History of State and Law of the Law Institute of Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russia).

Фиктивные нормы права представляют собой содержащиеся в нормативных правовых актах предписания, которые не реализуются на практике в большинстве или во всех случаях, для которых они предназначены. Норма может быть признана фиктивной только тогда, когда она является юридически действительной, то есть содержится в статье нормативного правового акта и не утратила силу. Не являются фиктивными нормы, содержащиеся в статьях, утративших силу вследствие их отмены правотворческим органом или признанных противоречащими Конституции.

Действенность норм права стала объектом исследований Г. Кельзена. В контексте соотношения долженствования и фактической реализации нормы права им «были сформулированы понятия действительности как способа существования права и действенности как фактического поведения, корреспондирующего правовым нормам» [1, с. 45].

Г. Кельзен выделил две позиции относительно соотношения действительности и действенности права. Первая, соотносимая с идеалистическим, или естественно-правовым, направлением, состоит в том, что связи между указанными атрибутами права не существует. Вторая позиция именуется реалистической и предусматривает тождество действительности и действенности [2, с. 263; 1, с. 53].

На основе оценки приведённых позиций Г. Кельзен сделал вывод о том, что диалектической связи действительности и действенности правопорядка в целом. С одной стороны, действительность правопорядка предопределяется его действенностью: право должно быть действенным, но не абсолютном значении. Создание первой конституции как факт, с которым в той или иной степени соотнобразуется фактическое поведение людей, которые подчинены данному правопорядку, обуславливает действительность действующего права [3, с. 169; 1, с. 53]. С другой стороны, полное соответствие праву человеческого поведения не требуется, и даже, напротив, требуется возможность расхождения фактического поведения и стандартов, установленных нормами [3, с. 169; 1, с. 53-54], иначе норма была бы лишена смысла, так как предусмотренный ею вариант поведения стал бы единственным, а иных бы не существовало [3, с. 169-170; 1, с. 54].

Исходя из действительности правопорядка определяется действительность отдельной нормы. Являясь частью системы права, норма имеет источником своей действительности вышестоящую норму, а норма, занимающая высшее положение в иерархии, действительна в силу действительности правопорядка. Норма становится действительной с момента своего издания, до того, как может стать действенной [4, р. 62-63; 1, с. 54]. При этом «действительная норма не может быть ни абсолютно действенной, ни полностью недейственной» [1, с. 46].

Кроме того, в конституции, составляющей основание правопорядка, может быть предусмотрен в качестве источника права негативный обычай, смысл которого заключается в том, что норма утрачивает действительность, если в течение продолжительного времени не применяется [4, р. 62-63; 1, с. 54].

Действенность является достаточным условием действительности нормы «в силу основной нормы, посредством которой действенный правовой порядок истолковывается как система действительных норм» [5, с. 314-315; 1, с. 64]. Как заметил Е.В. Булыгин, действительность обычая выводится из его действенности [6, с. 273-274; 1, с. 63]. Однако Г. Кельзен, отвечая на замечание Е.В. Булыгина, указал, что необходимым условием действительности всё же является не действенность, а официальное признание обычая источником права [5, с. 315; 1, с. 64]. Созданная же норма «действительна, но ещё не действенна» [5, с. 315; 1, с. 64].

О проблеме, которая в трудах Г. Кельзена рассматривается посредством анализа соотношения действительности и действенности норм права, писал Д. Истон, рассуждая о функционировании политической системы, в процессе которого решения, принимаемые органами власти, никогда не могут быть признаны в качестве обязательных всеми членами системы, то есть населением. Вместе с тем для обеспечения сохранения указанной системы нормы, в которых выражаются упомянутые решения, должны признаваться обязательными более чем половиной населения страны [7, р. 97; 9, с. 510]. Если же величина, характеризующая признание норм права их адресатами, становится меньше 50%, то можно констатировать появление фиктивных норм права.

Г. Кельзен также рассматривал значение признания норм права, указывая на необходимость различения «согласия

с командой (и признание нормы) и соблюдение команды (и нормы)» [1, с. 55]. Им выделяются, в частности, случаи, когда адресат предписания соглашается с ним, хотя может оказаться не в состоянии его исполнить, или когда адресат исполняет предписание, хотя может быть с ним не согласен [8, р. 7-8; 1, с. 55].

Второй из приведённых Г. Кельзеном случаев не приводит к фиктивности нормы. Согласие или несогласие не меняет ход правового регулирования, если норма соблюдается, даже если адресат с ней не соглашается.

Другая ситуация складывается, если имеет место первый из выделенных случаев. Адресат нормы согласен с ней, но оказывается неспособным её исполнить. Данную ситуацию Л.Л. Фуллер характеризовал как проблему правотворчества, при которой норма требует невозможного от тех, чьё поведение она регулирует [9, с. 614]. Если неспособность характерна для меньшинства участников общественных отношений, которым норма адресована, то она не станет фиктивной. Напротив, если неспособным выполнить нормы оказывается большинство, то это влечёт её фиктивность.

Описанные случаи могут быть дополнены ещё одним: адресат правовой нормы не согласен с ней и по этой причине отказывается от её соблюдения. О нарушении норм права большинством членов общества писал Ж. Боден, формулируя правило: «Мудрый суверен не должен наказывать людей за совершенное преступление, если они составляют большую часть его подданных или если преступниками являются все его подданные» [9, с. 101]. Закономерно в исследованиях современного состояния правового регулирования констатируется значение легитимности права [10].

Во всех рассмотренных случаях понятие фиктивности нормы соотносится с подходом к его пониманию, сформулированным самим Г. Кельзеном. В его трудах фиктивные нормы определяются как мыслимые, но не выражающие смысла реального акта воли. При этом они мыслятся как нормы, а не суждения о последних. Они являются не позитивными нормами, а нормами, в отношении которых субъект «претендует на то, что они действительны» [8, р. 234-235; 1, с. 60]. Мыслимая норма является смыслом мыслимого акта воли [8, р. 234-235; 1, с. 60].

А.А. Краевский, анализируя теорию фиктивных норм Г. Кельзена, указывает на неудачность термина «фиктивный»: по-

следний «обычно понимается как не соответствующий действительности» [1, с. 60]. По Г. Кельзену, несоответствие фиктивных норм действительности проявляется в том, что они не выражают смысл реальных волевых актов [1, с. 60-61].

Вместе с тем, как заметил А.А. Краевский, фиктивные нормы могут быть действительными в контексте понимания действительности Г. Кельзеном, так как «действительность нормы определяется её признанием, а именно признанием в конкретных случаях» [1, с. 61]. И в этом смысле «существование фиктивных норм не противоречит принципу “нет императива без императора”» [1, с. 61]. Отсюда «ничто не мешает фиктивной норме быть действительной» [1, с. 61]. В результате «теория фиктивных норм позволяет концептуально соединить волевой акт как естественный лингвистический источник нормы, мысль, являющуюся его смыслом, и признание нормы как способ ее существования» [1, с. 62].

Таким образом, в рамках сформулированной Г. Кельзеном доктрины обращают на себя внимание три аспекта понимания нормы права. Во-первых, она может являться выражением реального или мыслимого акта воли. Во-вторых, норма может соответствовать или не соответствовать действительности. В-третьих, она может быть признана или не признана. Признание, в свою очередь, может рассматриваться, с одной стороны, как официальное санкционирование, обуславливающее юридическую силу нормы, и, с другой стороны, как её легитимность, то есть отношение к ней со стороны адресатов, принятие её или в качестве обязательной и готовность соотносить с ней собственное поведение.

Теория фиктивных норм Г. Кельзена позволяет уточнить особенности фиктивных норм права в контексте настоящего исследования. Норма не фиктивна, если выражает реальный акт воли, содержание которого соответствует действительности, является официально признанным (юридически действительным) и признаётся большинством адресатов нормы. Однако в процессе правового регулирования возможны ситуации, когда один из перечисленных признаков нормы для неё не характерен.

Первая из таких ситуаций возникает, если волевой акт, выраженный в тексте нормы, не соответствует акту воли, который на самом деле имел место со стороны правотворческого субъекта. В этом случае норма формулируется без цели её осуществления и

является заведомо фиктивной. Несовпадение реального акта воли и смысла, буквально вытекающего из текста нормы, может иметь место без достаточных оснований или для достижения определённых целей, связанных с общим благом. Так, известно, что «ни в какой практической системе законов невозможно предугадать те исключительные средства, которые может продиктовать внезапное национальное бедствие и которые оно одно способно оправдать» [11, р. 250-251; 12, с. 364; 9, с. 682]. Ведь «бывают периоды смут или вторжений, когда, ради сохранения самой законности, необходимо нарушить нормы права», поэтому «кабинет министров должен нарушать закон» [13, р. 412; 12, с. 364; 9, с. 682].

Вторая ситуация складывается, когда содержание нормы выражает реальный акт воли, но формулировка нормы имеет дефекты юридической техники, или не созданы организационные, экономические или иные условия для осуществления нормы, вследствие чего она не может претворяться в жизнь. В этом случае норма фиктивна, но не заведомо, а в силу ошибок, допущенных при её формулировании или обеспечении её реализации.

Третья ситуация имеет место, если норма юридически действительна, выражает реальный акт воли, корректно сформулирована, а для её реализации созданы необходимые условия, но она не признаётся большинством или всеми её адресатами. Это может быть обусловлено, с одной стороны, недостаточной информационно-разъяснительной и просветительской работой с адресатами нормы, непризнанием ими её необходимости, пользы и ценности, правовым нигилизмом или, с другой стороны, применительно к первой ситуации, когда норма принимается без намерения её реализации, причём без достаточных оснований, что вызывает несогласие населения. Норма является фиктивной, поскольку не оказывает воздействия на поведение всех или большинства участников регулируемых общественных отношений.

Для обеспечения эффективности правового регулирования требуется недопущение ошибок, допускаемых субъектами правового регулирования, и обеспечение условий, необходимых для реализации принимаемых норм. Кроме того, необходимо, чтобы доступным и понятным для адресатов был не только содержание и смысл норм, но и их социальное предназначение.

Что касается ситуации, когда норма является фиктивной, поскольку изначально принимается без цели её осуществления для достижения других целей, должно быть учтено замечание Г. Кельзена о связи действительности правового порядка с его действенностью. Только если существует действенный правовой порядок, появляется возможность и смысл предполагать существование основной нормы, из которой следует действительность других норм [14, с. 321-323; 1, с. 65]. Поэтому справедливо утверждение Р. Паунда о необходимости соблюдения режима законности, социального порядка и недопустимости его произвольного нарушения [9, с. 478]. В этом случае правопорядок действителен и существует возможность формулирования при необходимости заведомо фиктивных норм с целью обеспечения стабильности политической системы, сохранения государства.

Источники и литература:

1. Краевский А.А. Эволюция понятий действительности и действенности права в чистом учении о праве Ганса Кельзена // Труды Института государства и права РАН. – 2018. – Т. 13. – № 6. – С. 45–70.
2. Кельзен Г. Чистое учение о праве 2-е изд / Пер. с нем. М.В. Антонова, С.В. Лёзова. – Санкт-Петербург : Издательство «Алеф-Пресс», 2015.
3. Кельзен Г. Чистое учение о праве: введение в проблематику науки о праве / Пер. с нем. М.В. Антонова. – Санкт-Петербург : Издательство «Алеф Пресс», 2015, С. 107–240.
4. Kelsen H. Introduction to the Problems of Legal Theory. Oxford: Clarendon Press, 1992.
5. Кельзен Г. Действительность и действенность права / Пер. с нем. М.В. Антонова. – Санкт-Петербург : Издательство «Алеф Пресс», 2016, С. 294–315.
6. Булыгин Е.В. Понятие действенности / Пер. с нем. М.В. Антонова. – Санкт-Петербург : Издательство «Алеф-Пресс», 2016. С. 273–293.
7. Easton D. A Framework for Political Analysis. Chicago, 1979.
8. Kelsen H. General Theory of Law and State. New Brunswick: Transaction Publishers, 2006.

9. Дробышевский С.А. История политических и правовых учений: основные классические идеи / С.А. Дробышевский. – Москва : Норма, 2018. – С. 792.
10. Афанасьева Л.В. Нормы права и их действие: вопросы теории: автореферат дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Л.В. Афанасьева. – Москва, 2000. – 177 с.
11. Blackstone W. Commentaries on the Laws of England. Oxford, 1765–1769. P. 250–251.
12. Финнис Дж. Естественное право и естественные права. М., 2012.
13. Dicey A. V. Introduction to the Study of the Law of the Constitution. L., 1959.
14. Булыгин Е.В. Замечания к «Действительности и действенности» Кельзена / Пер. с нем. М.В. Антонова. – Санкт-Петербург : Издательство «Алеф-Пресс», 2016. С. 316–323.

Светлана Викторовна Корнакова
Елена Владимировна Чигрина*

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ИНСТИТУТА ПРИМИРЕНИЯ В РОССИИ

В статье представлен анализ исторических предпосылок возникновения института примирения сторон в России в дореволюционный период. Приводятся основные исторические памятники, содержащие упоминание о мирном разрешении возникающих в обществе конфликтов и споров, в качестве которых применялись такие процедуры, как «побратимство», совместные пиры, впоследствии перешедшие в совещания и переговоры, а позднее – в посредничество и мировое соглашение. Делается вывод, что примирение, как неформальная процедура вместо судебного разбирательства, исторически свойственно российской правовой культуре, поскольку оно соответствует российскому правосознанию, зачастую ставящему нормы морали выше норм права.

***Ключевые слова:** российское законодательство; исторические правовые памятники; институт примирения; разрешение споров; процедуры примирения; правовая культура.*

HISTORICAL BACKGROUND OF THE INSTITUTION OF RECONCILIATION IN RUSSIA

The article presents an analysis of the historical prerequisites for the emergence of the institution of reconciliation of the parties in

**Светлана Викторовна Корнакова, доцент кафедры теории и истории государства и права Байкальского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент (г. Иркутск, Россия).*

Svetlana Viktorovna Kornakova, Associate Professor, Department of Theory and History of State and Law, Baikal State University, Candidate of Law, Associate Professor, (Irkutsk, Russia).

Елена Владимировна Чигрина, доцент кафедры теории и истории государства и права Байкальского государственного университета, кандидат экономических наук, доцент (г. Иркутск, Россия).

Elena Vladimirovna Chigrina, Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law, Baikal State University, PhD in Economics, Associate Professor, (Irkutsk, Russia).

Russia in the pre-revolutionary period. The main historical monuments are cited, which contain references to the peaceful resolution of conflicts and disputes arising in society, as which such procedures as "twinning", joint feasts were used, which subsequently turned into meetings and negotiations, and later into mediation and a settlement agreement. It is concluded that the legal institution in question was known even before the revolutionary Russian law, and the first mentions of it occur during the period of the Russian Truth. Reconciliation, as an informal procedure instead of judicial proceedings, is historically peculiar to the Russian legal culture, since it corresponds to the Russian legal consciousness, which often puts the norms of morality above the norms of law.

Keywords: *Russian legislation; historical legal monuments; institute of reconciliation; dispute resolution; reconciliation procedures; legal culture.*

Как известно, роль процедур примирения (медиации) выходит далеко за рамки решения чисто юридических проблем. Миссия примирения гораздо шире, поскольку она имеет целью не только снижение конфликтности в обществе, но и, в не меньшей степени, привитие навыков мирного разрешения спора, а в перспективе направлено на повышение общей правовой культуры участников правовых отношений, что не может не способствовать оздоровлению общества.

Стоит отметить, что истоки института примирительных процедур зародились еще в римском праве. Как указывает Д. В. Дождев, именно здесь сформировалась конструкция, именуемая «мировой сделкой» (*transactio*), которая представляла собой «соглашение о взаимных уступках сторон, к которому они прибегали при возникновении трудностей в обосновании своих требований». При этом *transactio* рассматривалась и с процессуальной, и с материальной позиций, где «в первом случае мировая сделка являлась способом прекращения спора, а во втором – нетипичным видом обязательства» [1, с. 524].

В конце классической эпохи римской истории такая сделка трансформировалась, как отмечает указанный автор, «в самостоятельный источник гражданского обязательства в качестве безы-

мянного контракта и получила правовую защиту посредством исков» [1, с. 524].

Таким образом, под мировым соглашением в римском праве понимался договор, имеющий процессуальные последствия в виде прекращения производства по делу, т.е. такое соглашение представляло собой институт материального права. Позднее произошла интеграция данного института в правовые системы государств Европы, а затем и в Россию.

Эволюция примирительных процедур в российском государстве является достаточно длительной. При этом становление и развитие применения таких процедур происходило в несколько этапов, в числе которых можно условно выделить такие крупные этапы, как дореволюционный, советский и современный.

В частности, в отношении первого этапа, которому и будет уделено внимание в настоящей статье, отметим, что «первые упоминания о разрешении споров и конфликтов у славянских народов с использованием примирительных процедур относятся к VI веку н.э. Именно в это время в регулировании общественных отношений появляется ‘новое начало’, выразившееся в понимании ‘необходимости заключать перемирие’, а сама процедура мирного урегулирования конфликтов с использованием процедур примирения стала источником древнего обряда славян – ‘побратимства’». Этот обряд стал одним из способов ограничения кровной мести [2, с. 11].

Положения относительно урегулирования споров мирным путем содержали многие исторические памятники русского права. В частности, в период действия Русской Правды, как отмечает Н. Н. Ефремова и, зачатки института примирения можно увидеть, например, в ситуации избавления виновного от кровной мести за причинение смерти другому лицу, посредством оплаты им виры (штрафа), а также возмещения ущерба родственникам убитого. При этом важным являлся учет воли потерпевшего, при отсутствии которой мирный путь урегулирования разногласий был невозможен [3, с. 85].

Е. В. Попаденко отмечает также наличие во времена Русской Правды иных способов примирения имеющих друг к другу претензии сторон, однако их формы законом регламентированы не были [4, с. 27].

Упоминание об институте мирового соглашения как способе мирного разрешения конфликтов присутствует в Новгородских берестяных грамотах (1281 – 1313 гг.), Двинской уставной грамоте (1397 – 1398 гг.) и Псковской судной грамоте (1397 г.), где содержалась нормы общественной жизнедеятельности, предусматривающие реальную возможность урегулирования конфликта (драки), произошедшего на пиру, путем процедуры примирения.

Распространенной примирительной процедурой в Древней Руси были совместные пиры, в которых участвовали государь, вельможи и народ. Как отмечается исследователями этого периода, «во времена Киевской Руси среди примирительных процедур важное место занимали совместные пиры государя, вельмож и народа... При этом каждый совместный пир являлся своеобразным способом примирения противоречий между государем, вельможами и народом» [5, с. 94].

Со временем эта традиция перешла в совещания, переговоры, проводимые как на государственном, так и межгосударственном уровне [6, с. 57]

Позднее с появлением первых письменных источников права, начинают широко использоваться и мировые соглашения, которые вплоть до XX в. назывались «полюбовной сказкой» [7, с. 54–62]. Сутью таких соглашений являлись принятые обоюдно обязательства, в силу которых одна из сторон принимала на себя исполнение определенных условий (обещание впредь не наносить оскорблений, уплатить к известному сроку долг, вознаградить за причинение обиды и др.).

Следует отметить, что в древнерусском государстве наиболее часто использовалась такая форма урегулирования конфликта, как посредничество. В роли посредников выступало Духовенство, которое помогало разрешить княжеские споры, завершить миром междоусобные войны.

Представляется, что отличительной чертой существовавшего на тот момент посредничества являлось то, что третье лицо могло навязать сторонам свое видение разрешения конфликта, поэтому, хотя споры и удавалось окончить миром, но вряд ли на тех условиях, которые бы удовлетворяли обе стороны.

Развитие института примирительных процедур в период петровских преобразований, выразилось в существовании двух ос-

новых способов достижения согласия между сторонами: посредничество и мировое соглашение. В свою очередь, подробное законодательное закрепление процедура примирения впервые получила во время царствования Екатерины II в ходе произведенной в этот период губернской реформы в 1775 г. В частности, «Учреждением для управления губернией Всероссийской империи» подробно устанавливалось поэтапное примирение сторон по возникающим спорам [8, с. 77]. Подобный подход позволял сохранить взаимоотношения между сторонами на перспективу.

Результатом указанной реформы, кроме этого, явилось создание Совестного суда, в котором рассматривались гражданские споры лиц, прибегших по обоюдному согласию к их разбирательству в таком суде, а также дела о спорах между родителями и детьми «по имуществу и всякого рода искам по обязательствам» [9, с. 58–59]. В рамках Совестных судов существовали такие виды примирительных процедур как: переговоры, примирение посредством посредника и судебное примирение, в котором примирителями являлись непосредственно судьи. При этом предпочтение отдавалось двум последним процедурам, поскольку к числу недостатков первого вида примирения относились зачастую имевшие место низкие навыки эффективного ведения переговоров и как следствие, усугубление существовавшего ранее конфликта между сторонами.

Таким образом, рассматриваемый правовой институт был известен еще дореволюционному российскому праву, а первые упоминания о нем встречаются в период действия Русской Правды. Отечественные деятели различных отраслей уделяли ему внимание и участвовали в разработке его основ. Интерес к примирительным процедурам сохранялся и к началу XIX века. Русский историк, поэт и литератор Н. М. Карамзин, отмечал, что посредничество освобождает судебную систему от загруженности и позволяет прекратить начатые споры или вовсе устранить их до судебного разбирательства.

В заключении отметим, что в научных источниках высказывается вызывающе возражающее мнение о том, что «идеи посредничества не характерны для отечественной философской и политико-правовой традиции, а скорее заимствованы из политико-правовых учений западноевропейской правовой культуры» [10,

с. 46]. Между тем, как было показано, примирение все же свойственно российской правовой культуре и оно опирается на специфику российского правосознания, предпочитающего неформальные процедуры вместо судебного разбирательства, а также зачастую ставящего нормы морали выше норм права.

Источники и литература

1. Дождев Д. В. Римское частное право: учебник для вузов / Д. В. Дождев. – Москва : Норма, 2003. – 784 с.
2. Рубинштейн Е. А. Нормативное регулирование института прекращения уголовных дел в связи с примирением сторон : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Е. А. Рубинштейн. – Москва, 2004. – 265 с.
3. Ефремова Н. Н. Традиция примирения в истории обычного права и законодательства России (дореволюционный период) / Н. Н. Ефремов // Государство и право. – 2011. – № 7. – С. 84–90
4. Попаденко Е. В. Институт примирения в истории российской уголовной юстиции (дореволюционный период) / Е. В. Попаденко // Право: история и современность. – 2021. – №3 (16). – С. 25–34.
5. Власенко Н. А. Примирение и право / Н. А. Власенко, Т. В. Чернышева // Журнал российского права. – 2012. – № 7. – С. 91–106.
6. Мачучина О. А. Этапы становления примирительных процедур в отечественной правовой системе / О. А. Мачучина // Право и государство: теория и практика. – 2016. – № 4. – С. 57–61.
7. Российское законодательство X – XX веков: В 9 т. Т. 2: Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства / отв. ред. А. Д. Горский. – Москва : Юрид. лит, 1985. – 519 с.
8. Давыденко Д. Л. Мировое соглашение как средство внесудебного урегулирования частноправовых споров (По праву России и некоторых зарубежных стран) : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.15 / Д. Л. Давыденко. – М., 2004. – 257 с.
9. Захаров В. В. Суд и институт исполнения судебных решений по гражданским делам в Российской империи первой половины XIX столетия: законодательные основы и проблемы их

практической реализации: историко-правовое исследование / В. В. Захаров. – Москва : Юрлитинформ, 2010. – 399 с.

10. Карпеев О. В. Третейский суд – альтернативная форма рассмотрения споров, вытекающих из договора перевозки / О. В. Карпеев // Арбитражный и гражданский процесс. – 1999. – № 4. – С. 46–48.

*Галиев Михаил Сергеевич
Кошкарева Людмила Александровна**

НЕТЕРПИМОЕ ОТНОШЕНИЕ К КОРРУПЦИОННОМУ ПОВЕДЕНИЮ КАК ОСНОВА ЭТИЧЕСКИХ И ПРАВОВЫХ КАТЕГОРИЙ В ПОНИМАНИИ ГОСУДАРСТВА

Показано, что основой этических и правовых категорий в понимании государства является нетерпимое отношение к коррупции как самого государства, так и общества в целом. Делается вывод о том, что в основе этической категории понимания коррупции лежат нравственные принципы, отражающие социальную толерантность к коррупции и недоверие общества к государственным органам. На примере нормативных правовых актов и их развития показан эффективный симбиоз правовой и этической категорий. Сделан вывод о необходимости продолжения системного развития антикоррупционного законодательства.

Ключевые слова: *коррупция, коррупционное поведение, этическая категория, правовая категория, противодействие коррупции, общественное правосознание, морально-этические ценности, нетерпимость, национальная стратегия, национальный план.*

***Галиев Михаил Сергеевич**, доцент кафедры права Камчатского филиала Российского университета кооперации, доцент кафедры юриспруденции ДВФ ВАВТ Минэкономразвития РФ, кандидат юридических наук (г. Петропавловск-Камчатский, Россия).

Galiev Mikhail Sergeevich, Associate Professor of the Law Department of the Kamchatka Branch of the Russian University of Cooperation, Associate Professor of the Jurisprudence Department of the Far Eastern Branch of the Russian Foreign Trade Ministry of Economic Development of the Russian Federation, Candidate of Legal Sciences (Petropavlovsk-Kamchatsky, Russia).

Кошкарева Людмила Александровна, студентка 2 курса (бакалавриат) Камчатского филиала Российского университета кооперации, кандидат технических наук (г. Петропавловск-Камчатский, Россия).

Koshkareva Lyudmila Aleksandrovna, 2nd year student (bachelor's degree) of the Kamchatka branch of the Russian University of Cooperation, candidate of technical sciences (Petropavlovsk-Kamchatsky, Russia).

INTOLERANT ATTITUDE TO CORRUPT BEHAVIOR AS THE BASIS OF ETHICAL AND LEGAL CATEGORIES IN THE UNDERSTANDING OF THE STATE

It is shown that the basis of ethical and legal categories in the understanding of the state is an intolerant attitude towards corruption of both the state itself and society as a whole. It is concluded that the basis of the ethical category of understanding corruption is moral principles reflecting social tolerance for corruption and society's mistrust of government bodies. Using the example of regulatory legal acts and their development, an effective symbiosis of legal and ethical categories is shown. A conclusion is made about the need to continue the systemic development of anti-corruption legislation.

Key words: *corruption, corrupt behavior, ethical category, legal category, anti-corruption, public awareness of justice, moral and ethical values, intolerance, national strategy, national plan.*

В Российском законодательстве деяния, формирующие суть и содержание коррупции, в обобщенном виде отражены в Федеральном законе от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» (далее – Закон № 273-ФЗ): коррупция – это злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами. Также к коррупции относят совершение указанных деяний от имени или в интересах юридического лица [1].

Вышеуказанный нормативный акт является правовой основой в сфере борьбы с коррупцией, положения которого устанавливают также содержание понятия «противодействие коррупции», определяют круг лиц, основы их организационных действий и мероприятий, перечень мер и способов, направленных на предупреждение и профилактику коррупционных проявлений, и являются

основой для принятия подзаконных актов в области антикоррупционной деятельности.

Законодательная база государственного механизма противодействия коррупции не ограничена указанным Законом № 273-ФЗ. Основу законодательства составляют Конституция Российской Федерации, международные правовые акты, федеральные законы и иные правовые акты, которые в совокупности определяют и регулируют меры по противодействию коррупции, меры ответственности за совершенное противоправное деяние в сфере коррупционных преступлений, меры по восстановлению последствий.

Внимание к коррупции и принятие мер по борьбе с этим социальным явлением в историческом аспекте также находит отражение в законодательстве царского, имперского, советского периодов.

В истории антикоррупционного законодательства России, первые ограничения, направленные на упреждение развития коррупции, отражены в Судебнике 1497 года, положениями которого были введены запреты на получение посулов (взятки). В развитие этих норм Судебником 1550 года введено самое суровое наказание за мздоимство (взяточничество) – смертная казнь. В течение следующих веков политика государства по борьбе с коррупционными проявлениями не теряла своей актуальности, хоть и реализовывалась в отдельные исторические периоды с разной степенью эффективности [2].

Понимание содержания такого явления как коррупция, признание государством фактов распространения и упрочения коррупционных схем, их негативных последствий для национальной безопасности государства и необходимости формирования действенной антикоррупционной политики, путем развития и совершенствования законодательной базы противодействия коррупции, лежит в основе правовой категории понимания нетерпимого отношения к коррупционным проявлениям.

Необходимо отметить, что вопросы коррупции, коррупционных преступлений исследуются с позиций различных наук, в том числе юриспруденции, экономики, социологии, политологии и культурологии. Исследованию и изучению подлежат причины, формы, содержание, сферы, признаки, последствия ее проявлений, степень централизации коррупционных отношений, масштабность

и уровень распространения коррупции, достаточность предпринимаемых мер и вводимых ограничений.

Результаты исследований играют большую роль в понимании факторов, способствующих появлению и распространению коррупции, выявлении недостатков законодательства и действий институтов власти и способствуют совершенствованию государственной политики противодействия коррупции.

Активный нормотворческий процесс современного российского государства, начатый в начале 2000-х годов, формирование общественных организаций по борьбе с коррупцией, повышение уровня правосознания общества, гласность, и открытость государственных органов способствуют укреплению нетерпимого отношения к коррупционному поведению.

Однако, крупные коррупционные скандалы, связанные со злоупотреблениями со стороны должностных лиц высших органов власти, являются индикаторами неэффективности принимаемых мер и их результатов. Наряду с экономическими потерями такие проявления коррупции губительно влияют на общественное правосознание [3].

Правовая категория понимания негативного влияния коррупции и нетерпимости к ее проявлениям на жизнь общества отражена в положениях Национальной стратегии противодействия коррупции, утвержденной указом Президента Российской Федерации от 13.04.2010 № 460 (далее – Указ № 460, Национальная стратегия): «несмотря на предпринимаемые государством и обществом меры, коррупция по-прежнему серьезно затрудняет нормальное функционирование всех общественных механизмов, препятствует проведению социальных преобразований и модернизации национальной экономики, вызывает в российском обществе серьезную тревогу и недоверие к государственным институтам, создает негативный имидж России на международной арене и правомерно рассматривается как одна из угроз безопасности Российской Федерации» [4].

Помимо недоверия к органам власти и формированию общественного мнения о безуспешности борьбы с коррупцией, в общественном сознании имеет место быть и противоречивое восприятие коррупции.

Результаты социальных исследований общественного мнения указывают на дифференцированное восприятие различных ситуаций на предмет их коррупционной составляющей. Большинство опрошенных (95%) осуждают «грубые нарушения» существующего порядка или незаконные действия должностных лиц (например, закрытие уголовного дела) и не считают коррупционным проявлением действия в зоне так называемой «серой коррупции» (покупка справки о нетрудоспособности) (72%). Кроме того, устанавливая степень виновности сторон, на вину дающего взятку указывает только 1% респондентов [5].

Вышеизложенное свидетельствует о противоречиях между общественным отношением к коррупционному поведению и вектором государственной политики в сфере антикоррупционной деятельности.

Социальная толерантность к коррупционным проявлениям в ее дифференцированной форме и губительное влияние коррупции на общественное правосознание и доверие к государственным органам, являются причинами, препятствующими противодействию коррупции.

Эти факторы, в качестве нравственных принципов общества лежат в основе этической категории понимания коррупции и уровня нетерпимого отношения общества к коррупционному поведению.

Понимание проблемы предопределяет необходимость развития государственной политики по противодействию коррупции в совокупности с нормами правового регулирования традиционных механизмом воздействия и мерами, направленными на изменение общественного правосознания и качественного изменения морально-этических ценностей.

Этическая категория, выраженная в необходимости формирования государством нетерпимого отношения к коррупционным проявлениям и созданию условий для развития моральных ценностей и нравственных принципов общества, находит свое отражение в Национальных планах противодействия коррупции, утверждаемых указом Президента Российской Федерации (далее – Национальные планы).

Качественные изменения в рамках развития антикоррупционной политики по формированию этической правосознательности

произошли в 2016 году. В программу Национального плана на 2016 – 2017 годы [6] были включены задачи по усилению влияния этических и нравственных норм на соблюдение представителями государственных органов и муниципальных служб запретов, ограничений и требований, установленных в целях противодействия коррупции.

В развитие общественного правосознания в программу Национального плана на 2018 – 2020 годы [7] был включен раздел, в основу которого заложены меры по повышению эффективности просветительских, образовательных и иных мероприятий, популяризацию в обществе антикоррупционных стандартов и развитие общественного правосознания (раздел V), а в программу Национального плана на 2021 – 2024 годы [8] помимо вышеуказанных мер (раздел XII), включены дополнительные меры по расширению участия граждан и институтов гражданского общества в реализации государственной политики в области противодействия коррупции (раздел XIII).

Сравнительный анализ содержания положений отдельных Национальных планов, утвержденных на период 2010 – 2011 годы, на 2016 – 2017, на 2018 – 2020 и на период 2021 – 2024 годы указывает на системность и прогрессирующее развития антикоррупционного законодательства Российской Федерации, осуществляемого совершенствования системы мер организационного, экономического, правового, информационного, кадрового и социального характера.

Исторически коррупция представляется как неизбежное зло, негативные последствия которого можно ограничить путем принятия и развития соответствующих мер разной степени эффективности (законодательных, организационно-правовых, экономических, социальных и др.).

Борьба с коррупцией – это государственная задача, от решения которой зависит экономическая, политическая и социальная мощь государства.

Российская Федерация ведет успешную работу по противодействию коррупции, развивая и совершенствуя антикоррупционное законодательство, механизмы взаимодействия государства и общества, делая упор на технический прогресс и современные достижения в области информационных технологий.

Это правильным вектор направления усилий государства и народа, открывающий перспективу снижения негативных эффектов коррупции и сохранения Российского государства сильным и суверенным.

В конце концов человечество победило неизбежное зло в виде чумы и оспы. Периоды профилактики борьбы с заражением, проведение защитных мероприятий по ограничению распространения эпидемий этих болезней на протяжении столетий закончились победой.

Источники и литература:

1. О противодействии коррупции : Федеральный закон Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 09.12.2024).
2. Коновалов В.А. Коррупция в российской истории и праве / В.А. Коновалов // «Белые пятна» российской и мировой истории. – 2014. – № 6. – С. 63-67.
3. Лаптева Л.Е., Юртаева Е.А. Этические правила противодействия коррупции / Л.Е. Лаптева, Е.А. Юртаева / Российский юридический журнал. – 2019. – № 5. – С. 24 – 33.
4. О Национальной стратегии противодействия коррупции и Национальном плане противодействия коррупции на 2010 – 2011 годы : Указ Президента РФ от 13.04.2010 № 460 // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 09.12.2024).
5. Максименко А.А. Отношение россиян к коррупции / А.А. Максименко, О.С. Дейнека, Д.В. Крылова, Л.Н. Духанина // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. – 2020. – Т. 13. – № 4. – С. 407 – 425.
6. О Национальном плане противодействия коррупции на 2016 – 2017 годы : Указ Президента РФ от 01.04.2016 № 147 // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 09.12.2024).
7. О Национальном плане противодействия коррупции на 2016 – 2017 годы : Указ Президента РФ от 01.04.2016 № 147 // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 09.12.2024).

8. О Национальном плане противодействия коррупции на 2021 – 2024 годы : Указ Президента РФ от 16.08.2021 № 478 // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 09.12.2024).

**ПЕРСПЕКТИВЫ И ПРОБЛЕМЫ ПРИНЯТИЯ
ПРОГРАММНЫХ ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫХ ДОКУМЕНТОВ
В СФЕРЕ РАЗВИТИЯ СИСТЕМЫ НАКАЗАНИЙ**

В статье оценены и проанализированы перспективы и проблемы принятия программных политико-правовых документов в сфере развития системы наказаний. Автором обоснована концепция и предложена структура документа «Основы государственной политики Российской Федерации в сфере развития системы наказаний». Подведены итоговые выводы.

Ключевые слова: правовая политика, программные политико-правовые документы, юридическая ответственность, наказание, основы государственной политики, система наказаний.

**PROSPECTS AND PROBLEMS OF ADOPTING
PROGRAM POLITICAL AND LEGAL DOCUMENTS
IN THE SPHERE OF DEVELOPMENT OF THE PUN-
ISHMENT SYSTEM**

The article evaluates and analyzes the prospects and problems of adopting programmatic political and legal documents in the sphere of development of the punishment system. The author substantiates the concept and proposes the structure of the document "Fundamentals of the State Policy of the Russian Federation in the sphere of development of the punishment system ". The final conclusions are drawn.

Key words: legal policy, programmatic political and legal documents, legal liability, punishment, principles of state policy, punishment system.

***Игорь Александрович Кузьмин**, доцент кафедры теории и истории государства и права Иркутского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент (г. Иркутск, Россия).

Igor Aleksandrovich Kuzmin, Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the Irkutsk Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor (Irkutsk, Russia).

Наказание как «правовое ядро» юридической ответственности содержит в себе сильный регулятивный и охранительный потенциал, в реализации которого нуждается вся правоохранительная система государства, и соответствующая система мер государственного принуждения. Формирование обозначенных систем в связи с развитием системы правовых наказаний – сложная задача, требующая комплексного подхода и планирования на самом высоком стратегическом (международном или внутригосударственном) уровне. В свою очередь, это обуславливает необходимость принятия программных политико-правовых документов, в которых правящая политическая воля находит свое организованное воплощение и стратегическое преломление, получая, в конечном итоге, правовое закрепление. Р.Р. Хаснутдинов с сожалением отмечает, что сфокусированный полезный результат действия «системы юридической ответственности... гипотетически конечно, должен формулироваться в соответствии с правовой политикой демократического правового социального государства, построением которого и занята Россия на современном этапе своего развития. Пока, к сожалению, не выработано концепции правовой политики как официального программного документа государства, на который мы могли бы опереться...» [1, с. 68]. Кроме того, политическая нестабильность различного рода и вида способна снизить эффективность применения наказаний, ввиду возникновения рисков политически ангажированного (необъективного, предвзятого) отношения органов и должностных лиц к осуществлению правоохранительных функций [2, с. 12].

Политико-правовые документы в сфере развития системы наказаний необходимы в качестве основы для выработки программы и определения ориентиров в соответствующем направлении государственной политики. Стратегия, концепция, доктрины, принципы или иные подобного рода документы позволяют в ситуации неочевидности и отсутствия предшествующего правового опыта, а также неясности перспектив в какой-либо области задавать общие установки для дальнейшего правового регулирования при реализации правовой политики. Ранее мы предположили, что последовательность размышлений законодателя в данном ключевом узле связано с решением вопросов о том, является ли вред от правона-

рушения настолько серьезным, чтобы возлагать за него наказание, какой тип наказания будет отвечать природе нарушения, позволит обеспечить надлежащую (наилучшую) правовую охрану общественных отношений, а также каким должен быть вид и объем санкции внутри избранного вида юридической ответственности? [3, с. 15]

Так, в Стратегии национальной безопасности, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 02 июля 2021 г. № 400 прямо установлено, что усиление роли государства и повышение эффективности деятельности специальных (правоохранительных) органов как условие достижения государственной и общественной безопасности напрямую увязано с обеспечением принципа неотвратимости наказаний за совершение преступлений (п. 41, пп. 12 п. 47). Обозначенный подход также находит свое выражение в Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 29 мая 2020 г. № 344 (абз. 4 пп. «б» п. 32, пп. «г» п. 36). В стратегии безопасности дорожного движения в Российской Федерации, утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 08 января 2018 г. № 1-р, в качестве одной из задач по совершенствованию системы управления безопасностью дорожного движения указано обеспечение соразмерности наказания тяжести совершенного правонарушения (раздел III). В отдельных случаях наказание рассматривается как часть функционального механизма обеспечения правопорядка при разработке и реализации различных программ развития. Так, согласно п. 7.4.4 Стратегии сохранения белого медведя в Российской Федерации, утвержденной распоряжением Минприроды России от 01 марта 2022 г. № 7-р, при невыполнении компаниями, обеспечивающих экологический туризм в районах, где белый медведь обычен, средствами защиты и необходимыми сведениями туристов должны применяться меры административного воздействия. Информация о наказании ответственных лиц распространяется среди иных компаний, что существенно снижает риск повторных правонарушений такого рода.

Упоминание наказаний как средств реализации государственной политики встречается и во многих концепциях. Например, обозначенные положения содержатся в Концепции противо-

действия терроризму в Российской Федерации, утвержденной Президентом Российской Федерации от 05 октября 2009 г. (пп. «в» п. 21), Концепции развития рынка ценных бумаг в Российской Федерации, утвержденной Указом Президентом Российской Федерации от 01 июля 1996 г. № 1008 (п. 2 раздела IV), Концепции совершенствования контрольной (надзорной) деятельности до 2026 года, утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 21 декабря 2023 г. № 3745-р (раздел V) и во многих других соответствующих документах.

Мы полагаем, что наиболее приемлемой формой политико-правового закрепления положений в сфере развития системы наказаний будут основы государственной политики Российской Федерации, принимаемые Президентом Российской Федерации (далее – Президент РФ). С учетом важности занимаемого в системе разделения властей нашей страны места, исходящие от Президента РФ документы обладают наибольшей степенью важности и влияния на любые государственно-правовые процессы, включая и развитие системы наказаний.

Представляется, что потребность в обозначенном документе назрела уже давно, причем мы выражаем убежденность, что феномен «наказание» на теоретическом и практическом уровнях познания должен рассматриваться как мера любого вида юридической ответственности, а не ограничиваться исключительно рамками уголовного и административного права. Исходя из этого, мы предлагаем следующую структуру данного документа:

- общие положения;
- оценка состояния системы наказаний;
- цели, задачи и приоритетные направления государственной политики в сфере развития системы наказаний;
- механизмы реализации государственной политики в сфере развития системы наказаний;
- ожидаемые результаты реализации государственной политики в сфере развития системы наказаний.

Общие положения очерчивают социальную область применения, общую характеристику данного направления политики, структуру документа и основные понятия, используемые в нем (наказание, система наказаний, подсистема наказаний, юридическая ответственность, право на наказание, безнаказанность и т.д.).

Методологическое значение указанного раздела необходимо увязать с актуальными концепциями юридической ответственности, сделав акцент на ретроспективном понимании ответственности и наказания, их межотраслевую природу.

Оценка состояния системы наказаний дает общее описание критериев ее качества и эффективности, а также содержит результаты анализа факторов, влияющих на состояние системы наказаний, статистические данные о возложении наказаний в различных сферах, а также предпринимаемые для совершенствования системы наказаний мероприятия. Данная оценка должна быть увязана с положениями и идеями оценки регулятивного воздействия для перехода от «догоняющего» в «актуальное (адекватное)» правотворчество. На сегодняшний день возможности реализации концепции «опережающего» правотворчества в этой сфере отсутствуют, что не мешает учитывать их при стратегическом планировании.

В следующем разделе определяются цели, задачи и приоритетные направления государственной политики в сфере развития системы наказаний. Здесь важно избежать «поверхностного» подхода, увязав между собой задачи и «этапы» достижения поставленной цели применительно к направлениям, которые воплощают в жизнь эти задачи и этапы. Цель должна содержать примерное «понимание» той цели развития, которая будет заложена в программный документ. Таковыми фрагментами поставленной цели в теоретическом преломлении может стать организация подсистем наказания, более эффективная реализация права на наказание, снижение областей юридической безнаказанности, достижение установленных показателей государственной и общественной безопасности, правопорядка и подобные другие.

Далее перечисляются механизмы реализации государственной политики в сфере развития системы наказаний, начиная от совершенствования законодательства, и заканчивая мониторингом актуального состояния системы наказаний и специализированными научными исследованиями. Называются субъекты управления и реализации этого направления государственной политики. Состав механизмов и обеспечивающих их инстанций следует определять, исходя из общего понимания и содержания механизма правообразования (от возникновения потребности в наказании, до ее официально-нормативного удовлетворения) и механизма правового регу-

лирования (с начала общеюридического действия норм, содержащих наказания до их окончательной реализации в конкретных правоотношениях).

В завершающем разделе документа перечисляются ожидаемые результаты реализации государственной политики в сфере развития системы наказаний, охватывающие как собственно-правовые, так и социально-правовые итоги осуществления государственной политики. Устанавливаются подходы и формы оценки эффективности, соответствующие полномочиям органов власти. Моделирование будущей (предполагаемой) правовой реальности, в которой уровень правонарушаемости минимален, а наказание является в большей степени нормативной конструкцией профилактической направленности, применяемой на практике только в самых «безднадежных» ситуациях, когда другие меры принуждения бессильны для преодоления/корректировки противоправного поведения – обязательное условие для идейного наполнения документа.

Основные проблемы принятия рассматриваемого (или любого иного сходного с ним) документа заключаются в следующем:

- невыработанность единых законодательных подходов к регулированию отношений в сфере юридической ответственности;
- несформированность общих позиций (политической воли) относительно развития системы наказаний (несовпадение взглядов);
- разрозненность юридической практики применительно к возложению различных наказаний разными субъектами правоприменения;
- низкий уровень политической и правовой культуры участников реальных и потенциальных правоотношений, связанных с возложением наказаний;
- отсутствие правотворческого и правоприменительного опыта реализации экспериментальных правовых режимов подобной направленности, в том числе с позиции готовности нормативно-правовой базы;
- недостаточность общетеоретических и специализированных (в том числе отраслевых) правовых исследований и разработок в части концептуального понимания межотраслевой категории «наказания», ее места и роли в правовой системе.

Необходимость разграничения юридической ответственности и наказания на программном уровне была непосредственно обозначена в доктринальном документе «Проект концепции юридической ответственности в правовой системе России» [С. 4, 9, 12–13, 33].

Таким образом, мы приходим к выводу, что перспективы принятия программных политико-правовых документов в сфере развития системы наказаний реальны, но требуют выражения политической воли на самом высоком уровне государственного управления и значительной включенности государственных и общественных сил по разрешению имеющихся проблем теоретического и практического характера. Структурные и содержательные аспекты обозначенных документов требуют качественной проработки и достижения известной конвенциональности в спорных вопросах.

Источники и литература:

1. Хаснутдинов Р.Р. Методология формирования системы юридической ответственности : монография / Р.Р. Хаснутдинов. – Самара : Издательство СГЭУ, 2021. – 216 с.
2. Кузьмин И.А. Факторы, влияющие на систему юридической ответственности: постановка проблемы / И.А. Кузьмин // Сибирский юридический вестник. – 2022. – № 3. – С. 10–15
3. Кузьмин И.А. Объективные границы действия института наказания с позиции общей теории права / И.А. Кузьмин // Актуальные проблемы российского права. – 2023. – Т. 18. – № 2. – С. 11–20.
4. Проект концепции юридической ответственности в правовой системе России : доктринальный документ / [кол. авт.] ; под ред. А.В. Малько, Д.А. Липинского, А.А. Мусаткиной. – Москва : РИОР, 2021. – 35 с.

II. ОТРАСЛЕВЫЕ И СПЕЦИАЛИЗИРОВАННЫЕ ЮРИДИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

*Наталья Владимировна Кешикова**

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ КОНСТРУКЦИЯ ПОРЯДКА ФОРМИРОВАНИЯ ОРГАНОВ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ В ЕДИНОЙ СИСТЕМЕ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ И ЕЕ КОН- СТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЕ ПРЕЛОМЛЕНИЕ В ГОСУ- ДАРСТВЕННО-ПРАВОВОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

В статье анализируется влияние государственно-правовой действительности на функционирование порядка формирования органов публичной власти в структуре существующей теоретической конструкции единой системы публичной власти и ее конституционном воплощении. Делается вывод о том, что данная действительность выступает как детерминанта развития исследуемого порядка. Определяются место и роль указанного порядка в теоретической конструкции исследуемой системы. Предлагается принятие рамочного закона, регулирующего единую систему публичной власти.

Ключевые слова: *государственно-правовая действительность, теоретическая конструкция, конституционное воплощение, единая система публичной власти, порядок формирования, органы публичной власти.*

***Наталья Владимировна Кешикова**, доцент кафедры конституционного права и теории права Иркутского института (филиала) Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования "Всероссийский государственный университет юстиции" (РПА Минюста России), кандидат юридических наук, доцент (г. Иркутск, Россия).

Natalia Vladimirovna Keshikova, Associate Professor of the Department of Constitutional Law and Legal Theory of the Irkutsk Institute (branch) All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia), Candidate of Legal Sciences, Associate Professor (Irkutsk, Russia).

THE THEORETICAL STRUCTURE OF THE ORDER OF FORMATION OF PUBLIC AUTHORITIES IN THE UNIFIED SYSTEM OF PUBLIC POWER AND ITS CONSTITUTIONAL AND LEGAL INTERPRETATION IN THE STATE-LEGAL REALITY

The article analyzes the influence of state-legal reality on the functioning of the order of formation of public authorities in the structure of the existing theoretical structure of the unified system of public power and its constitutional embodiment. It is concluded that this reality acts as a determinant of the development of the order under study. The place and role of this order in the theoretical design of the system under study are determined. It is proposed to adopt a framework law regulating a unified system of public authority.

Keywords: *state-legal reality, theoretical structure, constitutional embodiment, unified system of public authority, formation procedure, public authorities.*

Как известно, сегодняшняя теоретическая конструкция порядка формирования органов публичной власти в единой системе публичной власти по логике должна соответствовать конституционному строю, иметь ценностью права и свободы граждан, но практика государственного строительства и участия граждан в формировании органов публичной власти не всегда и не во всем соответствует идеалам конституционных ориентиров. Основным детерминантом, оказывающим определяющее влияние на существующую ситуацию, однозначно выступает государственно-правовая действительность. Роль своего рода триггеров, провоцирующих сложившуюся ситуацию, играет специфика самой действительности, которая выражается в определенных, присущих ей в данное время отличительных характеристиках. В первую очередь следует согласиться с мнением экспертов [1], выделяющих в качестве особенности такой действительности отсутствие единой государственной идеологии. Хотя нужно отдать должное за последнее время в доктрине активно обсуждалась, нашла свое обоснование [2;3;4] и на политико-правовом уровне регулирования установилась концепция российской гражданской нации. То есть на данном уровне регулирования закрепляется понятие многонационального

народа России сообразного понятию российская нация, оформившегося в «сообщество свободных равноправных граждан Российской Федерации различной этнической, религиозной, социальной и иной принадлежности, обладающих гражданским самосознанием» (п. 6 ст. 4.2. Стратегии государственной национальной политики) [5]. В результате сложившаяся с годами дилемма, существует ли российская гражданская нация и должны ли быть у нее национальные интересы и национально-государственная идеология, была разрешена в пользу первого утверждения путем решений принятых Президентом РФ и Правительством РФ. Последние доказывают де-юре возведение в официальный ранг научной концепции российской гражданской нации, которая приобрела де-факто статус основы для принятия решений публичной властью. Второй же вопрос сохранил характер риторического. Хотя в отсутствии национально-государственной идеологии, где концепция бы нашла свое выверенное рациональное обозначение и полное, прозрачное обоснование, она превращается в «чистую» декларацию, что явно не способствует ее успешному внедрению в сознание многонационального народа России.

Другой отличительной характеристикой, отражающей специфику государственно-правовой действительности выступает патернализм, как основа взаимоотношений российского государства и его граждан, построенный на существовавшей исторически («каждый за себя, а царь-батюшка – за всех») и сохранившейся в современном трансформировавшемся виде системе принципов и практики государственного управления, основанного на парадигме воспитания и контроля отца над детьми в патриархальной семье[6]. Применительно к единой системе публичной власти и порядку формирования соответствующих органов это находит свое яркое выражение в пассивном отношении населения к политико-правовым процессам в государстве и одновременно в отсутствии осознанной гражданской позиции у определенной его части. Достаточно напомнить некоторые статистические данные в качестве аргумента. В масштабе всего государства на выборах Президента РФ в 2024 году число граждан, включенных в список избирателей составляло по данным ЦИК РФ 113 011 059 человек [7]. А приняло участие в голосовании лишь 87 397 569 избирателей [8]. Не утешительные цифры имеют место и в масштабе субъекта РФ. Например, в Ин-

формации о предварительных результатах выборов в субъектах Российской Федерации 22 декабря 2024 года от 23.12.2024 г. в Архангельской области прошли выборы депутатов Собрания депутатов Онежского муниципального округа первого созыва. Выборы признаны состоявшимися. Замещалось 24 депутатских мандата по шести многомандатным избирательным округам. В результате в голосовании приняли участие по избирательным округам: - округ 1 - 22,75% избирателей; округ 2 - 20,7 %; - округ 3 - 17,55%; - округ 4 - 21,7 %; - округ 5 - 23,63%; - округ 6 – 23,82 избирателей [9].

В этих обстоятельствах разработка вопросов теоретического конструирования порядка формирования органов публичной власти в единой системе публичной власти приобретают свою актуальность. Не случайно В.В. Лазарев утверждает, что теория права и государства в своих исследованиях отнюдь не ограничена в пространстве и во времени в отличие от отраслевых наук, которые акцентируют свое внимание на современной политико-правовой практике. Именно теория права и государства определяет общие и специфические закономерности развития, основные признаки и существенные характерные черты государства и права в целом и связанных с ними всех других политико-правовых явлений и процессов государственно-правовой действительности. Поэтому только интеграция теоретических знаний с отраслевыми с упором на первые приводит «к их взаимному обогащению, а картина государственно-правовой действительности становится более верной и целостной» [10].

Данный методологический подход взят нами за основу при выборе тематики исследования. Одновременно мы исходим из того, что специфика теоретической конструкции порядка формирования органов публичной власти в единой системе публичной власти так или иначе обусловлена наличием Конституции РФ и соответствующими ей конституционным строем и государственностью [11], а также ценностью прав и свобод человека и гражданина. В этом ракурсе в исследуемой теоретической конструкции с точки зрения ее объема и содержания просматриваются как минимум четыре преломления государственно-правовой действительности – сознательно-волевое, аксиолого-нормативное, системно-технологическое и институционально-деятельностное. Первое ее истолкование основано на определенном понимании порядка формирования органов

публичной власти в единой системе публичной власти как функционирующей совокупности политико-правовых знаний, идей и убеждений, которые внедряются в сознание людей и способствуют формированию соответствующего вида и уровня правосознания, а также активной гражданской позиции участия в процессах формирования органов публичной власти. Второй вариант объяснения указанного политико-правового явления действительности зиждется на совокупности конституционно-правовых ценностей и устойчивых конституционно-правовых принципов, программирующих конституционный политико-правовой порядок формирования органов публичной власти и функционирования единой системы публичной власти, который не только легализуется государством, но и легитимизируется обществом. Третья версия истолкования теоретической конструкции исследуемого порядка в единой системе публичной власти построена на определенном ее понимании как сложноорганизованной, многофункциональной, технологически оснащенной и обеспеченной системы, где порядок формирования органов публичной власти занимает место одного из ведущих структурных конструктов и выполняет определяющую для данной системы функцию институционализации и воспроизводства органов публичной власти. Наконец, четвертый срез представлен системой субъектов и участников деятельности в сфере формирования органов публичной власти, а также их взаимодействий в системе единой системы публичной власти, в результате осуществляющих практику конституционного и государственного строительства.

Возвращаясь к собственно исследуемой нами теоретической конструкции, следует заметить, что образующие ее конституционные категории «единая система публичной власти», «порядок формирования органов публичной власти», а также сами «публичные органы» не в полной мере поддаются диагностике, так как легально не установлены их дефиниции, в связи с чем не установлен их государственно-правовой статус. При всей своей некоторой урегулированности путем конституционно-правовых установлений единая система публичной власти не нашла своего места в системе основ конституционного строя РФ и поэтому не встроена в публично-властную организацию общества и государства. И жесткий характер внесения поправок в Конституцию РФ вряд ли может служить здесь оправданием. Положения Конституции РФ ч.3 ст. 132[12] о

вхождении органов местного самоуправления и органов государственной власти в ту самую единую систему публичной власти направлены лишь на определение места каждого вида органов в ее структуре. Путем толкования мы можем выявить это их место: они выступают в качестве подсистем органов местного самоуправления и органов государственной власти. Однако каким образом располагаются эти подсистемы относительно друг друга, на одном ли уровне – образуя горизонтальную структуру единой системы публичной власти, либо на разных уровнях – по вертикали и административно соподчинены между собой, ответ на этот вопрос составители поправки отдают на откуп правоприменителю. Последний должен обладать соответствующими знаниями и умениями толкования норм Конституции РФ. Но как известно на практике такого рода требования предъявляются не ко всем правоприменителям. В результате и в науке, и на практике складываются диаметрально противоположные позиции. Следует, конечно, учитывать правовые позиции Конституционного Суда РФ по этому вопросу [13]. Вместе с тем, решения суда не являются общеобязательными для всех субъектов соответствующих властеотношений.

Одновременно попытка дефинирования категории «единая система публичной власти» в Федеральном законе от 8 декабря 2020 г. № 394-ФЗ «О Государственном Совете Российской Федерации» (ч. 1 ст. 2)[14] предстает безуспешной, представляя собой лишь возможный перечень органов публичной власти. Причем данный перечень не охватывает всех потенциальных носителей публичной власти, что создает благоприятные условия для административного усмотрения и в конечном счете может послужить коррупциогенным фактором и повлечь за собой нарушение основных прав и свобод человека и гражданина.

Следовательно, государственно-правовая действительность выступает как детерминанта развития доктринальных представлений и конституционных установлений о системе органов публичной власти и о порядке формирований такого рода органов. Ее современное состояние обуславливает цели и предмет научных теоретических исследований, направления конституционно-правового регулирования системы органов публичной власти и порядка их формирования как неотъемлемого элемента ее структурной организации, а также насущные интересы и жизненно важные потребно-

сти всех участников политико-правового процесса формирования органов публичной власти. Именно в практике функционирования системы органов публичной власти и в процессе формирования таких органов находят свое преломление соответствующие теоретические конструкции и конституционные установления. Именно здесь зримо проявляются несовершенство теоретических конструкций системы в целом и ее ведущего элемента порядка формирования органов публичной власти, а также пробельность модели их конституционно-правового регулирования.

На наш взгляд, более предпочтительным и перспективным в научно-теоретическом и практико-отраслевом контекстах исследования теоретической конструкции порядка формирования органов публичной власти в ее единой системе утвердил себя подход, исходным началом которого выступает методологическая установка о ее сложноорганизованном объеме и комплексном содержании, которые проявляются в нескольких преломлениях государственно-правовой действительности. Данный подход подводит нас к возможности и необходимости сопоставить и выявить корреляцию научных категорий «система единой публичной власти» и «порядок формирования органов публичной власти». Среди них первая предстает как абстрактная доктринально сконструированная модель, определяющая публично-властную организацию общества и государства и одновременно конституционно установленная правовая категория и общий конституционный принцип организации системы органов местного самоуправления и органов государственной власти, который заключается в достижении наиболее значимого общественно полезного результата – сохранение и укрепление политического единства российского общества и государства[15]. В свою очередь вторая – конкретный по времени и месту реализации политико-правовой порядок институционализации и воспроизводства органов публичной власти, обеспечивающий структурно-функциональную основу динамики публичной власти пространственный компонент распространения которой охватывает федеральный уровень, уровень субъектов Российской Федерации, а также муниципальный уровень [16]. Сочетание в научном познании теоретико-методологических и прикладных отраслевых конституционно-правового профиля начал нацелен на расширение и углубление в разумных пределах предмета нашего исследования, спо-

способствует его значительному обогащению и укреплению[10], учитывает тот факт, что сами конституционные принципы и установления об единой системе публичной власти и порядке формирования ее органов, с одной стороны, вытекают из общетеоретических конструкций, с другой – детерминированы условиями государственно-правовой действительности.

Что касается текущей конструкции единой системы публичной власти в России, то в изначальном виде она не способствует как минимум развитию порядка формирования органов публичной власти, как максимум вряд ли выполнит свою стратегическую цель – сохранение и укрепление политического единства российского государства и общества. В существующем виде данная конструкция скорее при всем ее функциональном предназначении – вносить «вклад в реализацию стратегии построения сильного и солидарного государства»[17] – не позволит обеспечить реальную политическую конкуренцию в процессе формирования органов публичной власти, более того может привести к дисбалансу возможностей государственных и негосударственных субъектов политической системы общества по участию в процессах формирования органов публичной власти, что влечет за собой деформацию самой системы. Явно напрашивается необходимость разработки и принятия рамочного федерального закона, посвященного единой системе публичной власти, где следовало бы конкретизировать и понятие публичной власти и ее системы, определить положенные в основу ее организации и функционирования принципы, установить сам субъектный состав, реализующий публичную власть и напрямую закрепить основы баланса между подсистемами органов местного самоуправления и органов государственной власти и иными акторами в структуре исследуемой системы, изложить их публично-властные полномочия, механизмы реализации ими публичной власти, а также гарантии обеспечения полноценной и полноправной реализации ими своих публично-властных возможностей и гарантии добросовестной политической конкуренции, в том числе в процессе формирования органов публичной власти. Наконец, ввести разумные ограничения злоупотребления публичной властью и закрепить основы контроля за реализацией компетентными субъектами такого рода полномочий.

Введение названной теоретической конструкции в текст Конституции РФ ставит вопрос о том месте, которое порядок формирования органов публичной власти занимает в ее структуре, а также в системе организации управления российским обществом и государством. Будучи неотъемлемым элементом единой системы публичной власти порядок формирования органов публичной власти занимает место одного из ведущих структурных конструктов и выполняет определяющую для данной системы функцию институционализации и воспроизводства органов публичной власти.

Источники и литература:

1. Мусаелян Л. А. К вопросу об отсутствии в России государственной идеологии/ Л. А. Мусаелян // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2022. – № 55. – С. 6–21.
2. Акаев В. Х. Формирование гражданской нации в России как естественно-исторический процесс/ В. Х. Акаев, М. А. Дадуев, В. З. Газиев // Гуманитарий Юга России. – 2018.– Том 7. – № 5. – С. 95–104.
3. Мазуров Е. Л. Российская гражданская нация: теория и практика/ Е. Л. Мазуров// Журнал Скиф. – Санкт-Петербургский государственный университет. – 2019. – № 6 (34). – С. 303–306.
4. Сажина В. А. Понятие «российская нация» и формирование гражданской идентичности в восприятии молодежи Северного Кавказа / В. А. Сажина. – URL: <https://doi.org/10.24412/qurpw2230> (дата обращения: 09.11.2024).
5. О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года : указ Президента РФ от 19.12.2012 г. № 1666 // Собрание законодательства РФ. – 2012. – № 52. – Ст. 7477.
6. Патернализм [Электронный ресурс] / Электронная библиотека ИФ РАН «Новая философская энциклопедия». – URL: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH2120994aaecac6b1b76221> (дата обращения: 09.11.2024).
7. Результаты выборов Президента РФ в 2024 году. – URL: <http://www.cikrf.ru/search/> (дата обращения: 09.11.2024).
8. О результатах выборов Президента Российской Федерации, назначенных на 17 марта 2024 года : постановление Центральной

- избирательной комиссии Российской Федерации от 21 марта 2024 г. № 163/1291-8 // Вестник ЦИК. – 2024. – № 7 (467). – 52 с.
9. Информация о предварительных результатах выборов в субъектах Российской Федерации 22 декабря 2024 года. – URL: <http://www.cikrf.ru/news/сес/55890/> (дата обращения: 09.11.2024).
10. Лазарев В. В. Наука конституционного права в системе других наук/ В. В. Лазарев // Журнал российского права. – 2024. – Том. 28. – № 7. – С. 5–18.
11. Ким Ю. В. Конституционные и квазиконституционные феномены в структуре российской государственности: к вопросу об особенностях российского конституционализма Ю. В. Ким // Конституционное и муниципальное право. – 2023. – № 12. – С. 216.
12. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции Российской Федерации от 30 октября 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ, от 5 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ, от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ) // Российская газета. – 1993. – 25 дек
13. Заключение Конституционного Суда РФ от 16 марта 2020 г. № 1-3 // Российская газета. – 2020. – № 56.
14. О Государственном Совете Российской Федерации : федеральный закон от 08.12. 2020 г. № 394-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2020. – № 50 (часть III). – Ст. 8039.
15. Заключение Конституционного Суда РФ от 16 марта 2020 г. № 1-3//Российская газета. – 2020. – № 56.
16. Кешикова Н. В. Порядок формирования органов публичной власти через призму принципа единой системы публичной власти/ Н. В. Кешикова // Проблемы современного законодательства России и зарубежных стран : материалы XIII Межд. науч.-практ. конф. (г. Иркутск, 27 сентября 2024 г.): в 2 томах / отв. ред. С.И. Суслова. – Т. 1. – Иркутск : Иркутский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России), 2024. – С. 153–158.
17. Кешикова Н. В. Выборный порядок формирования органов публичной власти: вопросы концептуализации и конституционализации/ Н. В. Кешикова // Материалы международной научно-практической конференции. – Иркутск : в сборнике: Выборы в России и в мире: общество, право, технологии, 2024. – С. 47–55.

18. Чирков Ф. В. Конституционализация уголовной политики защиты традиционных ценностей: к постановке проблемы / Ф. В. Чирков // Российский следователь. – 2024. – № 6. – С. 42–45.

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ СТАТУС ВСЕБЕЛОРУССКОГО НАРОДНОГО СОБРАНИЯ КАК ОРГАНА ПРЕДСТАВИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ

Статья посвящена характеристике конституционно-правового статуса Всебелорусского народного собрания в свете конституционной реформы в Республике Беларусь. Анализируются порядок формирования Всебелорусского народного собрания, его полномочия и функции, место в системе разделения властей Республики Беларусь. Отмечается уникальность Всебелорусского народного собрания как органа представительной власти.

Ключевые слова: *Всебелорусское народное собрание, орган представительной власти, конституционная реформа, народный суверенитет.*

CONSTITUTIONAL AND LEGAL STATUS OF THE ALL-BELARUSIAN PEOPLE'S ASSEMBLY AS AN AGENCY OF REPRESENTATIVE POWER

The article is devoted to the characteristics of the constitutional and legal status of the All-Belarusian People's Assembly in the light of the constitutional reform in the Republic of Belarus. The procedure for the formation of the All-Belarusian People's Assembly, its powers and functions, and its place in the system of separation of powers of the Republic of Belarus are analyzed. The uniqueness of the All-Belarusian People's Assembly as a state representative agency is noted.

Key words: *All-Belarusian People's Assembly, representative agency, constitutional reform, people's sovereignty.*

**Сенькова Татьяна Владимировна, заведующий кафедрой теории и истории государства и права Гомельского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент (г. Гомель, Республика Беларусь).*

Senkova Tatyana Vladimirovna – Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Theory and History of State and Law. Faculty of Law. Francisk Skorina gomel state university (Gomel, Republic of Belarus).

Впервые Всебелорусское народное собрание (далее – ВНС) было созвано по инициативе Президента Республики Беларусь (далее – Президента) 19 октября 1996 г. «в целях обеспечения наиболее полного участия широких слоев населения в обсуждении принимаемых Президентом Республики Беларусь, Кабинетом Министров Республики Беларусь, местными исполнительными и распорядительными органами мер по преодолению экономического кризиса, стабилизации социальной обстановки в обществе» [1]. В последующем созыв ВНС стал традицией в практике государственного управления и в соответствии с решениями Главы государства ВНС созывалось шесть раз каждые пять лет. Его деятельность регулировалась указами Президента и Законом Республики Беларусь от 12 июля 2000 г. № 411-З «О республиканских и местных собраниях». В соответствии со ст. 3 указанного Закона республиканское собрание, которым в том числе является и ВНС, выступает основной формой непосредственного участия граждан Республики Беларусь в управлении делами общества и государства и созывается для обсуждения вопросов государственной и общественной жизни республиканского значения. Участие граждан в собраниях основано на важнейших демократических принципах таких как свобода, добровольность, равенство, гласность [2, ст. 4]. Статус ВНС как республиканского собрания кардинально изменился в связи с внесением изменений и дополнений в Конституцию Республики Беларусь (далее – Конституция) 27 февраля 2022 г.

Конституционные изменения и дополнения, принятые в результате республиканского референдума, прошедшего 27 февраля 2022 г., а также последующее обновление текущего законодательства нацелены на дальнейшее развитие народовластия, активизацию человеческого потенциала для решения общегосударственных задач [3].

Так в соответствии с Конституцией ВНС включено в систему государственных органов как «высший представительный орган народовластия Республики Беларусь», на него возложена функция определять стратегические направления развития общества и государства, обеспечивать незыблемость конституционного строя, преемственность поколений и гражданское согласие [4, ст. 89¹]. Таким образом народ Республики Беларусь получил еще одну возможность реализовать свою власть через новый орган предста-

вительной власти на высшем государственном уровне путем участия в его работе в качестве делегатов.

Истинный демократизм рассматриваемого института, как отмечает Чуприс О.И., проявляется в порядке его формирования, за счет широкого народного представительства, в предоставленной возможности каждому белорусу на высшем государственном уровне поучаствовать в управлении делами государства как непосредственно, так и через своих представителей, в постоянном статусе делегатов на пятилетний период формирования ВНС, в полномочиях высшего порядка, в непосредственной возможности учесть при принятии решений интересы всех регионов и социальных групп граждан, представителей многих профессий [5].

Ученые справедливо указывают на то, что белорусский вариант закрепления юридического статуса ВНС является уникальным с учетом растущей потребности расширения народного представительства, а также применения принципов децентрализации и перераспределения властных полномочий [6]. Обращая внимание на историческую обусловленность развития институтов народного представительства, Василевича Г.А. отмечает, что такой нестандартный подход, как создание и функционирование Всебелорусского народного собрания в системе государственной власти, является расширением демократических основ, обеспечением более широкого участия граждан в управлении делами государства [3]. Выступая высшим представительным органом народовласти ВНС будет выполнять стабилизирующую и консолидирующую функции в обществе [7].

Конституционно-правовой статус ВНС определяется тем, что Конституция Республики Беларусь закрепила порядок формирования ВНС, обозначила его компетенцию и сроки полномочий, определила правовые и организационные формы деятельности.

Представительная власть называется неотъемлемым атрибутом демократически организованной публичной власти [8, с. 550]. В настоящее время в юридической науке сформировалось множество позиций о понятии и сущности представительной власти, о ее соотношении с законодательной и месте в системе разделения властей, а также о порядке формирования и компетенции органов представительной власти. Анализ научной литературы позволяет выделить общие признаки органа представительной вла-

сти: выборность, коллегиальность, наличие делегированных народом полномочий, ограниченный срок функционирования.

В соответствии со ст. 6 Закона Республики Беларусь от 7 февраля 2023 г. № 248-З «О Всебелорусском народном собрании» ВНС формируется из делегатов, представляющих различные социальные слои и группы общества [9]. При таком подходе обеспечивается особый статус ВНС, и исключается риск разбалансировки государственного аппарата [10]. Также ВНС берет на себя социальные функции, которые будут связаны с представительством разных интересов.

В соответствии со ст. 3 Законом «О Всебелорусском народном собрании» его деятельность основывается на принципах: народовластия; верховенства права и законности; демократичности; преемственности государственной политики; социальной справедливости; гласности; коллегиальности; свободного обсуждения и принятия решений.

ВНС является выборным органом, формируемым косвенным путем, который, однако, обеспечивает оптимальное представительство как от органов государственной власти и местного самоуправления, так и от субъектов гражданского общества. Задача обеспечения максимального народного представительства была обозначена еще при созыве первого ВНС в 1996 г. когда в качестве делегатов на собрание было предложено привлечь в первую очередь «наиболее авторитетных представителей трудовых коллективов объединений, предприятий, учреждений всех форм собственности, а также представителей учебных заведений, воинских частей и граждан по месту жительства», а также организовать приглашение представителей органов государственного управления, местных Советов депутатов, представителей общественных объединений, средств массовой информации [1, п. 5]. Следует отметить, что от того, как формируется представительный орган зависит его легитимность.

Очевидно, что подходы государств к формированию органов народного представительства не отличаются однородностью и имеют ряд особенностей. В этой связи ученые выделяют разные модели формирования данных институтов. В юридической литературе их подразделяют на децентрализованную модель, характеризующуюся распределением властных полномочий на общегосудар-

ственном, региональном и местном уровнях, и на централизованную систему. Последняя исходит из того, что вся полнота власти принадлежит народу и является неделимой [6]. Можно согласиться с тем, что такой подход в большей степени ориентирован на распределение полномочий, чем на закрепление и характеристику конституционного статуса представительного органа.

Создание ВНС как полноценного органа государственной власти и «арбитражного» механизма в системе сдержек и противовесов является признаком «децентрализации публичной власти» что предполагает не только территориальную децентрализацию власти, но и рассредоточение государственно-властных полномочий внутри системы центральных органов государственной власти [10].

В соответствии с законодательством ВНС формируется сроком на 5 лет и является таким образом, постоянно действующим органом с ограниченным сроком полномочий, что позволяет реализовать принципы народовластия, демократизма и преемственности государственной политики в его деятельности. ВНС действует на основе принципа коллегиальности, формой работы ВНС в соответствии со ст. 89⁴ Конституции являются заседания, которые проводятся не реже одного раза в год. Решения ВНС принимаются путем свободного обсуждения и голосования. Так в соответствии со ст. 89⁵ Конституции решения ВНС «являются обязательными для исполнения и могут отменять правовые акты, иные решения государственных органов и должностных лиц, противоречащие интересам национальной безопасности, за исключением актов судебных органов».

Ч. 2 ст. 3 Закона Республики Беларусь «О нормативных правовых актах» закрепляет положение о том, что отдельные решения Всебелорусского народного собрания, принятые в соответствии с Конституцией входят в состав законодательства [11]. Это решения об утверждении основных направлений внутренней и внешней политики, военной доктрины, концепции национальной безопасности, программ социально-экономического развития Республики Беларусь, о введении на территории Республики Беларусь чрезвычайного или военного положения в соответствии с Конституцией, об установлении государственных праздников и праздничных дней. В то же время Закон «О нормативных правовых актах» пока не

определил юридическую силу решений ВНС, что полагаем должно быть сделано в ближайшее время, тем более что работа над внесением изменений и дополнений в указанный закон активно ведется.

Семашко Е.В. отмечает, что «представительная власть – это деятельность надпарламентских органов, сформированных из представителей различных групп населения, представителей всех ветвей власти, способных убедительно и полно отражать мнение социальных групп и совмещать их с интересами всего общества и государства, максимально расширять возможности для реального демократического участия, функциями которых является определение основных направлений внутренней и внешней политики, иных стратегических вопросов государственного развития» [12]. Указанные характеристики органа представительной власти характерны и для ВНС.

Закрепление конституционно-правового статуса ВНС как представительного органа имеет важнейшее значение для определения его сущности и места в системе органов государственной власти. Представительный характер власти ВНС обусловлен как порядком формирования, так теми полномочиями, которые на него возложены в соответствии с законодательством. Органы представительной власти традиционно наделяются полномочиями по решению важнейших вопросов государственной и общественной жизни. Как высший представительный орган ВНС сегодня наделено реальными властными полномочиями в сфере внутренней и внешней политики, национальной безопасности, социально-экономического развития. Оно имеет право законодательной инициативы, в том числе о внесении изменений и дополнений в Конституцию. ВНС имеет полномочия по решению кадровых вопросов, а также выполняет распорядительные и контрольные функции в соответствии с Конституцией и иными законами.

Таким образом, в соответствии с Конституцией ВНС наряду с Парламентом, а также органами местного самоуправления является органом представительной демократии. ВНС занимает важнейшее место в системе государственных органов и является олицетворением демократической модели органов представительной публичной власти. Это выборный коллегиальный орган, не относящийся ни к одной ветви власти. Закрепление на конституционном уровне ВНС в качестве высшего представительного органа

народовластия определяет его особый конституционно-правовой статус главной задачей которого является выражение воли народа. Очевидно, что уникальная практика Республики Беларусь в формировании высших органов представительной власти будет интересна другим государствам, стремящимся к укреплению народного суверенитета и развитию гражданского общества.

Источники и литература:

1. О созыве Всебелорусского народного собрания : Указ Президента Респ. Беларусь от 29 августа 1996 г. № 341. – URL: https://etalonline.by/document/?regnum=p39600341&q_id=2657960 (дата обращения: 20.11.2024).
2. О республиканских и местных собраниях : Закон Респ. Беларусь от 12 июля 2000 г. № 411-3. – URL: https://etalonline.by/document/?regnum=h10000411&q_id=2657981 (дата обращения: 15.11. 2024).
2. Василевич Г. А. Конституционные аспекты полномочий Всебелорусского народного собрания / Г. А. Василевич. – URL: <https://etalonline.by/document/?regnum=u02400416b&qid=2658007> (дата обращения: 31.10.2024).
3. Конституция Республики Беларусь 1994 года с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г., 17 октября 2004 г. и 27 февраля 2022 г. – Минск : Национальный центр правовой информации Республики Беларусь. – 80 с.
4. Чуприс О. И. Изменения и дополнения Конституции Республики Беларусь: олицетворение самобытности основного закона и обновленной государственности / О. И. Чуприс. – URL: https://etalonline.by/document/?regnum=u02201810b&q_id=2658037 (дата обращения: 31.10. 2024).
5. Кунец А. Г., Мисуно Е. И. Всебелорусское народное собрание: национальные перспективы через призму зарубежного опыта формирования органов народного представительства / А.Г. Кунец, Е.И. Мисуно. – URL: https://etalonline.by/document/?regnum=u02200621b&q_id=2658075 (дата обращения: 14.11.2024).
6. Ипатов В. Д. К 30-летию принятия Конституции Республики Беларусь / В. Д. Ипатов // Национальный центр законодательства и правовой информации Республики Беларусь. Информационно-

- поисковая система «ЭТАЛОН-ONLINE». – URL: https://etalonline.by/document/?regnum=u02402063b&q_id=2658085 (дата обращения: 30.10. 2024).
7. Бородулин В. П. Представительная власть: истоки и подходы / В. П. Бородулин // материалы XVI Международной научной конференции молодых ученых и студентов Эволюция российского права. – Екатеринбург : Уральский государственный юридический университет. – Екатеринбург: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Уральский государственный юридический университет», 2018. – С. 550–551.
8. О Всебелорусском народном собрании : Закон Респ. Беларусь от 7 февраля 2023 г. № 248-3. – URL: https://etalonline.by/document/?regnum=h12300248&q_id=2559127 (дата обращения: 15.11. 2024).
9. Руденя Ю. Е. Законодательное регулирование деятельности органов государственной власти на современном этапе в контексте деконцентрации функций и полномочий по обновленной Конституции / Ю. Е. Руденя. – URL: https://etalonline.by/document/?regnum=u02400259b&q_id=2658104 (дата обращения: 14.11.2024).
10. О нормативных правовых актах : Закон Респ. Беларусь от 17 июля 2018 г. № 130-3. – URL: https://etalonline.by/document/?regnum=h11800130&q_id=2658115 (дата обращения: 20.11. 2024).
11. Семашко Е. В. Соотношение власти представительной и законодательной: теоретические аспекты / Е. В. Семашко. – URL: https://etalonline.by/document/?regnum=u02300463b&q_id=2658121 (дата обращения: 14.11.2024).

Гузелия Рауфовна Асадуллина*
Сергей Иванович Ивентьев

ПРАВО ЧЕЛОВЕКА НА БЕССМЕРТИЕ

В статье рассмотрено право человека на бессмертие или на вечную жизнь, которое является неотъемлемой частью права человека и гражданина на жизнь и входит в состав четвёртого и пятого поколений прав человека.

Ключевые слова: Бог, человек, душа человека, дух человека, бессмертие, бессмертие, права человека, право на жизнь, право на бессмертие.

THE HUMAN RIGHT TO IMMORTALITY

The article examines the human right to immortality or eternal life, which is an integral part of the human and citizen's right to life, and is part of the fourth and fifth generations of human rights.

Key words: God, man, the soul of man, the spirit of man, immortality, immortality, human rights, the right to life, the right to immortality.

Цель статьи: исследование права человека на бессмертие.
Предмет исследования: концепт «Бессмертие», право человека на бессмертие.

Задачи исследования:

* **Гузелия Рауфовна Асадуллина**, кандидат философских наук, доцент кафедры социологии и работы с молодежью Уфимского университета науки и технологии (г. Уфа, Россия).

Guzeliya Raufovna Asadullina, Cand. Sci. (Philosophy), Associate Professor of the Department of Sociology and Youth Work at Ufa University of Science and Technology (Ufa, Russia).

Сергей Иванович Ивентьев, юрисконсульт, теолог, специалист в сфере национальных и религиозных отношений ООО «ДЭЛИЛ» (г. Казань, Россия).

Sergey Ivanovich Iventev, legal adviser, theologian, specialist in the field of national and religious relations «DELIL» LLC, Member of the Russian Philosophical Society (Kazan, Russia).

1. Показать актуальность существующей научной проблемы человеческого бессмертия и реализации права человека на бессмертие (вечную жизнь).

2. Рассмотреть концепт «Бессмертие» в связке с правом человека и гражданина на жизнь и другими правами человека.

3. Раскрыть причины проблемы по законодательному закреплению права человека на бессмертие.

4. Сделать выводы и предложить пути решения проблемы человеческого бессмертия.

Методология исследования – логический и сравнительный анализ, систематизация, междисциплинарный метод анализа, метод панорамного видения и анализа, а также духовно-нравственный анализ.

В статье применён новый научный метод – духовно-нравственный анализ, несущий в себе духовно-нравственный смысл, который раскрывает взгляд человеческой души на бессмертие. Главной ценностью и критерием духовно-нравственного метода является анализ смыслов того или иного феномена / понятия в аспекте соотношения с душой и духом человека [8, с. 244-254].

Под духом человека подразумевается эманация (лат. *emanatio* – истечение, распространение) Бога, а под душой человека – Божественная и духовно-нравственная ценность, совершенно самостоятельное духовное Разумное Энергетическое Существо (Суть), способное жить без тела человека, бессмертное Творение Бога [8, с. 244-254]. Следует отметить, что многими светскими исследователями (материалистами) под последними мыслится сознание и подсознание человека [8, с. 244-254].

Актуальность и востребованность исследуемой темы определяется отсутствием современных научно-философских исследований, посвящённых праву человека на бессмертие (праву человека на вечную жизнь), так как это связано с тем, что наука, в отличие от религии, в реальное бессмертие человека просто не верит.

Практическая значимость исследования состоит в том, что настоящая работа позволяет на теоретическом уровне обосновать необходимость законодательного закрепления права человека на бессмертие и прикладного применения научных разработок в продлении биологической человеческой жизни, а также определить

основные направления научного исследования проблемы человеческого бессмертия.

Право человека на жизнь закреплено во Всеобщей Декларации прав человека от 10.12.1948 г., Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 04.11.1950 г. и других международных документах, а также в национальных законодательствах.

Согласно части 1 статьи 20 Конституции Российской Федерации, каждый имеет право на жизнь [9].

Законодатель под правом на жизнь понимает биологическую человеческую жизнь (период от рождения человека и до его смерти), а не вечную жизнь, тем самым ограничивая во времени понятие «жизнь».

Право человека на жизнь относят к духовно-нравственным правам и свободам человека (четвёртому поколению прав человека) [6, с. 216-221].

Право человека на жизнь включает в себя право человека на бессмертие (вечную жизнь), а также право души человека на бессмертие (пятое поколение прав человека) [6, с. 216-221].

Традиционно считается, что «идея бессмертия заложена в «коллективном бессознательном» человечества, и обрела своё выражение в архаических мифах, тем самым объяснив сходство, иногда тождество между мифологическими мотивами и символами у народов, не имевших прямых контактов друг с другом» [10, с. 29]. В нашем понимании под так называемым «коллективным бессознательным человечества», прежде всего, следует понимать души людей и народа, которые собственно и являются носителями (источниками) бессмертия.

Согласно Толковому словарю живого великорусского языка В.И. Даля, бессмертие обозначает непричастность к смерти, принадлежность, свойство и качество неумирающего, вечно сущее и живущего, а также безконечную духовную жизнь, не зависящей от плоти [5, с. 73]. То есть бессмертие обозначает, что живое никогда не подвержено смерти, тлению или распаду [1, с. 169-173]. Из литературных источников следует, что в древнерусском языке существовало только слово «бессмертие», а с приходом советской власти вместо него было введено в оборот новое слово «бессмертие» (далее – советское слово / понятие «бессмертие»), которое состоит из двух слов «бес» и «смерть», то есть фактически произо-

шло существенное изменение смысловой загрузки первоначального слова [4, с. 21]. С установлением советской власти по политическим, идеологическим и метафизическим (от греч. *metaphysic* – то, что после физики) причинам славянская азбука была заменена на секулярный (от лат. *saecularis* – вековой, столетний, мирской, светский) алфавит, Декретом Совета Народных Комиссаров РСФСР от 10.10.1918 г. «О ведении новой орфографии» введена новая орфография, в соответствии с которой буква «З» заменяется буквой «С» перед глухими согласными, в том числе и перед буквой «С», слово «безсмертие» было заменено на советское слово «бессмертие» [1, с. 169-173], что существенно изменило русскую ментальность (лат. *mens* – ум, разум) и истинный смысл многих слов, в том числе и слова «безсмертие». Приставка бес- в русском языке задевает чувства многих верующих людей, что требует тщательного изучения рассматриваемых понятий и разрешения этого архиважного духовного вопроса для общества [1, с. 169-173]. Смысл советского слова «бессмертие» связан с бесом (злым духом) и смертью (гибелью), то есть оно обозначает, что бес (Зло) ведаёт и владеет смертью, которая для человека связана с прекращением всех процессов жизнедеятельности физического тела. Следовательно, слово «бессмертие» отделено от Бога и от Его свойств и характеристик (безсмертие, вечность, вездесущность и пр.). В целом это также касается и советского алфавита. То есть концепт «бессмертие» обозначает не вечное, гибель, Зло, быстротечность и ограниченность во времени.

Советской (секулярной) властью был искажён изначальный духовный смысл слова «безсмертия». В связи с чем, верующие по сей день в недоумении от реформы русского языка в 1918 г., а также от бездействий Русской Православной Церкви и других религиозных институтов по вопросу искажения смысла русских слов. По мнению авторов, для религиозных институтов искажение смысла русского языка почему-то не является важной проблемой русской цивилизации и верующих, следовательно, можно предположить, что их устраивает такое положение дел явно по политическим и иным причинам.

В соответствии с Православной энциклопедией, под советским словом «бессмертие» понимается: 1. Свойство Божественной природы, неподвластной смерти. 2. Состояние, в котором пребы-

вают духовно-разумные существа, преодолевшие свою зависимость от смерти. 3. Посмертная слава, полученная в результате совершения подвига жертвенного служения [1, с. 169-173].

Наука до настоящего времени, к большому сожалению, не проработала вопрос смерти и бессмертия, как это сделала религия.

Следует отметить, многим людям религиозная философия бессмертия не всегда понятна. Поэтому в обществе не принято обсуждать тему смерти. В связи с чем, человек остаётся один на один со своим страхом смерти вплоть до своего ухода.

В философии под понятием «бессмертие» понимают следующее: «существование личности или души после смерти; в более широком смысле – слияние души с Богом или с «мировым духом»; и, наконец, существование личности в сознании потомков» [6, с. 43-44].

Выделяют следующие основные виды бессмертия: 1. Духовное (Бог (Библия, 1Тим. 6:15,16) [2] – Божественное бессмертие; Дух; существование Божественной и духовной энергии; вечное существование души человека); 2. Биологическое (физическое) (существование физических и биологических энергий: рождение и продолжение рода; паразитическое бессмертие; вампиризм и другие); 3. Социальное (через память и творения человека: личностное бессмертие, творческое бессмертие, культурное бессмертие и другие) [3, с. 109-111; 7, с. 119-120].

В настоящее время выделяют виртуальное (цифровое) бессмертие, психологическое бессмертие и другие виды бессмертия, которые фактически являются разновидностями основных видов бессмертия.

Бессмертию противостоят смерть и энтропия, с которыми наука ничего сделать пока не может, по всей видимости, из-за материалистического подхода к данным феноменам.

Очевидно, что биологическое (физическое) бессмертие пока невозможно в связи с наличием природных процессов смерти и энтропии, смысл и алгоритм которых науке до конца непонятен, а значит, невозможно регулировать и управлять этими процессами.

По мнению авторов настоящей статьи, решить проблему биологического бессмертия человека невозможно без понимания и принятия наукой факта духовного бессмертия человека и его души.

По вышеуказанным причинам, к большому сожалению, на законодательном уровне не может закреплено право человека на бессмертие.

Бессмертие включает в себя право человека на жизнь, которое относится к четвёртому поколению прав человека, а также право человека на дары Бога (пятое поколение прав человека) [7, с. 119-120].

Дар бессмертия относят к духовным дарам Бога. Указанный дар по своей сущности является правом человека на бессмертие, которое подразумевает биологическое (физическое) и духовное бессмертие [7, с. 119-120].

Современная наука в основном занимается вопросом придания телу человека биологического бессмертия.

Бессмертие всегда связывают с Богом. В религиозно-философском понимании бессмертие является одним из атрибутов Бога.

Если человек сможет познать бессмертие, то можно говорить о том, что он смог приблизиться к познанию Бога.

По мнению авторов работы, настало время на законодательном уровне закрепить право человека и гражданина на бессмертие (вечную жизнь) не только на физическом, но и духовном плане (уровне), что позволит научной общественности серьёзно заняться исследованием важного для человека вопроса – человеческого бессмертия. Для этого науке необходимо взять на вооружение духовное бессмертие.

Выводы:

1. научному сообществу и государству разработать мероприятия по ликвидации страха у человека перед смертью.

2. юридической науке не ограничивать временными рамками понятие «право человека на жизнь» от рождения человека и до его смерти.

3. на законодательном уровне закрепить право человека и гражданина на бессмертие (вечную жизнь).

Источники и литература:

1. Асадуллина Г.Р. Междисциплинарное исследование метаязыка концепта «Бессмертие» / Г.Р. Асадуллина, О.В. Шкуран, С.И. Ивентьев // материалы IV Международной научно-практической

- конференции Православие и общество: грани взаимодействия. – Чита : Забайкальский государственный университет, 2020. – С. 169-173.
2. Библия: каноническая, русский синодальный перевод. – Москва : Российское Библейское общество, 2007. – 1057 с.
3. Варламова Е.П. Проблема бессмертия: рефлексивно-гуманистический подход / Е.П. Варламова // Психологические проблемы самореализации личности Издательство СПбГУ. – 2000. – № 4. – С. 109-111.
4. Галушко В.Г. Проблемы языка и русской ментальности в современном образовании и культуре / В.Г. Галушко, С.В. Конанчук, С.В. Кудряшов // Человек и образование. – 2018. – № 4 (57). – С. 20-24.
5. Даль В. И. Толковому словарю живого великорусского языка: в 4 т. – СПб.: ТОО «Диамант», 1996. – Т. 1: А-З. – 800 с.
6. Ивентьев С.И. Бессмертие как категория четвёртого и пятого поколений прав человека // Наука и современность. – 2012. – Выпуск № 16-2. – С. 216-221.
7. Ивентьев С.И. Бессмертие с точки зрения четвёртого и пятого поколений прав человека / С.И. Ивентьев // Формирование человека новой эпохи: Материалы международной научной конференции 21-22.06.2012г., г. Пушкин. – Санкт-Петербург : ООО «Гамма», 2012. – С. 119-120.
8. Искандаров Ш. Ф. Духовно-нравственная консолидация общества и проблема нигилизма / Ш.Ф. Искандаров, С.И. Ивентьев // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы, перспективы: материалы X Международной научно-практической конференции. Иркутск, 16 февраля 2024 г. / ФГБОУ ВО «ИГУ». – Иркутск : Издательство ИГУ, 2024. – С. 244-254.
9. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции Российской Федерации от 30 октября 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ, от 5 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ, от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ) // Российская газета. – 1993. – 25 дек.

10. Пономаренко Н.В. Идея бессмертия: онтологический и гносеологический аспекты / Н.В. Пономаренко // Вестник ОГУ. – 2013. – № 7 (156). – С. 29-36.
11. Философский энциклопедический словарь. – Москва : ИНФРА-М, 2009. – 570 с.

Светлана Николаевна Рудых
Евгения Михайловна Сеноотрусова*

К ВОПРОСУ О РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПОВ ПРАВОТВОРЧЕСТВА В ЧАСТНОМ ПРАВЕ

Статья посвящена вопросам реализации принципов правотворчества в сфере частноправового регулирования. Рассмотрена проблема нестабильности гражданского и жилищного законодательства, в том числе кодифицированных федеральных законов как системообразующих актов. Приведены примеры противоречий и структурной несогласованности норм как следствие нарушения принципа системности.

Ключевые слова: *принципы правотворчества, стабильность, системность, кодификация, качество законодательства.*

ON THE ISSUE OF THE IMPLEMENTATION OF THE PRINCIPLES OF LAWMAKING IN PRIVATE LAW

The article is devoted to the implementation of the principles of law-making in the field of private law regulation. The problem of instability of civil and housing legislation, including codified federal laws as system-forming acts, is considered. Examples of contradictions and structural inconsistency of norms as a result of violation of the principle of consistency are given.

* **Светлана Николаевна Рудых**, заведующий кафедрой гражданско-правовых дисциплин Иркутского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент (г. Иркутск, Россия).

Svetlana Nikolaevna Rudykh, Head of the Department of Civil Law Disciplines, Irkutsk Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor (Irkutsk, Russia).

Евгения Михайловна Сеноотрусова, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Иркутского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук (г. Иркутск, Россия).

Evgeniya Mikhailovna Senotrusova, Associate Professor of the Department of Civil Law Disciplines at the Irkutsk Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Candidate of Legal Sciences (Irkutsk, Russia).

Key words: *principles of law-making, stability, consistency, codification, quality of legislation.*

Процесс правотворчества строится на определенных принципах, которые являются его основой и обеспечивают высокое качество и эффективность. Принципы правотворчества понимаются как основополагающие начала, руководящие идеи, «исходные положения, на которых должен строиться весь правотворческий процесс», с момента выявления потребности в правовом регулировании отношений и до момента издания нормативного правового акта [1, с. 11–12]. Они отражают «объективные закономерности, тенденции и потребности общества, определяющие сущность всей системы права, отрасли или института права» [2, с. 6].

От системы и содержания принципов правотворчества зависит качество принимаемых актов, а последнее, в свою очередь, предопределяет степень эффективности их применения, единообразие судебной практики или его отсутствие, количество судебных споров в соответствующей сфере и т.д., а при более абстрактном рассмотрении данного вопроса – уровень доверия граждан и предпринимательского сообщества к государству, состояние законности в тех или иных сферах общественной жизни.

В юридической науке высказаны многообразные взгляды на систему принципов правотворчества, в числе которых рассматриваются: принципы законности, объективной необходимости (своевременности [3]), процедурности, гласности, демократизма, плановости, технико-юридического оформления [4], гуманизма [5], профессионализма, научности [6, с. 20], заимствования и переработки накопленного опыта и практичности (прагматичности) принимаемых решений [7, с. 117–119], принцип логической сбалансированности норм права и обеспечения их действенности [8, с. 60]. Кроме того, в науке выделяются такие принципы как принцип приоритета прав и свобод человека и гражданина; принцип историзма, совершенства юридической техники и строгого соблюдения стадий правотворческого процесса; принцип преемственности юридического научного знания.

Ряд ученых делят принципы правотворчества на общие (гуманизм, демократизм, гласность и открытость, законность, научность, системность) и процедурные (оперативность, стабильность,

плановость, технико-юридическое совершенство текста) [9, с. 160–161], классифицируют их по функциональному критерию на принципы порядка принятия норм права (демократизм, гласность), выработки норм права (научность, оперативность, планирование и информационно-правовое обеспечение), подготовленности субъектов правотворчества (профессионализм), обеспечения юридического качества актов (законность, соблюдение правил правотворческой техники и т.п.) и реализуемости норма прав (исполнимость) [10].

Далее перейдем к рассмотрению конкретных принципов правотворчества в сфере частноправового регулирования.

Так, одним из наиболее важных принципов правотворчества является ***принцип стабильности***, выражающийся в требовании стабильности принимаемых нормативных правовых актов и являющийся ценностным ориентиром законодательного процесса.

Как верно указывает В.А. Рыбаков, текущая законотворческая ситуация характеризуется излишне большим количеством принимаемых актов и дефицитом их качества [2, с. 9]. Безусловно, принцип стабильности не универсален и находится в тесной взаимосвязи с таким принципом как оперативность, то есть своевременность реакции законодателя на социальные потребности в правовом регулировании. Вместе с тем, излишне частое изменение законодательства сомнительно. Особенно это актуально по отношению к кодифицированным актам как системообразующим, в частности, к Гражданскому кодексу Российской Федерации [11] (далее – ГК РФ) и Жилищному кодексу Российской Федерации [12] (далее – ЖК РФ).

На необходимость обеспечения стабильности законодательства указывает и профессор С.Б. Поляков [13]. В литературе указывается на бессистемность принятия дополнений и поправок, когда «законотворческий процесс превращается в некое латание дыр: принимаются сотни поправок, дополнений и изменений» [6, с. 21], при том, что многие из них концептуального характера не носят. Средний срок стабильности кодекса, то есть длительности условного периода, в течение которого в кодекс не вносилось изменений, по состоянию на 2016 год: ГК РФ – 1,6 месяца, ЖК РФ – 2,44 месяца [14]. На конец 2024 года ситуация не улучшилась.

Не менее важным принципом является *принцип системности*, означающий строгий учет системы права, законодательства и построения той или иной отрасли [15]. Приходится констатировать допущение законодателем бессистемного внесения отдельных изменений и поправок в действующие нормативные правовые акты, без учета взаимодействия норм и нормативных актов между собой. Допускаются противоречия, коллизии.

Например, «когда внесение изменения в какую-либо норму общей части ГК РФ не сопровождается корректировкой корреспондирующих ей норм особенной части. ... В рамках реформы гражданского законодательства была скорректирована норма ст. 5 ГК РФ, как содержательно, так и на уровне наименования статьи, термин «Обычай делового оборота» был заменен на просто «обычай». Однако ни в одну из статей части II ГК РФ, где говорилось об обычаях делового оборота не были внесены изменения (см.: п. 2 ст. 478, п. 1 ст. 508 ГК РФ, ст. 985, ст. 992 и др.)» [16, с. 190].

Не учитывается расположение правовых норм, нарушается логика структуры правового текста. К примеру, с сентября 2024 г. вступили в силу поправки в ЖК РФ о капитальном ремонте, в частности, ужесточены требования к лицам, проводящим работы по капитальному ремонту общего имущества, введено требование их членства в саморегулируемой организации (ч. 7 ст. 166 ЖК РФ), проведения строительного контроля (ч. 9 ст. 166 ЖК РФ). Однако указанные предписания расположены в частях 7–9 ст. 166 ЖК РФ, в которой дается общее представление о капитальном ремонте, в том время как более логичным было бы их изложение в главе 18 ЖК РФ, устанавливающей собственно порядок его проведения.

В некоторых случаях законодатель отказывается от устранения противоречий и несовершенств в тексте правового акта, имеющих место длительное время. Возможными причинами могут быть фактическое снятие противоречий выработанной судами или иными правоприменителями позицией, так называемое квалифицированное молчание и т.п.

Например, согласно ч. 1 ст. 90 ЖК РФ невнесение нанимателем в течение более 6 месяцев без уважительных причин платы за жилое помещение и коммунальные услуги является основанием их выселения в судебном порядке. Пункт 1 ч. 4 ст. 83 ЖК РФ формулирует данное основание несколько иначе – «невнесения нани-

мателем платы за жилое помещение и (или) коммунальные услуги в течение более шести месяцев». Согласно позиции Пленума Верховного Суда Российской Федерации обстоятельством, имеющим юридическое значение, является невнесение нанимателем и членами его семьи двух видов названных платежей непрерывно более чем шесть месяцев подряд без уважительных причин [17]. При огромном количестве вносимых изменений и дополнений в ЖК РФ причины игнорирования законодателем данного противоречия не совсем ясны.

Вот еще пример противоречия, которое было, по существу, снято посредством судебного толкования. Так, согласно п. 2 ст. 396 ГК РФ возмещение убытков в случае неисполнения обязательства и уплата неустойки за его неисполнение освобождают должника от исполнения обязательства в натуре, если иное не предусмотрено законом или договором. Вместе с тем, в 2015 году в ГК РФ была введена статья 308.3, согласно п. 1 которой в случае неисполнения должником обязательства кредитор вправе требовать по суду исполнения обязательства в натуре, если иное не предусмотрено настоящим Кодексом, иными законами или договором либо не вытекает из существа обязательства. Исходя из буквального толкования приведенных норм, неясно, допустимо ли судебное принуждение к исполнению обязательства в натуре, если должник не приступил к исполнению обязательства?

Верховный Суд Российской Федерации разъяснил, что анализируемые нормы следует толковать следующим образом: в случае неисполнения должником обязательства кредитор вправе требовать по суду исполнения обязательства в натуре. При этом следует учитывать, что в соответствии со статьями 309 и 310 ГК РФ должник не вправе произвольно отказаться от надлежащего исполнения обязательства. Суды при решении поставленного вопроса должны выяснить, является ли такое исполнение обязательства в натуре объективно возможным, не противоречит ли оно существу обязательства [18].

Таким образом, проведенный анализ свидетельствует о необходимости повышения качества нормативно-правового регулирования частноправовых отношений, строгого соблюдения принципов правотворчества на всех этапах принятия и действия правового акта, в том числе при внесении поправок в действующее

регулирование. Отступление от основополагающих принципов правотворческого процесса влечет за собой не просто понижение качества принимаемых актов, но и ставит под угрозу стабильность экономического оборота, снижает инвестиционную привлекательность российского рынка товаров, работ и услуг.

Источники и литература:

1. Томин В. А. Правотворческая деятельность субъектов Российской Федерации : учебное пособие / В. А. Томин. – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2017. – 96 с.
2. Рыбаков В. А. О принципе научности российского правотворчества / В. А. Рыбаков // Вестник Омского университета. Серия «Право». – 2016. – № 2 (47). – С. 6–14.
3. Сехин И. В. Принцип своевременности правотворчества: проблемы реализации / И. В. Сехин // Актуальные проблемы российского права. – 2020. – № 2. – С. 26–35.
4. Кич И. С. Реализация некоторых принципов правотворчества и современной России / И. С. Кич, А. А. Чупрова, М. Калионджу // Право и государство: теория и практика. – 2023. – № 2 (218). – С. 39.
5. Пчелинцев А. В., Теория правотворчества / А. В. Пчелинцев, А. Н. Шепелев // Государственная власть и местное самоуправление. – 2024. – № 2. – С. 12–15.
6. Российское законодательство: 20 лет развития в русле новой Конституции Российской Федерации // отв. ред. А. А. Клишас, В. Н. Плигин. Официальный сайт Совета законодателей Российской Федерации при Федеральном Собрании Российской Федерации. URL : <http://szrf.km.duma.gov.ru/Informaciya-o-sostoyanii-zakonodatelstva> (дата обращения: 30.10.2024 г.).
7. Спирин М. Ю. Теоретические проблемы законотворческой деятельности в Российской Федерации / М. Ю. Спирин : дис. ... канд. юрид. наук. – Москва, 2003. – 271 с.
8. Законотворчество в Российской Федерации : научно-практическое и учебное пособие / А. И. Абрамова, Т. В. Голубева, А. В. Мицкевич и др. / под ред. А. С. Пиголкина. – Институт зако-

- нодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. – Москва : Формула права, 2000. – 608 с.
9. Зюбенко Н. В. Принципы правотворчества и их значение в современных условиях / Н. В. Зюбенко // Проблемы права: теория и практика. – 2022. – № 59. – С. 156–163.
10. Румянцев М. Б. Принципы правотворчества и их классификация / М. Б. Румянцева // Законодательство и экономика. – 2015. – № 11. – С. 48–53.
11. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая : Федеральный закон от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 18 июля 2019 г.) // Российская газета. – 1994. – 8 декабря.
12. Жилищный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 29.12.2004 г. № 188-ФЗ с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2024 г. – Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
13. Поляков С. Б. Критерии разумности правового регулирования экономических отношений / С. Б. Поляков // Пермский юридический альманах. – 2020. – № 3. – С. 132–147.
14. Ткаченко Н. Статистический анализ федерального законодательства. – Центр стратегических разработок компании «Гарант», 2017. – Доступ из справочно-правовой системы «Гарант».
15. Виноградов Т. П. Принципы законотворческого процесса в России: понятие, значение и система / Т. П. Виноградов // Конституционное и муниципальное право. – 2016. – № 1. – С. 58–61. – Доступ из справочно-правовой системы «Гарант».
16. Хужин А. М. О деструктивных изменениях гражданского законодательства / А. М. Хужин, М. В. Карпычев // Юридическая техника. – 2023. – № 17. – С. 188-191.
17. О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при применении Жилищного кодекса Российской Федерации : постановление Правительства Российской Федерации от 02.07.2009 г. № 14. – Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
18. О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 марта 2016 г. № 7 : ред. от 22.06.2021 г. – Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

**ЮРИДИЧЕСКИЕ КОНФЛИКТЫ
В ПУБЛИЧНОМ И ЧАСТНОМ ПРАВЕ:
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАЗГРАНИЧЕНИЯ**

Автор продолжает исследование юридических конфликтов в публичном и частном праве. В рамках статьи автор анализирует понятия юридического конфликта в частноправовой сфере и публичном праве, выявляя их существенные признаки. Предпринимается попытка выявления теоретических аспектов сходства и различия рассматриваемых конфликтов. Приводятся определения частноправовых и публичных юридических конфликтов, а также перспективы дальнейших исследований.

Ключевые слова: *публичное право, частное право, противоборство, юридический конфликт, публичный спор, разрешение конфликта.*

**LEGAL CONFLICTS IN PUBLIC AND PRIVATE LAW:
THEORETICAL ASPECTS OF DIFFERENTIATION**

The author continues to study legal conflicts in public and private law. Within the framework of the article, the author analyzes the concepts of legal conflict in the private law sphere and public law, identifying their essential features. An attempt is made to identify the theoretical aspects of the similarities and differences of the conflicts under consideration. Definitions of private and public legal conflicts are given, as well as prospects for further research.

Key words: public law, private law, confrontation, legal conflict, public dispute, conflict resolution.

Данной публикацией автор продолжает исследование, которое посвящено теоретико-правовому анализу механизма разре-

* Мурат Амангельдиевич Туганбаев, соискатель, Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России (Санкт-Петербург, Россия).

Murat Amangeldievich Tuganbaev, Candidate, Saint-Petersburg University of State Fire Service of EMERCOM of Russia (St. Petersburg, Russia).

шения юридических конфликтов в публичном и частном праве. Исследуя рассматриваемый механизм, нельзя не уделить внимание и понятию, и сущности юридического конфликта в указанных сферах, а также вопросам их разграничения. В целом, можно отметить, что юридический конфликт, как междисциплинарный правовой институт традиционно привлекает внимание ученых, специализирующихся как в области общетеоретических и отраслевых, так и прикладных правовых исследований. Вполне очевидно, что терминологическое название того или иного правового явления выражает и его настоящий смысл.

Исходя из сказанного, нам представляется, что одним из ключевых аспектов любого юридического конфликта является поиск наиболее эффективных способов его разрешения. Таким образом, мы дадим характеристику юридического конфликта в публичном и частном праве и определим теоретические аспекты их разграничения. Как видится, только после этого можно полноценно исследовать и структурно-функциональный механизм их разрешения.

Итак, для более полного понимания нашей позиции по данному вопросу, полагаем, что первоначально необходимо определиться с теоретическими особенностями юридического конфликта в публичном праве. Нельзя однозначно утверждать, что в теоретико-правовой науке юридический конфликт в публичном праве исследован в полном объеме. По-прежнему имеются противоречия во взглядах на понимание таких конфликтов. Например, нет ясности в сфере разграничения публичного спора от публичного конфликта.

В данном случае, применяя метод междисциплинарного исследования, мы будем исходить из позиций тех ученых, которые в рамках публично-правовых наук посвятили свои исследования данному вопросу, после чего, выявим существенные черты юридического конфликта в публичном праве с теоретико-правовых позиций. И здесь также существуют различные точки зрения на особенности юридического конфликта в публичном праве. Так, И.А. Орлова приходит к выводу, что «юридический спор является не разновидностью, а проявлением юридического конфликта, его возможной, но не обязательной, стадией развития. Правовым спором юридический конфликт может стать только при наличии определенных условий осознание сторонами проблемы, определение сво-

ей позиции, предъявление ее оппоненту и обсуждение. Если же нет таких черт как взаимное обсуждение проблемы, обоснование позиции и четко определенного предмета разногласий, но стороны активно мешают друг другу в достижении определенных целей, то это свидетельствует о наличии конфликта. Оспаривание нарушенных прав одной стороной вряд ли можно считать спором» [1, с. 11].

По этому поводу вполне однозначно высказалась А.В. Никитина, отметив следующее: «Как разновидность конституционно-правового конфликта конституционно-правовой спор – это внешняя форма проявления сталкивающихся, противоречащих друг другу конституционно защищаемых частных и (или) публичных интересов, конституционных ценностей [2, с. 12].

Исходя из сказанного, можно прийти к определенному выводу о том, что публично-правовой спор является формой юридического конфликта, который возник и реализуется в публичном праве. В данном случае согласимся с мнением Д. М. Лифанова о том, что методологический подход к определению спора о праве как юридической формы конфликта, является обоснованным, поскольку данная правовая конструкция может выступать в качестве предпосылки, необходимой для эффективного разрешения возникшего противоречия [3, с. 43].

Учитывая вышесказанное, в рамках данного исследования мы будем исходить из того, что юридический конфликт в публично-правовой сфере может быть представлен как противоборство, протекающее в публичном праве, возникшее на основании противоречивых (конфликтных) отношений между субъектами, преследующими собственные интересы публично-правового характера. Е.М. Цыганова по этому поводу справедливо отмечает, что сам юридический конфликт в сфере публичного права имеет свою специфику, обусловленную характером отношений, регулируемых правовыми нормами в сфере функционирования государственной власти [4, с. 80].

Рассмотрев правовой конфликт в публичном праве, кратко охарактеризуем правовой конфликт в частноправовой сфере и определим некоторые их отличия друг от друга. Так, при сущностной характеристике юридических конфликтов, порождающих конкретное правоотношение в частноправовой сфере, необходимо принимать во внимание их общие признаки и черты, а также осо-

бенности, которые позволяют им включаться в качестве самостоятельных звеньев в соответствующий механизм их разрешения.

В последнее время в научной литературе при исследовании конкретных видов юридических конфликтов, упоминается и конфликты в частноправовой сфере. Полагаем, что стоит согласиться с мнением С.В. Соловьевой: «...конфликты в частно-правовой сфере связаны со стремлением одних участников гражданского оборота присвоить, завладеть, получить больше выгод за счет других участников» [5, с. 50].

Исходя из предложенных авторами определений юридических конфликтов в сфере частного права, становится ясно, что такой конфликт имеет общие черты и особенности, присущие юридическим конфликтам, только в отличие от них он возникает и разрешается в рамках частноправовых отношений, в которых используются иные правовые средства и методы его разрешения.

Вместе с тем, характеризуемый в настоящем исследовании юридический конфликт в частноправовой сфере имеет следующие особенности:

- во-первых, возникает в частноправовой сфере между субъектами, когда один, реализуя свое право, посягает на интересы другого;
- во-вторых, носит строго нормативный характер и развивается в сфере правового регулирования частноправовых отношений;
- в-третьих, включает в себя противоречивое правовое отношение и противоречивые действия сторон (противоборство), участвующих в частноправовых отношениях.

Итак, рассмотрев кратко два вида юридических конфликтов, можно определить признаки, которые их разграничивают друг от друга. В связи с этим, мы полагаем, что в отличие от юридического конфликта в частноправовой сфере, конфликт в публичном праве отличается основаниями возникновения, составом, а именно субъектами, которые вступили в этот конфликт, а также способами его разрешения и применяемыми правовыми средствами.

Вместе с тем, отличительным признаком является и тот факт, что субъекты этих конфликтов преследуют разные цели. При широком подходе субъектами юридических конфликтов в публичном праве с одной стороны выступает индивид, который оспарива-

ет решения органов публичной власти, а с другой, сам орган публичной власти, который вынес оспариваемое решение. Например, С.Ф. Афанасьев и А.П. Яковлева указывают на то, что разрешение рассматриваемых конфликтов происходит в форме административной юстиции, которая включает в себя деятельность административных органов по разрешению публично-правового конфликта в соответствующей сфере деятельности административного органа [6, с. 8].

Сказанное говорит о том, что представленная тема по-прежнему остается актуальной и позволяет автору и в дальнейшем рассматривать и разрабатывать механизм разрешения юридических конфликтов в публичном и частном праве и отдельных его элементов, что и будет сделано в последующих публикациях.

Источники и литература:

1. Орлова И.А. Разрешение споров в международном публичном и частном праве: сравнительно-правовой анализ : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.10 / И.А. Орлова. – Санкт-Петербург, 2007. – 23 с.
2. Никитина А.В. Конституционно-правовые споры : дисс. ... докт. юрид. наук / А.В. Никитина. – Омск, 2019. – 42 с.
3. Лифанов Д.М. Административно-правовой спор и тенденции его трансформации в современных условиях / Д.М. Лифанов // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. – 2023. – № 6. – С. 41-57.
4. Цыганова Е.М. Теоретические проблемы публично-правового спора / Е.М. Цыганова // Современное право. – 2008. – № 6-1. – С. 77-83.
5. Соловьева С.В. Некоммерческие юридические лица: конфликты внутренние и внешние / С. В. Соловьева // Журнал российского права. – 2013. – № 1. – С. 39-52.
6. Афанасьев С.Ф. О соотношении административной юстиции и административного судопроизводства / С.Ф. Афанасьев, А.П. Яковлева // Журнал административного судопроизводства. – 2022. – № 3. – С. 5-9.

ОСНОВНЫЕ ИДЕИ И ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

Автором приводятся основные концепции понимания конституционного правоприменения. Анализируются различные подходы и авторские выводы, которые нашли отражение в научных исследованиях. Приводится определение конституционного правоприменения. Указывается на то, что конституционное правоприменение возможно рассматривать в контексте таких правовых категорий, как «прямое действие Конституции» и интерпретационной деятельности. Отмечается, конституционное правоприменение представляет собой двойственный правовой феномен, включающий в себя динамическую составляющую (процесс применения права) и статическую сторону (систему соответствующих конституционно-правовых отношений), обеспечивающие эффективность реализации конституционных норм на практике. Определяются дальнейшие пути исследования конституционного правоприменения.

Ключевые слова: реализации конституционных норм; правоприменение; конституционное правоприменение; свойство конституции; прямое действие конституции; интерпретация конституционных норм.

THE MAIN IDEAS AND APPROACHES TO THE DEFINITION OF CONSTITUTIONAL LAW ENFORCEMENT

* *Алексей Геннадьевич Самусевич*, доцент кафедры конституционного права и теории права Иркутского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), кандидат юридических наук, доцент (г. Иркутск, Россия).

Alexey Gennadievich Samusevich, Associate Professor of the Department of Constitutional Law and Legal Theory of the Irkutsk Institute (branch) All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia), Candidate of Legal Sciences, Associate Professor (Irkutsk, Russia).

The author provides the basic concepts of understanding constitutional law enforcement. Various approaches and author's conclusions are analyzed, which are reflected in scientific research. The definition of constitutional law enforcement is given. It is pointed out that constitutional law enforcement can be considered in the context of such legal categories as "direct effect of the Constitution" and interpretative activity. It is noted that constitutional law enforcement is a dual legal phenomenon that includes a dynamic component (the process of applying law) and a static side (a system of relevant constitutional and legal relations) that ensure the effectiveness of the implementation of constitutional norms in practice. Further ways of studying constitutional law enforcement are determined.

Key words: *Implementation of constitutional norms; law enforcement; constitutional law enforcement; property of the constitution; direct effect of the constitution; interpretation of constitutional norms.*

Актуальность представленной темы не вызывает сомнения, так как конституционное правоприменение на сегодняшний день играет ключевую роль не только в развитии конституционализма в России, но и влияет на достижение эффективности в сфере применения конституционных норм на практике. Это связано и с приводимой конституционной реформой, которая призвана укрепить конституционно-правовые отношения на современном этапе развития российского государства и общества.

Проблема состоит в том, что в теории конституционного права по-прежнему отсутствуют полноценные исследования, в которых в полном объеме уделялось внимание механизму конституционного правоприменения. Вместе с тем, автором данной статьи уже проведены некоторые исследования в отношении сущности конституционного правоприменения. Так, за период с 2022 года до настоящего времени нами был проведен детальный анализ различных подходов к конституционному правоприменению как с позиции теории права, так и с позиции конституционно-правовой науки, что выразилось в публикациях в различных журналах.

В связи со сказанным, данной публикацией мы предлагаем нашему читателю ознакомиться с основными авторскими идеями в отношении понимания конституционного правоприменения и теми

проблемами, которые возникают при исследовании рассматриваемого правового явления.

Стоит сказать, что, приступая к исследованию теоретических и конституционно-правовых основ конституционного правоприменения автор столкнулся с проблемами более общего порядка, а именно отсутствием полноценной концепции его понимания. Можно привести не более десятка научных публикаций, где в той или иной степени встречается словосочетание «конституционное правоприменение», но все они не дают полного ответа на вопрос: а что считать конституционным правоприменением и каков его механизм? Данное определение не облучило широкой популярности в отечественной, да и в зарубежной юриспруденции.

Тем не менее, анализ тех немногочисленных источников позволяет сделать вывод о том, что конституционное правоприменение возможно рассматривать как особую организационную деятельность компетентных органов государства, обладающих властными полномочиями в сфере реализации конституционно-правовых норм с целью претворения их в жизнь по конкретному жизненному случаю, установленных Конституцией РФ. В данном случае конституционное правоприменение выступает как форма реализации конституционных норм.

Исходя из приведенного, конституционное правоприменение было рассмотрено нами в контексте интерпретационной деятельности, где мы пришли к выводу, что интерпретация как форма конституционного правоприменения характеризуется особой активностью субъектов соответствующих правоотношений с соблюдением определенных правил и процедур, установленных правовыми нормами [1, с. 259-271].

Иными словами, в рамках представленной концепции интерпретация конституционных норм наполняет конституционное правоприменение содержательным смыслом, придавая последнему динамические характеристики, способствуя достижению эффективности самого процесса применения.

Еще одним результатом исследования конституционного правоприменения стало формирование концепции, в рамках которой конституционное правоприменение было рассмотрено в контексте соотношения с прямым действием Конституции. Так, в контексте обсуждения взаимосвязи между конституционным право-

применением и прямым действием Конституции можно с уверенностью утверждать, что они находятся в отношении общего и частного, целого и части [2, с. 19-27].

Иными словами, конституционное правоприменение представляет собой динамичный аспект прямого действия конституции, который обеспечивает эффективное применение её норм. Понятия «прямое действие конституции» и «конституционное правоприменение» тесно переплетены. Вместе с тем, между ними существуют различия, которые касаются, в частности, субъектов, наделённых полномочиями в той или иной форме реализовывать положения Конституции.

Таким образом, фактически только законодатель и суд могут непосредственно применять прямое действие конституции, в то время как правоприменение конституционного законодательства предполагает более широкий круг субъектов, и, как показывает практика, этот круг не обязательно должен быть ограничен рамками конкретной статьи.

В результате проведённого исследования мы пришли к заключению, что конституционное правоприменение представляет собой сложное правовое явление, которое включает в себя два аспекта:

- во-первых, динамический, представляющий собой процесс применения правовых норм;
- во-вторых, статический, выражающийся в системе конституционно-правовых отношений, обеспечивающих эффективную реализацию конституционных норм в практической деятельности.

Данный подход требует более полного исследования, что и будет предпринято в последующих авторских публикациях.

Таковы основные подходы к пониманию конституционного правоприменению с точки зрения автора данной публикации. Вместе с тем, подводя итоги наших дискуссий о различных подходах к пониманию конституционного правоприменения, мы акцентируем внимание на том, что представленные концепции обладают как положительными аспектами в определении механизма конституционного правоприменения, так и определёнными недостатками, которые требуют исследования и устранения с помощью междисциплинарного подхода.

В этой связи необходимо более детально рассмотреть ряд вопросов, связанных с конституционным правоприменением, таких как механизм реализации конституционного правоприменения, статус и виды субъектов, динамические характеристики, структуру и содержание издаваемых актов и т. д.

Кроме того, в настоящее время возможно рассмотреть конституционное правоприменение с позиции современного конституционного правопонимания и конституционного правосознания. Безусловно, конституционное правоприменение требует дальнейшего теоретического осмысления и научного анализа.

Источники и литература:

1. Самусевич, А. Г. Интерпретационная деятельность как форма конституционного правоприменения (часть 1) / А. Г. Самусевич // Теория государства и права. – 2024. – № 1(35). – С. 259-271.
2. Самусевич, А. Г. Конституционное правоприменение и прямое действие конституции: вопросы соотношения / А. Г. Самусевич // Пролог: журнал о праве. – 2024. – № 2(42). – С. 19-27.

ЗАКОНОДАТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ГОСУДАРСТВА В ОТНОШЕНИИ ТРАДИЦИОННЫХ ДУХОВНО- ПРАВСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ

В статье рассматриваются основные этапы формирования и развития законодательной политики государства в отношении традиционных духовно-нравственных ценностей. Анализируя содержание законодательства в области традиционных ценностей, автор приходит к выводу о том, что в настоящее время навязывание чуждых российской культуре и истории ценностей рассматривается как угроза национальной безопасности России. При этом в статье акцентируется внимание на необходимости сочетания императивных и диспозитивных методов правового регулирования в духовно-нравственной сфере.

***Ключевые слова:** законодательство, законодательная политика, правовое регулирование, традиционные духовно-нравственные ценности, антиценности, конституционные ценности.*

THE LEGISLATIVE POLICY OF THE STATE IN RELATION TO TRADITIONAL SPIRITUAL AND MORAL VALUES

The article examines the main stages of the formation and development of the legislative policy of the state in relation to traditional spiritual and moral values. Analyzing the content of legislation in the field of traditional values, the author comes to the conclusion, that at present the imposition of values alien to Russian culture and history is considered a threat to Russia's national security. At the same time, the

**Валентина Николаевна Шутова, заведующий кафедрой конституционного права и теории права Иркутского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), кандидат юридических наук, доцент (г. Иркутск, Россия).*

Valentina Nikolayevna Shutova, Head of the Department of Constitutional Law and Theory of Law, Irkutsk Institute (Branch), All-Russian State University of Justice, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor (Irkutsk, Russia).

article focuses on the need to combine imperative and dispositive methods of legal regulation in the spiritual and moral sphere.

Key words: *legislation, legislative policy, legal regulation, traditional spiritual and moral values, anti-values, constitutional values.*

В истории Российского государства был достаточно длительный период времени, когда культурным, духовно-нравственным и иным ценностям не уделялось должного внимания. Более того, как верно отмечают Д.В. Лебедев, Г.В. Лебедева, в конце 90-х – начале 2000-х гг. Россия столкнулась «с неограниченным проникновением систем ценностей и идей, возникших в иных культурах и государствах, которые ... были навязаны как единственно приемлемые и возможные» [1, с. 278]. Осознание того факта, что дальнейшее продвижение навязываемых деструктивных ценностей может привести к глобальным негативным последствиям, вплоть до утраты единства многонационального народа России, побудило законодателя к поиску способов обеспечения национальной безопасности не только в военном отношении, но также в идейном и культурно-духовном. В настоящее время духовно-нравственные ценности являются одним из важных направлений в реализации государственной политики. В связи с этим О.Н. Хужина констатирует, что «политическая воля на открытое провозглашение курса на сохранение и укрепление традиционных российских духовно-нравственных ценностей знаменует новый этап в развитии российского права» [2, с. 40].

Между тем, в условиях длительного отсутствия правового регулирования в этой сфере, законодательная политика в отношении традиционных ценностей развивалась постепенно (хотя и за достаточно короткий промежуток времени). В целом, представляется возможным выделить следующие этапы правового закрепления традиционных духовно-нравственных ценностей.

Первый этап ознаменовала конституционная реформа. В 2020 году в тексте Конституции РФ в результате поправок были закреплены ценности, отражающие культурные особенности многонационального народа России, его конституционную самоидентификацию [3, с. 58]. В их числе исторически сложившееся государственное единство и память предков (часть 2 статьи 67¹); защита исторической правды (часть 3 статьи 67¹); дети как приоритет

государственной политики России, воспитание в них патриотизма, гражданственности, уважения к старшим (часть 4 статьи 67¹); культура Российской Федерации как уникальное наследие ее многонационального народа (часть 4 статьи 68); культурная самобытность народов и этнических общностей России (часть 2 статьи 69); традиционные семейные ценности (пункт «в» части 1 статьи 114) и другие [4].

Сложившаяся в настоящее время международная обстановка и внутренние общественно-политические реалии обусловили необходимость отражения ценностей не только в Конституции РФ, но и в законах и подзаконных актах. Таким образом, основные конституционные ценностные ориентиры в настоящее время последовательно воплощаются в жизнь, демонстрируя формирование стратегических приоритетов в государственной политике.

Соответственно, вторым этапом можно назвать отражение традиционных духовно-нравственных ценностей в актах стратегического планирования в сфере национальной безопасности. Так, в соответствии со Стратегией национальной безопасности РФ защита традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти относится к числу стратегических национальных приоритетов наряду с иными видами национальной безопасности: информационной, экономической экологической [5].

В ноябре 2022 года принят Указ Президента РФ «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» (далее – Основы государственной политики). Этот акт можно назвать третьим этапом правового закрепления традиционных духовно-нравственных ценностей. Пункт 4 Основ государственной политики определяет традиционные ценности как «нравственные ориентиры, формирующие мировоззрение граждан России, передаваемые от поколения к поколению, лежащие в основе общероссийской гражданской идентичности и единого культурного пространства страны, укрепляющие гражданское единство, нашедшие свое уникальное, самобытное проявление в духовном, историческом и культурном развитии многонационального народа России» [6]. К традиционным ценностям относятся жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные иде-

алы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России. Следует отметить, что Основы государственной политики содержат закрытый перечень ценностей, что сложно оценить однозначно. С одной стороны, появляется правовая определенность в отношении конкретных, перечисленных в указе традиционных ценностей, с другой стороны, получается, что охраняемые и поддерживаемые государством ценности ставятся в зависимость от их включения в этот перечень.

Помимо ценностей Основы государственной политики определяют и противоположное им явление – так называемые антиценности. В указе они обозначены термином «деструктивная идеология». Отношение государства к конкретным ценностям и антиценностям находит отражение в его законодательной политике, общее направление которой прослеживается как в принимаемых законах, так и в отдельных законодательных инициативах. И в данном случае можно обозначить четвертый этап правового закрепления традиционных духовно-нравственных ценностей – включение этих ценностей (и, соответственно, запрет антиценностей) в тексты отдельных законодательных актов.

Так, 5 декабря 2022 года принят Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» касающийся, в частности, запрета пропаганды нетрадиционных сексуальных отношений и (или) предпочтений [7].

В июле 2023 года в Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» внесены изменения, в соответствии с которыми закон дополнен статьей 45.1, устанавливающей запрет на осуществление медицинских вмешательств, включая применение лекарственных препаратов, направленных на смену пола [8].

В октябре 2024 года Государственной Думой в первом чтении принят был Законопроект № 724769-8 «О внесении изменений в статьи 10-6 и 15-1 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и отдельные

законодательные акты Российской Федерации (в части запрета информации, пропагандирующей отказ от деторождения)», который вызвал большой резонанс в обществе и получил название «Закон о запрете пропаганды идеологии чайлдфри». И уже 23 ноября 2024 года соответствующий закон был подписан Президентом РФ [9]. Следует отметить, что закон, еще на стадии обсуждения, стал объектом пристального внимания не только со стороны общественности, но и со стороны юридического научного сообщества. Так, Д.И. Ережипалиев полагает, что, не смотря на в целом актуальную концепцию, законопроект не лишен юридически значимых недостатков, требующих устранения [10, с. 38–39]. В частности, он акцентирует внимание на слишком широкой сфере распространения запрета пропаганды, не позволяющей подходить к ограничениям пропаганды бездетности избирательно.

Анализ современной законодательной политики государства в отношении традиционных духовно-нравственных ценностей позволяет сформулировать следующие выводы:

Во-первых, в настоящее время государство оценивает навязывание чуждых российской культуре и истории ценностей в качестве вмешательства во внутренние дела государства и определяет этот фактор как угрозу национальной безопасности России.

Во-вторых, как видно из приведенных примеров, чаще всего законодатель пытается использовать метод запрета, в меньшей степени – метод поощрения. Запреты замечают в обществе, они вызывают общественный резонанс, а поощрения часто остаются без внимания. Что касается предлагаемых мер поощрения в сфере духовно-нравственных ценностей, то они чаще всего носят имущественный характер и не вызывают ассоциации с духовно-нравственной сферой (например, льготные условия ипотеки для семей с детьми, пособия и др.). При этом нельзя не указать на необходимость сочетания императивных и диспозитивных методов в правовом регулировании, поскольку, как представляется, сфера формирования ценностных установок является довольно деликатной. Регулирование исключительно на основании запретов способно привести к обратному эффекту и сформировать в обществе негативное отношение к ценностям, которые слишком активно внедряются. В этой связи представляется необходимым найти баланс, правильное соотношение используемых приемов и способов.

В-третьих, большое количество инициатив относительно культурно-духовных ценностей озвучивается без предварительной поддержки и одобрения (часто – при отрицательном заключении Правительства РФ). Такие инициативы чаще всего отклоняются, как необоснованные или непроработанные, но при этом все равно создается общественная напряженность.

В-четвертых, излишнее, избыточное правовое регулирование культурной и духовно-нравственной сферы опасно и угрожает принципам демократического государства. Здесь следует придерживаться принципа умеренности.

Источники и литература:

1. Лебедев Д.В. Конституционные и традиционные российские духовно-нравственные ценности: идеологическое наполнение / Д.В. Лебедев, Г.В. Лебедева // Перспективы продвижения российской модели мировоззренческих ценностей в зарубежной социокультурной среде в условиях информационной безопасности : Материалы международной научно-практической конференции, Екатеринбург, 12 апреля 2024 года. – Екатеринбург: Уральский государственный юридический университет им. В.Ф. Яковлева, 2024. – С. 276–282.
2. Хужина О.Н. Традиционные духовно-нравственные ценности в российском праве: постановка научной проблемы / О.Н. Хужина // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2023. – № 3(63). – С. 39–43.
3. Шутова В.Н. Конституционные ценности и антиценности в российском законодательстве: от универсальности к самобытности / В.Н. Шутова // Конституция: воплощение ценностей верховенства права, гражданского общества и современного государства : Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, Иркутск, 16 декабря 2022 года. – Иркутск: Восточно-Сибирский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2022. – С. 58–61.
4. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г.). – URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 16.12.2024.)

5. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 г. № 400 // Собрание законодательства РФ. – 2021. – № 27 (часть II). – Ст. 5351.
6. Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей : указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. № 809 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2022. – № 46. – Ст. 7977.
7. О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон от 05.12.2022 г. № 478-ФЗ // Российская газета. – 2022. – 08 декабря.
8. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон от 24.07.2023 г. № 386-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2023. – № 31 (часть III). – Ст. 5812.
9. О внесении изменений в статьи 10.6 и 15.1 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации: федеральный закон от 23.11.2024 г. № 411-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2024. – № 48. – Ст. 7218.
10. Ережипалиев Д.И. Совершенствование законодательства, направленного на сохранение и укрепление традиционных российских духовно-нравственных ценностей / Д.И. Ережипалиев // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2023. – Т. 14, № 4 (54). – С. 33–41.

**ТЕОРЕТИКО-ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ
ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ БАНКОВСКОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ**

В статье рассмотрены отдельные вопросы правового регулирования банковской системы России с учетом современных реалий. Автор отмечает значимость теоретических и прикладных аспектов нормативного содержания основополагающей дефиниции для финансовых отношений в банковском секторе - «банковская деятельность». В статье сформулированы предложения по совершенствованию правовых основ банковского законодательства с учетом необходимости легального закрепления понятия «банковская деятельность».

Ключевые слова: банковское право, банковская деятельность, банковская система России, кредитные организации.

The article discusses certain issues of legal regulation of the Russian banking system, taking into account modern realities. The author notes the importance of the theoretical and applied aspects of the normative content of the fundamental definition for financial relations in the banking sector - "banking activity". The article formulates proposals for improving the legal foundations of banking legislation, taking into account the need to legally consolidate the concept of "banking activity".

Keywords: banking law, banking activity, Russian banking system, credit organizations.

Российский банковский сектор в настоящее время столкнулся с рядом разноуровневых проблем как внешнего, так и внутрибанковского характера: это и различного рода риски (санкцион-

*Воротилина Татьяна Викторовна, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин РЭУ им. Г. В. Плеханова (г.Москва, Россия)
Vorotilina Tatyana Viktorovna, Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Civil Law Disciplines of the Plekhanov Russian University of Economics (Moscow, Russia).

ные, риски обслуживания); и пробельность банковского законодательства (особенно в сфере развития инновационной банковской деятельности, связанной с криптовалютой, цифровым рублем, цифровыми банками, Open Banking и др.); и проблемы адекватной защиты прав потребителей банковских услуг, в том числе, в условиях активизации киберпреступности, в частности, проявления в невиданных масштабах различного рода кибермошеннических схем; это и отток капитала из страны, и необходимость быстрого поиска новых моделей проведения международных платежей в условиях ограничений при работе в международной системе SWIFT; и жесточайшая конкуренция банков внутри банковской среды, которая заставляет банки активно внедрять инновационные технологии, предлагать новые услуги и многие другие.

На сегодняшний день банковскую систему регламентирует немалое количество разной юридической силы правовых актов, начиная с Конституции РФ, кодифицированных актов, специальных федеральных законов [1; 2], завершая многочисленными нормативными инструкциями, приказами, письмами Банка России и другими правовыми документами. Однако анализ действующего банковского законодательства не дает оснований полагать, что в регулировании организации и функционирования банковской системы нет проблем или они окончательно решены, наоборот, в связи с активным внедрением новых информационных технологий и процессов появляются новые вызовы и новые пробельные сферы, требующие нормативной регуляции.

Считаем, что проблемы теоретического характера являются первопричиной многих аспектов прикладного содержания. Так, отсутствие нормативного закрепления ряда основополагающих дефиниций анализируемой нами сферы, например, таких как «банковская деятельность», «инновационная банковская деятельность» влекут за собой последующие проблемы правореализации.

Отметим, что для отечественной правовой доктрины проблематика правового регулирования банковской деятельности не является новой. Различные аспекты обозначенных проблем так или иначе рассматривались в трудах таких ученых, как М.С.Бацура, И.В.Ершова, О.Л.Тарасенко, Т.Э.Рождественская, Н.И. Химичева и другие авторы. Исследуемые нами проблемы затрагивались в дис-

сертационных исследованиях Р.О.Ручкина [8], А.Ф. Бадтиева [3], А.В. Чиркова [10] и других ученых.

Термин «банковская деятельность» упоминается не только в банковском законодательстве, но и в гражданском, административном, уголовном, налоговом праве, в связи с чем его необходимо считать межотраслевым понятием.

Не смотря на наличие значительного количества источников банковского права, следует отметить, что ни в одном нормативно-правовом акте не содержится дефиниции «банковская деятельность», то есть легальное определение термина отсутствует.

М.А.Осипова отмечает, что отсутствие законодательного определения термина «банковская деятельность» негативно сказывается на правоприменительную сферу [7, с.162]. В правовых актах часто употребляются термины «деятельность кредитных организаций», «деятельность банков», «банковские услуги», «банковское дело», «банковские операции», которые близки по значению, однако не являются синонимами термина «банковская деятельность».

Отсутствие легальной дефиниции «банковская деятельность» на протяжении нескольких десятилетий создает широкое дискуссионное поле в доктринальной сфере. В отечественной правовой науке нет единого понимания исследуемого нами термина, отсутствуют единые критерии понятия.

Так, например, Е.Б.Лаутс предлагает следующее определение: «Банковская деятельность - предпринимательская деятельность кредитных организаций и Банка России, состоящая в осуществлении ими банковских операций как исключительного вида деятельности» [5, с.71].

И.В.Яковлев, рассуждая об отсутствии законодательно закреплённого понятия банковской деятельности, рассматривает ее через уголовное законодательство, в частности, обращается к ст. 172 УК РФ, в которой закреплён термин «незаконная банковская деятельность», который характеризуется через осуществление банковских операций без регистрации или специального разрешения (лицензии) [11, с.76]. При этом УК РФ использует термины «банковская деятельность» и «банковские операции» как синонимы.

Трудно не согласиться с мнением Я.А. Гейвандова, считающим, что «для определения сущности банковской деятельности необходимо выявить признаки, выражающие качественные осо-

бенности банковской деятельности, и позволяющие отличить ее от других видов деятельности, в процессе которых реализуются операции с деньгами и финансовыми инструментами» [4, с.7].

Е.В. Черникова в своем определении анализируемого нами термина только на финансово-экономические характеристики, но и на публично-правовые с контрольной и надзорной функциями Центробанка, особо отмечая деятельность, направленную на обеспечение публичных интересов [9, с.14].

По справедливому высказыванию С.А.Маркунцова, скорейшее закрепление данного термина в законодательстве будет способствовать более четкому правовому регулированию банковских правоотношений [6, с.38].

Термин «банковская деятельность» является сложным, межотраслевым понятием, он нашел применение в различных отраслях права и употребляется в различных по отраслевой принадлежности и по юридической силе нормативно-правовых актах. Названное обстоятельство обуславливает сочетание частноправовых и публично-правовых начал в его основе.

Среди источников банковского права, помимо нормативно-правовых актов необходимо также выделять правовой обычай. Целесообразность его использования в банковских отношениях обусловлена неспособностью законодательства полностью урегулировать все аспекты банковской деятельности.

Еще раз отметим, что, не смотря на наличие многочисленных источников банковского права, ни в одном нормативно-правовом акте не содержится дефиниции «банковская деятельность», то есть легальное определение термина отсутствует.

Таким образом, рассмотрев основные подходы к пониманию банковской деятельности, можно выделить следующие ее особенности:

- она осуществляется только специальными субъектами, такими как Центробанк и кредитные организации;
- осуществляется в рамках только банковской системы;
- как и всякая другая деятельность представляет собой цепочку последовательных действий, является своеобразным процессом, состоящим из взаимосвязанных стадий единого процесса;
- функционирует на основе правовых положений банковского законодательства и нормативных актов других отраслей права;

- в большей степени является предпринимательской деятельностью, однако может иметь и публично-правовой характер;
- ее следует рассматривать не только в узком смысле (разновидность предпринимательской деятельности по совершению банковских операций и сделок), но и в широком (с учетом вспомогательной деятельности – информатизация и цифровизация, система безопасности и др.).

С учетом вышесказанного нельзя не предположить не только необходимость дальнейшего доктринального осмысления данной дефиниции, но и не отметить назревшую необходимость нормативного закрепления дефиниции «банковская деятельность».

Источники и литература

1. Федеральный закон «О банках и банковской деятельности» от 02.12.1990 №395-1 (последняя редакция) // Ведомости СНД РСФСР и ВС РСФСР. 1990. № 27. Ст. 357.
2. Федеральный закон «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» от 10.07.2002 № 86-ФЗ (последняя редакция) // Российская газета. 13.07.2002. № 127.
3. Бадтиев А.Ф. Финансово-правовое регулирование банковской деятельности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. 24с.
4. Гейвандов Я.А. Правовые основы банковской деятельности // Банкротство кредитных организаций: Учебное пособие. М.: ИПК госслужбы, Институт экономики и антикризисного управления. Межрегиональная общественная организация антикризисных управляющих при банкротстве кредитных организаций. 2000.
5. Лаутс Е.Б. Обеспечение прав и интересов предпринимателей в современной экономике России // Предпринимательское право. №1. 2017. С.71-73.
6. Маркунцов С.А. О необходимости законодательного закрепления понятия «банковская деятельность» // Российская юстиция. 2006. №4. С.35-38.
7. Осипова М.А. О понятии банковской деятельности в Российской Федерации // Известия Иркутской государственной экономической академии. 2012. №2(82). С.161-167.
8. Ручкин Р.О. Правовое регулирование банковской деятельности в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016. 22 с.

9. Черникова Е.В. Публично-правовое регулирование банковской деятельности в Российской Федерации (финансово-правовые аспекты): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2009. 52 с.
10. Чирков А.В. Особенности правового регулирования микрофинансовой деятельности микрофинансовых организаций: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2017. 36 с.
11. Яковлев И.В. Правовой анализ понятия «банковская деятельность» // Сб.: Актуальные проблемы уголовного и уголовно-процессуального права: современное состояние и перспективы развития. М., 2016. С. 74-96.

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ КОМПЕТЕНЦИИ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЮРИСТА

Актуальность заключается в необходимости обоснования получения студентами знаний, умений и навыков педагогической деятельности в процессе получения юридического образования. Видится, что педагогические компетенции могут быть имплементированы в профессиональные умения и навыки, связанные с реализацией таких практик, как организация и осуществление правового просвещения и информирования граждан, организация воспитательного потенциала в системе гражданско-патриотического воспитания в профессиональной среде, реализации коммуникативных навыков в процессе специализированных практик, таких как поддержка обвинения в уголовном процессе, в том числе с участием присяжных, для работников прокуратуры.

***Ключевые слова:** педагогические компетенции, юридическое образование, правовое просвещение, гражданско-патриотическое воспитание.*

PEDAGOGICAL COMPETENCES IN THE ACTIVITIES OF A LAWYER

The relevance lies in the need to substantiate the acquisition of knowledge, skills and abilities of pedagogical activity by students in the process of obtaining a legal education. It appears that pedagogical competencies can be implemented in professional skills and abilities related to the implementation of such practices as the organization and implementation of legal education and information of citizens, the or-

**Казанцева Надежда Владимировна, доцент кафедры общегуманитарных и социально-экономических дисциплин иркутского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат педагогических наук, доцент (г. Иркутск, Россия).*

Kazantseva Nadezhda Vladimirovna, Associate Professor of the Department of General Humanities and Socio-Economic Disciplines of the Irkutsk Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor (Irkutsk, Russia).

ganization of educational potential in the system of civic-patriotic education in a professional environment, implementation of communication skills in the process of specialized practices, such as supporting the prosecution in criminal proceedings, including with the participation of a jury, for prosecutors.

Key words: *pedagogical competencies, legal education, legal enlightenment, civic-patriotic education.*

В настоящее время в юридическом образовании, в частности при подготовке прокурорских работников, пересмотрено место и роль педагогических компетенций как профессиональных компетенций будущего специалиста. В нашу задачу, как преподавателей, реализующих педагогическое направление, вошла необходимость осмысления и обоснования места, функций и вообще существования дисциплин педагогической направленности, а также необходимости получения студентами знаний, умений и навыков педагогической деятельности. В настоящее время в учебном плане специализированного на подготовке прокурорских работников образовательной организации реализуется такая дисциплина как «Педагогика в профессиональной деятельности» в виде факультатива. Дисциплинарные связи реализуются через такую дисциплину, как «Культура речи и ораторское мастерство прокурорского работника», где формируются коммуникативные компетенции.

В целом, ФГОС высшего образования – специалитет по специальности 40.05.04 Судебная и прокурорская деятельность – единственный из всех стандартов специалитета в рамках укрупненной группы специальностей 40.00.00 Юриспруденция, относящий к профессиональной деятельности в области образования и науки, то есть будущих учёных и педагогов. Необходимость формировать кадровый педагогический и научный потенциал – стратегическая задача, которую необходимо осуществлять в любой значимой для страны профессиональной сфере.

Исходя из содержания приказов Генерального прокурора Российской Федерации «О системе подготовки кадров, дополнительного профессионального образования работников органов и организаций прокуратуры Российской Федерации» [1], «Об организации в органах прокуратуры Российской Федерации работы по правовому просвещению и правовому информированию» [4], «Об

утверждении Концепции совершенствования системы государственно-патриотического воспитания в прокуратуре Российской Федерации» [2], будущие прокурорские работники должны быть профессионально подготовлены для осуществления таких видов деятельности, как организация и осуществление правового просвещения и информирования граждан, организация работы по гражданско-патриотическому воспитанию в профессиональной среде, проведение занятий, мастер-классов в рамках привлечения практических работников органов прокуратуры в учебный процесс студентов Университета прокуратуры Российской Федерации, реализации коммуникативных навыков в процессе специализированных практик, таких как поддержка обвинения в уголовном процессе, в том числе с участием присяжных. Для организации этой работы нужно развивать соответствующие умения и навыки.

Эти навыки в полной мере реализуются через компетенции, которые были установлены ФГОСом по специальности Судебная и прокурорская деятельность от 16 февраля 2017 года. В процессе реализации педагогических дисциплин предполагалось формирование способности преподавать юридические дисциплины на высоком теоретическом и методическом уровне в организациях, осуществляющих образовательную деятельность; способности управлять самостоятельной работой обучающихся; способности организовывать и проводить педагогические исследования; способности эффективно осуществлять правовое воспитание обучающихся. В целом компетенции можно свести к следующим способностям: способность к педагогическому воздействию, управлению группой и воспитательному воздействию.

В данных материалах хотелось отдельно сосредоточиться на коммуникативной компетенции, которая является механизмом реализации всех перечисленных способностей.

Подходов к коммуникации много и на данный момент нет общепризнанной классификации. Однако, в целом можно редуцировать этот процесс до трёх основных: семиотического, механистического и деятельностного. Семиотический подход представляет коммуникацию как явление, создающее знаки, где коммуникация является средством информации [5]. С позиции механистической концепции коммуникация является способом передачи информации. Деятельностный подход учитывает, в первую очередь,

роль человека как субъекта коммуникации и рассматривает коммуникацию как взаимодействие передающего и воспринимающего информацию. С точки зрения педагогического воздействия нас интересует коммуникация как деятельность. С этой позиции психолингвистический подход, а в отечественной психолингвистике это научное направление принято называть теорией речевой деятельности [3], является наиболее подходящим для осмысления функций и роли коммуникативных навыков для реализации профессиональных практик будущих прокурорских работников.

Так, теория речевой деятельности рассматривает речь как деятельность, направленную на достижение определённых целей: сначала необходимо завладеть вниманием адресата, затем его удержать и в, в конечном счёте, вовлечь в совместную деятельность. Всё это можно реализовать только в том случае, если тот, на кого направлено речевое воздействие, осознаёт, что действует в собственных интересах. Соответственно, такую задачу нужно ставить каждый раз, когда реализуется речевое воздействие.

Весь этот механизм речевого воздействия можно рассмотреть на примере организации правового просвещения граждан. Первое, что нужно сделать, согласно теории речевого воздействия, завладеть вниманием слушателя. В контексте правового просвещения возникает необходимость продемонстрировать, что совместная деятельность будет удовлетворять значимую потребность. Например, закон гарантирует безопасность и защиту граждан от произвола, от злоупотреблений, гарантирует порядок и спокойствие. Значимой потребностью в данном случае выступает базовая потребность в безопасности. Задача удержания внимания реализуется через демонстрацию того, каким образом необходимо удовлетворять данную потребность. В контексте правового просвещения представляется необходимым показать, что законы будут работать в том случае, если граждане будут их знать и соблюдать. Следующим шагом предлагаемой коммуникационной модели будет демонстрация ресурсов для организации совместной деятельности. В контексте сообщения нужно сформировать представление о том, что нужно сделать, чтобы знать законы, своевременно знакомиться с их изменениями. Нужно показать пути и ресурсы. Например, можно продемонстрировать существующие в интернет-пространстве информационные источники: телеграмм-каналы по

правовому просвещению, специальные вкладки на ведомственных сайтах, образовательных организаций, где в доступной форме излагаются актуальные изменения в законах и возможности граждан для реализации своих прав и обязанностей.

Источники и литература:

1. Об утверждении квалификационных требований к должностям прокурорских работников прокуратуры города, района, приравненной к ним прокуратуры : приказ Генпрокуратуры России от 31.03.2023 № 227. – Законность. – № 5. – 2023.
2. Об утверждении Концепции совершенствования системы государственно-патриотического воспитания в прокуратуре Российской Федерации : приказ Генпрокуратуры России от 14.09.2022 № 510. – Законность. № 11. 2022.
3. Основы теории речевой деятельности : монография / под. ред. А. А. Леонтьева. – Москва : Наука, 1974. – 368 с.
4. Об организации в органах прокуратуры Российской Федерации работы по правовому просвещению и правовому информированию : Приказ Генпрокуратуры России от 02.08.2018 N 471. – Законность. – № 9. – 2018.
5. Эко У. Отсутствующая структура: Введение в семиологию / пер. с итал. В. Г. Резник и А. Г. Погоняйло. – Санкт-Петербург : Симпозиум, 2006. – 544 с.

**САНКЦИИ ЗАПАДА. МЕХАНИЗМЫ РЕАЛИЗАЦИИ И
ПРАКТИКА ПРИМЕНЕНИЯ В ОТНОШЕНИИ
АФРИКАНСКИХ СТРАН И РОССИИ
(АКТУАЛЬНОСТЬ СРАВНИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА)**

В условиях санкционных ограничений и попыток международной изоляции Россия в последние годы стала сближаться с африканскими странами. У ряда государств Африки имеется уникальный опыт многолетнего противостояния санкциям, инициированным США, напрямую, либо на международных площадках (ООН прежде всего), либо через региональные объединения в Африке. Это еще одна из причин, способствующих сближению России и Черного континента. Опыт противостояния обеих сторон санкционному давлению со стороны стран Запада может привести также к созданию системы общих мер контрсанкционного противодействия.

Ключевые слова: санкции, контрсанкции, Россия, Черный континент.

**WESTERN SANCTIONS. IMPLEMENTATION MECHANISMS
AND PRACTICE OF APPLICATION IN RELATION TO AFRI-
CAN COUNTRIES AND RUSSIA
(RELEVANCE OF COMPARATIVE ANALYSIS)**

In the context of sanctions restrictions and attempts at international isolation, Russia has begun to draw closer to African countries in recent years. A number of African states have unique experience of many years of resisting sanctions initiated by the United States, either directly, or at international venues (primarily the UN), or through regional associations in Africa. This is another reason for the rapprochement between Russia and the Black Continent. The experience of both sides resisting sanctions pressure from Western countries can also lead to the creation of a system of common counter-sanction measures.

***Васильев Виктор Александрович**, африканист, внештатный журналист интернет-газеты «РИДУС».

Vasiliev Viktor Aleksandrovich, Researcher of Africa, freelance journalist of the Internet newspaper «RIDUS».

Keywords: *sanctions, counter-sanctions, Russia, Black Continent.*

Достаточно долго можно перечислять причины и предпосылки для сближения России и африканских стран. Тут, и отсутствие колониального прошлого у России, и позитивное советское наследие, и общий взгляд на многие глобальные процессы и изменения (особенно с ЮАР, основателем БРИКС). Особенно очевидной близость Черного континента и России стала после того, как антиколониальная риторика МИД РФ (с февраля 2022 г., и особенно после включения ДНР, ЛНР, Запорожской и Херсонской областей в сентябре 2022 г.) – стала основой внешнеполитического позиционирования страны. Далее, нельзя не отметить, саммит БРИКС в ЮАР (август 2023 г.), саммит «Россия-Африка» (июль 2023 г., – 45 делегаций, 17 лидеров), и пр. Значимой вехой в сближении двух сторон стала также африканская мирная инициатива по Украине. Июнь 2023 г., президент Сенегала Маки Салл и президент ЮАР Сирил Рамафоса возглавляют делегацию, в которую входят лидеры Замбии, Коморских островов и премьер-министр Египта, и посещают Киев, а затем Санкт-Петербург.

При этом, практически все забывают, что и у России и африканских стран, есть схожий опыт противостояния западным санкциям. С точки зрения длительности санкционного режима у отдельных государств Африки он очень продолжительный. И это еще одна из причин, которая сближает обе стороны и требует самостоятельного научного анализа. У этого опыта имеется также выход к практическому применению, – например, с возможностью на его основе реализации системы контрсанкционных мер, – связанных как с взаимодействием и согласованием общей позиции на уровне МИД и международных площадок, так и с реализации конкретных экономических многосторонних мер. Первым шагом, для подобной масштабной инициативы, могло бы стать изучение механизмов реализации и практик применения в отношении африканских стран западных санкций, а также их актуальное сравнение с российским опытом, тем более, что собственно изучение санкций как политического, правового и экономического явления в отечественной науке активно развивается [1, 2, 3 и др.].

Африка – в буквальном смысле кладовая коллективного Запада. Без доступа к африканским недрам, весь научно-технический прогресс западного мира лишается своей базы, и «в чистую» проигрывает китайским аналогам. И в этом смысле, позиция африканских стран, в основном отказавшихся идти в русле западной пропаганды – очень показательна. Военные перевороты под лозунгами «долой Францию!» могут в ближайшее время продолжиться.

26 африканских стран не поддержали резолюцию, призывающую прекратить применение российской силы в Украине. Эритрея проголосовала против резолюции и выразила явную поддержку Кремлю. 16 других африканских стран воздержались, а девять не приняли участия в голосовании. И это очень показательная история для США и их союзников, которые с 90-х годов продолжают активно практиковать санкции в отношении отдельных африканских государств.

Самое интересное, что Штаты именно против африканских стран с наиболее давних пор практикуют этот инструмент давления. Можно сказать, что Африка стала для США в определенном смысле полигоном, который позволил отточить Белому дому конкретные механизмы и практики применения, а также эффективность тех или иных санкций.

Механизм санкций. Мы не будем детально останавливаться на правовых основах введения санкций США. И также не будем отдельно выделять санкции, вводимые союзниками Вашингтона из числа «блока западных стран». Это является предметом для отдельного исследования. Рассмотрим лишь в общем виде механизм применения санкций, их виды, и практику использования против отдельных африканских государств.

Благодаря своим широким финансовым и экономическим возможностям Соединенные Штаты Америки наиболее активно применяют экономические санкции для защиты собственных интересов. Вопрос введения санкций в самих США регулируется рядом законов. Нормативно-правовые акты предоставляют президенту США возможность объявить чрезвычайное положение в качестве ответа на действия государства или негосударственного актора, которые могут представлять угрозу для интересов или безопасности США. В свою очередь, Конгресс США может вводить ограни-

чительные меры, или изменять уже действующие санкционные режимы.

Большинство действующих санкционных режимов США координируются Управлением по контролю за иностранными активами (Office of Foreign Assets Control, OFAC), подчиняющимся Министерству финансов США (US Treasury Department). В свою очередь, в регулировании режима санкций также участвуют Государственный департамент США (запрет на въезд на территорию США, вопрос о признании террористической деятельности), Министерство обороны, Министерство энергетики, Министерство юстиции, Министерство торговли и другие ведомства.

Среди основных возможных ограничений, которые вводятся Соединенными Штатами в рамках санкционных программ, выделяют: 1) Заморозка активов; 2) Запрет на въезд в США; 3) Ограничения экспорта определенных групп товаров (в том числе – высокотехнологичных и товаров двойного назначения); 4) Запрет на поставки вооружений и военной техники; 5) Ограничение доступа на финансовый рынок США; 6) Запрет для граждан США, а также компаний, зарегистрированных в США, и их филиалов вступать в определенные виды экономических отношений с объектами санкций (в случае физических и юридических лиц); 7) Ограничение предоставления помощи развитию и др.

Ответственность за нарушение санкций. В США существует хорошо разработанная система наказаний и штрафов за нарушение санкционных режимов. Управление по контролю за иностранными активами (OFAC) приводит соответствующее руководство. Суммы штрафов являются фиксированными и могут быть пересмотрены с поправкой на инфляцию.

В зависимости от сочетания данных параметров возможно назначение различных штрафных санкций за нарушение санкционного режима, которые могут подразумевать, в том числе уголовную ответственность, лишение свободы на долгий срок.

Итоговый размер штрафов может существенно превышать установленный в соответствующих регламентах и руководствах. Учитывая положение и роль США в мировой финансовой системе, а также параметры санкционных режимов, зачастую многие финансовые институты, в особенности банки, подвергаются гораздо более серьезным взысканиям. Наиболее наглядными примером

служит крупнейший французский банк – BNP Paribas, вынужденный заплатить 8,9 млрд долл. за нарушение режима санкций в отношении Кубы, Ирана и Судана; HSBC (штраф в размере 1,9 млрд долл. в 2012 г. за нарушение санкций в отношении Мьянмы, Кубы, Ирана, Судана и Ливии), Commerzbank AG (1,45 млрд долл. за нарушение санкций в отношении Ирана и Судана).

Санкции США против стран Африки. Рассмотрим историю применения США санкций в отношении стран Африки.

Судан. Отношения между США и Суданом стали напряженными после того, как США обвинили Судан в поддержке террористических организаций, включая палестинских и ливанских террористов. В 1993 году Судан был объявлен государством, спонсирующим терроризм. После этого США ввели против страны санкции в области торговли, финансового сектора, а также экономические санкции. Также санкции последовали в связи с поддержкой Суданом вторжения Ирака в Кувейт, участие в Панарабской исламской конференции, а также предоставление убежища международным террористам. Виды санкций: 1) Ограничения на торговлю; 2) Запрет на проведение сделок. Действие санкций: сняты в конце 2017 г.

Кот-д'Ивуар. В 2011 г. США ввели санкции против президента Кот-д'Ивуара Лорана Гбагбо, его супруги и сторонников, в связи с тем, что американские власти не устраивала отмена выборов в некоторых городах страны. В результате Гбагбо был выбран на второй срок. Традиционно был введен запрет на въезд в США, а активы и операции лиц, против которых были направлены санкции, заморозили. Виды санкций: 1) Замораживание имущественных активов лиц и организаций; 2) Запрет на въезд определенных лиц. Действие санкций: сняты в 2016 г.

Демократическая республика Конго. Санкции против Демократической Республики Конго были введены в 2006 г., а затем несколько раз продлевались. Спецпосланник ООН Марго Валлстром заявила в 2010 г., что правительственные войска Демократической Республики Конго, вероятно, виновны в изнасилованиях и убийствах. Как и в отношении других стран, был введен запрет на въезд в США, а активы и операции лиц, против которых были направлены санкции, заморозили. Виды санкций: 1) Заморажива-

ние имущественных активов лиц и организаций; 2) Запрет на въезд определенных лиц. Действие санкций: сняты в 2016 г.

Южный Судан. США ввели санкции против трех физических лиц и шести компаний за причастность к конфликту в Южном Судане в 2018 году.

Санкции введены против израильтянина Израиля Зива (Israel Ziv) и граждан Южного Судана Обака Уилльяма Олаво (Obac William Olawo) и Грегори Васили (Gregory Vasili). Последнего США считают причастным к действиям по подрыву мира, стабильности и безопасности в Южном Судане. Зив и Олаво попали под санкции за руководство зарегистрированными в Южном Судане и Израиле компаниями, которые также вовлечены в конфликт в Южном Судане. Виды санкций: 1) Замораживание имущественных активов лиц и организаций. Действие санкций: по настоящее время.

Зимбабве. Вашингтон ввел санкции против Зимбабве в 2003 году. Они затрагивают около 120 человек, включая самого Мугабе и членов его семьи, которым запрещен въезд в США; американским компаниям не позволяется вести дела с юридическими лицами, связанными с зимбабвийским руководством. Прошедшие в 2018 году выборы и смена руководства страны не стали основанием для снятия санкций. Виды санкций: 1) Замораживание имущественных активов лиц и организаций; 2) Ограничения на торговлю; 3) Запрет на проведение сделок; 4) Запрет на поставки оружия; 5) Запрет на оказание финансовой помощи, осуществление инвестиций. Действие санкций: по настоящее время.

ЦАР. Санкции против ЦАР были введены в 2014 году на основании угрозы для национальной безопасности из-за ситуации в этой стране. Вашингтон указывает, что в африканском государстве происходят межрелигиозные распри, массовые убийства, вербовка детей в вооруженные формирования, а это усугубляет обстановку в регионе и во всем мире. Виды санкций: 1) Замораживание имущественных активов лиц и организаций; 2) Запрет на поставки оружия. Действие санкций: по настоящее время.

Конечно же это далеко не полный перечень стран, который подвергались и подвергаются санкционному давлению со стороны США.

Санкции против «Альянса государств Сахеля». Цель санкций – изменение поведения той или иной страны. И данный показатель достаточно легко просчитать. На примере африканских стран, видно, что эффективность применения американских санкций достаточно высока.

На текущий момент имеется одно большое исключение. Речь идет об «Альянсе государств Сахеля» (АГС), – Мали, Буркина-Фасо, Нигер, где, начиная с 2021 года к власти пришли пророссийски настроенные военные. На примере АГС можно увидеть, не всегда санкции приводят к достижению желаемого эффекта, а иногда даже ведут к противоположным результатам, т.е. активизации нежелательных действий со стороны объекта санкций.

Мали, Буркина-Фасо, Нигер, и отчасти наряду с ними Гвинея Конакри стали объектами санкций в большей степени со стороны регионального объединения ЭКОВАС (Экономическое сообщество стран Западной Африки). Однако, ни у кого нет сомнений что за жесткими решениями ЭКОВАС стоят прежде всего интересы Вашингтона и/или Парижа.

Нигер в большей степени из всех стран пострадал от санкционного давления. Речь идет о тяжелых экономических и финансовых санкциях, введенных 30 июля 2023 года ЭКОВАС после свержения избранного президента Мохамеда Базума. Торговая блокада привела к росту цен на продукты питания и создала дефицит товаров первой необходимости, включая лекарства. Однако эффект получился обратным. Экс-президент Базум продолжает оставаться в заключении, а на помощь Нигеру пришли Мали и Буркина, также возглавляемые военными, пришедшими к власти в результате переворотов. Страны-соседи быстро продемонстрировали свою солидарность и открыли границу с Нигером. Далее они создали «Альянс государств Сахеля» (АГС), который позволяет обеспечивать взаимную помощь в случае посягательства на суверенитет и территориальную целостность, а также укрепляет экономические связи.

Чтобы заставить нигерских военных помимо угрозы скоординированного вооруженного вмешательства – были приостановлены коммерческие операции, прекращены финансовые потоки, закрыты сухопутные границы (за исключением тех, которые разделяются с Чадом и Алжиром, которые не входят в ЭКОВАС). Со-

трудничество в сфере безопасности также было прервано. Произошла также отмена авиасообщений. Ситуация в Нигере, с точки зрения санкционного давления, не имела аналогов в регионе. На текущий момент часть санкций уже сняты.

Можно сказать, что АГС выстоял в том числе благодаря военной и дипломатической поддержке со стороны России.

Источники и литература:

1. Кузьмин И.А. Возложение наказания как способ продвижения политических целей в международных отношениях (теоретическое исследование) / И.А. Кузьмин // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. – 2023. – №1. – С. 7-23.
2. Блинова Ю.В. О понятии и видах международных санкций / Ю.В. Блинова // Российско-азиатский правовой журнал. 2024. №1. 57-61.
3. Глебова А.Г. Эволюция международных санкций и их последствия для Российской Федерации в контексте международных экономических отношений / А.Г. Глебова, Г.И. Табачинский // Мировая экономика и мировые финансы. – 2025. – №1. – С. 31-39.

III. ПРОБЛЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГЛАЗАМИ МОЛОДЕЖИ

*Пельменев Василий Андреевич**

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ГОСУДАРСТВА: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

В статье раскрывается проблема происхождения государства. Автором обозначена проблема происхождения государства. Приведены классические и современные теории происхождения государства, подробно раскрыты три классические теории: теологическая, договорная и материалистическая. Автором также отмечены особенности современных теорий происхождения государства.

Ключевые слова: государство, теория происхождения государства, проблема происхождения государства, теологическая теория, договорная теория, материалистическая теория.

THE ORIGIN OF THE STATE: SETTING THE PROBLEM

The article reveals the problem of the origin of the state. The author identifies the problem of the origin of the state. Classical and modern theories of the origin of the state are presented, three classical

* Пельменев Василий Андреевич, студент 1 курса (специалитет) Иркутского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации (г. Иркутск, Россия).

Pelmenev Vasily Andreevich, 1st year student (specialty) Irkutsk Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation (Irkutsk, Russia).

Научный руководитель: Шабаетова Ольга Александровна, ведущий научный сотрудник кафедры теории и истории государства и права Иркутского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент (г. Иркутск, Россия).

Scientific supervisor: Shabaeva Olga Alexandrovna, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Leading Researcher, Department of Theory and History of the Irkutsk Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation.

theories are disclosed in detail: theological, contractual and materialistic. The author also notes the peculiarities of modern theories of the origin of the state.

Key words: *the state, the theory of the origin of the state, the problem of the origin of the state, theological theory, contractual theory, materialistic theory.*

Государство на сегодняшний день является основной формой жизнедеятельности людей. В современном обществе государство существует регулятором общественных отношений во имя достижения человеческого спокойствия и общественного порядка. Государство на сегодняшний день является основной формой жизнедеятельности людей. На данный момент в научной среде существует около 15 классических теорий происхождения государства [1][2]: теологическая (Фома Аквинский, Августин Блаженный); патриархальная (Платон, Аристотель), патримониальная (Карл - Людвиг Галлер); ирригационная, или гидравлическая (Карл Август Виттфогель); психологическая (Лев Петражицкий, Жан Тард); договорная, или естественно - правовая (Томас Гоббс, Джон Локк); инцестная, или половая (Клод Леви - Стросс); теория насилия (Карл Каутский, Евгений Дюринг); расовая (Жозеф де Гобино, Ганс Гюнтер); спортивная (Хосе Ортега - и - Гассет); органическая (Иоганн Блунчи, Рене Вормс); классовая (Карл Маркс, Фридрих Энгельс); диффузионная (Фриц Гребнер); волюнтаристская теория (Джон Мейтленд - Джонс); экономическая (Льюис Морган, Клод Анри).

Стоит остановиться на нескольких интересных классических теориях:

Теологическая. Основателем теологической теории можно считать средневекового философа и теолога Фому Аквинского (1225—1274). В своем трактате «О правлении государей» [3] он рассуждает о том, что поскольку «для человека естественно, что он живет в обществе многих», ему необходимо тем, чтобы человеческим обществом кто-то управлял. Лучшей формой правления Фома называет монархию, «ибо провинции или города-государства, которыми управляет не один, одолеваемы раздорами и пребывают в волнении, не зная мира, что, очевидно, нужно дополнить тем, что Господь, сетуя, говорил устами Пророка (Иеремия, XII, 10): «Мно-

жество пастухов испортили мой виноградник». И напротив, провинции и города - государства, которые управляются одним государем, наслаждаются миром, славятся справедливостью и радуются процветанию.» Монарх является наместником папы Римского, которому власть вручена от Апостола Петра и Иисуса Христа, и поэтому основная задача монарха – забота о благой жизни населения, чтобы она была достойна Царствия Небесного. Другой сторонник теологической теории, Иоанн Златоуст, также отмечал, что что существование властей – это дело Божьей премудрости и поэтому «должно возносить великую благодарность Богу за то, что есть цари, и за то, что есть судии».

Договорная (естественно-правовая) теория. Основными последователями договорной теории были Жан Жак Руссо, Томас Гоббс, Джон Локк, а также писатель Александр Николаевич Радищев. Рассмотрим эту теорию на основе труда Томаса Гоббса «Левиафан или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского»[4]. Гоббс утверждает, что все люди равны от природы, из-за равенства протекает взаимное недоверие, поскольку из - за равенства способностей «возникает равенство надежд на достижение целей. Вот почему, если два человека желают одной и той же вещи, которой, однако, они не могут обладать вдвоем, они становятся врагами». Недоверие ведёт к войне, а при отсутствии «гражданского состояния» случается война всех против всех. Желание закончить войну приводит к тому, что люди приходят к решению заключить договор об ограничении собственных естественных (природных) прав в пользу своего гаранта безопасности, коим и является государство.

Материалистическая, или классовая. Основателями материалистической теории можно назвать известных немецких экономистов - философов: Карла Маркса (1818—1883), Фридриха Энгельса (1820—1895), а также русского революционера Владимира Ильича Ленина (1870—1924). Основная мысль изложена в их трудах «Манифест коммунистической партии», «Происхождение семьи, частной собственности и государства» и «Государство и революция». Суть теории заключается в том, что на заре существования человечества появляется социальное деление на классы, происходящее по экономическому признаку, и государство есть ничто иное, как «государство есть продукт и проявление непримиримости

классовых противоречий». В государстве возникает институт публичной власти, который не совпадает непосредственно с населением. Власть принимает законы, которые охраняют весь государственный аппарат, а для недовольных используется аппарат государственного принуждения и тюрьмы. «С исчезновением классов исчезнет неизбежно государство. Общество, которое по-новому организует производство на основе свободной и равной ассоциации производителей, отправит всю государственную машину туда, где ей будет тогда настоящее место: в музей древностей, рядом с прялкой и с бронзовым топором» [5] — пишет Энгельс.

Основных современных теорий происхождения государства три: кризисная (А. Венгеров); дуалистическая (А. Я. Малыгин, В. С. Афанасьев) и теория специализации (Т. В. Кашанина) [2, С. 111—115].

Кризисная теория была предложена Венгеровым А. Б., который считает, что причиной появления государственности можно считать экологические катаклизмы, среди которых важную роль играет последний Ледниковый период, который привёл человечество к кризису и необходимости к дальнейшему выживанию. Неолитическая революция способствует переходу человечества от присваивающего типа хозяйствования к производящему. Развитие земледелия, скотоводства и ремёсел привело к созданию пищевых запасов, которые помогли бы пережить тяжёлые времена и наладить экономические отношения между племенами. Развитие экономических отношений приводит к появлению социального неравенства, классов, а затем и государства.

Другая современная теория, **дуалистическая**, принадлежит Малыгину А. Я. и Афанасьеву В. С. Согласно данной теории, происхождение государства шло двумя путями: восточным и западным.

Восточному пути характерно преобладание поливного земледелия, которое требует создание большого числа ирригационных сооружений, из-за чего возникает необходимость объединения общин под централизованным и единым управлением. Так появляется такая форма власти, как восточная деспотия. Она характеризуется неограниченной абсолютно ничем властью монарха, носящая также сакральный характер; в экономике преобладает государственная собственность на землю. Также основным признаком во-

сточных государств можно считать стагнационный характер, то есть страна практически не развивается в течение веков, меняются исключительно династии правителей. Примерами таких государств можно считать Древний Египет, Вавилонское царство, Империя Маурьев и др.

Западному пути, примером которых является Древняя Греция и Древний Рим, характерно разделение общества на классы по признаку частной собственности на землю и на средства производства. Богатая знать сначала занимает важные посты в общинах, а затем и в государстве. В отличие от восточной деспотии, власть в западных государствах не носит сакральный и безграничный характер. К примеру, власть консулов в Древнем Риме и стратегов в Афинах была выборной, затем в Римской империи император в своей власти по большей части опирался на легионы. Однако частная собственность способствовало как обогащению частных лиц, но также это шло к развитию товарно-денежных отношений и экономическому развитию.

Теория специализации происхождения государства была разработана Кашаниной Т. В. Согласно данной теории государство - это результат возникновения наряду со специализацией в производственной сфере и специализацией в сфере управления.

Изначально в обществе проходит специализация в экономической сфере: отделение скотоводства от земледелия, выделение ремесла и торговли. Это привело к росту интеллектуального багажа общества и накоплению избыточного продукта, при этом появляется потребность в труде управленческом. Это приводит к началу политической специализации, которая привела к появлению государства, представляет выполнение деятельности по управлению делами общества в обмен на иные социальные блага. Должностные лица, осуществляющие различные виды, начинают представлять собой обособленные социальные группы со своими интересами, которые нередко идут в противоречие с интересами остального населения.

Не смотря на множество теорий происхождения государства, ни одна из них не может претендовать на универсальность. В первую очередь это связано с тем, что путь становления государственности у каждого индивидуальный, следовательно, нельзя по-

добрать какую-либо теорию, которая бы всем государствам подходило одновременно.

Источники и литература:

1. Радько Т. Н. Теория государства и права : учебное пособие / Т.Н. Радько. – Москва : Проспект, 2020. С. 58—77.
2. Юрковский А.В. Теория государства и права : учебное пособие / А. В. Юрковский. – Иркутск : Иркутский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2011. – С. 101-115.
3. Рутенбург В.И. Политические структуры эпохи феодализма в Западной Европе VI - XVII вв. / В И. Рутенбург, И. П. Медведев. – Ленинград : Наука, 1990. – С. 236.
4. Гоббс Т. Левиафан или материя, форма и власть государства церковного и гражданского / Т. Гоббс. – Москва : государственное социально - экономическое издательство, 1936. – С. 144 –145.
5. Ленин В. И. Государство и революция / В.И. Ленин. – Москва : государственное издательство политической литературы, 1953. – С. 14.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПОНЯТИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО РЕЖИМА

Данное исследование направлено на углубление понимания политических процессов и механизмов власти, а также на выявление взаимосвязей между политическими режимами и социальным развитием. Актуальность данной темы состоит в том, что взаимодействие различных политических систем и режимов вызывает необходимость их анализа адаптации и взаимовлияния к новым условиям.

Ключевые слова: *политический режим, форма правления, политическая система, государственная власть, государственное управление.*

THEORETICAL ASPECTS OF THE CONCEPT OF A POLITICAL STATE REGIME

This study aims to deepen the understanding of political processes and mechanisms of power, as well as to identify the interrelationships between political regimes and social development. The relevance of this topic lies in the fact that the interaction of various political systems and regimes necessitates their analysis of adaptation and mutual influence to new conditions.

*Анастасия Максимовна Денисова, студент 1 курса (магистратура) Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского (г. Саратов, Россия).

Anastasiya Maksimovna Denisova, 1st year student (Master's degree) Saratov National Research State University named after N.G. Chernyshevsky (Saratov, Russia).

Научный руководитель: Кишоян Наира Алексеевна, кандидат юридических наук, доцент кафедры теории государства и права Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского (г. Саратов, Россия).

Scientific supervisor: Kishoyan Naira Alekseevna, Candidate of Law, Associate Professor, Department of Theory of State and Law, Saratov National Research State University named after N.G. Chernyshevsky (Saratov, Russia).

Key words: *political regime, form of government, political system, state power, public administration.*

Политический режим выступает в качестве саморегулирующей модели функционирования политической системы всего общества, построенной в соответствии с внешними и внутренними условиями существования конкретного государства и направленной на его функционирование, защиту и развитие.

Категория «политический режим» появилась в 1960-е гг. и в настоящий момент используется в трех значениях. Первое значение политического режима полностью отождествляется с формой государства и включает в себя форму правления и форму государственного устройства. Во втором значении политический режим рассматривается как явление, обуславливающее особенности функционирования политической системы общества в целом. В третьем значении политический режим используется для характеристики различных способов, приемов и методов осуществления государственной власти в обществе, которое выступает в качестве третьего элемента, характеризующего форму государства, наряду с формой правления и формой государственного устройства [1, с. 107].

По мнению К.А. Ефимова «политический режим определяется следующими признаками:

1. уровнем развития и интенсивностью общественно-политических процессов.
2. структурированностью правящей элиты.
3. состоянием отношений с чиновничьим аппаратом.
4. развитостью общественно-политических традиций, господствующими в обществе политическим сознанием и поведением.
5. доминирующим в обществе типом легитимности [2, с. 167].

Политический режим представляет собой комплексные политические, социальные и институциональные аспекты, которые характеризуют систему управления и распределение политической власти в государстве. Он отражает основные принципы, нормы и

институты, которые определяют организацию политической системы и взаимодействие между государственными институтами, политическими факторами и обществом в целом.

Другим важным аспектом политического режима являются государственные институты и их роль в политической системе. Включая законодательную, исполнительную и судебную власть, они определяют структуру государственного управления, систему сдержек и противовесов, а также механизмы участия граждан в принятии политических решений.

Политический режим также связан с политическими партиями и процессами, которые организуют политическую конкуренцию и представляют интересы различных социальных групп. Он определяет правила выборов, формирование политической элиты, процессы принятия решений и разрешение политических конфликтов.

Таким образом, в широком понятие «политический режим» включает тип системы правления, государственные институты и их роль, а также политические партии и процессы. Анализ этих аспектов позволяет понять особенности политической системы и ее влияние на общество и государственное управление.

Раймон Арон отмечал то, что «политический режим как важнейшая государствоведческая категория определяет степень политической свободы граждан, устанавливая систему прав, которыми они могут пользоваться при осуществлении своей свободы, рамки, в которых необходимо ее осуществлять, и степень ответственности государственной власти. Фактически это означает определение правового статуса личности в государстве, а также правового статуса органов государственной власти» [3, с. 55].

В узком смысле слова под политическим режимом иногда понимают государственный режим, представляющий собой совокупность приёмов и методов осуществления государственной власти. Также в литературе часто встречается и такая точка зрения, что понятие «политический режим» шире, чем «государственно-правовой режим», поскольку оно включает в себя не только методы государственной власти, но и методы, используемые другими эле-

ментами политической системы (партиями, общественными движениями и так далее). Политический режим, как правило, всегда является политико-правовым режимом, поэтому определение политического режима всегда связано с тем, в каких правовых или антиправовых формах он предстает перед исследователем [4, с. 3].

Содержательная характеристика политического режима включает следующие аспекты:

1) Система правления

Система правления в политическом режиме представляет собой совокупность институтов, норм и процедур, которые определяют, как осуществляется власть в государстве. Она включает в себя механизмы принятия решений, организацию власти, взаимодействие между различными ветвями власти, а также отношения между государством и обществом.

2) Государственные институты

Политический режим формирует структуру и функционирование государственных институтов, таких как законодательная, исполнительная и судебная власть. Он определяет систему сдержек и противовесов между этими институтами, а также способы выборов и формирования политической элиты.

3) Политические партии и процессы

В политическом режиме политические партии играют важную роль в организации политической конкуренции, представлении интересов различных социальных групп и мобилизации избирателей. Политические процессы, такие как выборы, формирование коалиций и разрешение политических конфликтов, также отражают характер политического режима.

4) Механизмы власти и контроля

Механизмы власти и контроля в политическом режиме включают в себя элементы вертикальной и горизонтальной централизации власти, механизмы репрессий и контроля над средствами массовой информации, а также процессы принятия решений и влияния на политическую арену.

Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что, политический режим представляет собой комплексный набор институ-

циональных, политических и социальных факторов, определяющих организацию и функционирование политической системы государства. Анализ содержательных характеристик политического режима позволяет понять его особенности, влияние на общество и возможные последствия для политической стабильности и развития.

Исходя из вышеизложенного, стоит сказать, что политический режим представляет собой совокупность правил, норм, институтов и процедур, которые определяют, каким образом принимаются и осуществляются политические решения в определенном государстве. Он включает в себя форму правления, систему государственного управления, процессы принятия решений и способы регулирования общественных отношений. Политический режим характеризуется установленным порядком распределения власти и определяет степень свободы, которой обладают граждане и политические институты в данном государстве.

Источники и литература:

1. Бабаев В.К. Теория государства и права: учебник для вузов / В. К. Бабаев // Юрайт. – 2024. – № 5. – 620 с.
2. Ефимова К.А. Политический режим и его характерные черты / К.А. Ефимова, К.Э. Бирюкова // Вестник науки и образования. – 2018. – №5(41). С. 118-199.
3. Арон Р. Демократия и тоталитаризм / Арон Р // Издательство «Текст». – 1993. – 303 с.
4. Корниенко Т. А. Политический режим как функциональный аспект политической системы / Т.А. Корниенко, Е.Н. Ярмонова // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2016. – № S5. – С.1-8.

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПА РАЗДЕЛЕНИЯ ВЛАСТЕЙ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

В статье рассматривается вопрос о реализации принципа разделения властей в современной Российской Федерации. Анализируется содержание системы сдержек и противовесов на примере взаимного влияния друг на друга органов законодательной, исполнительной и судебной власти. Автор приходит к выводу, что особенности реализации принципа разделения властей в государстве предопределяются формой правления в современной России, а именно распределением властных функций и полномочий между высшими органами государственной власти.

Ключевые слова: *теория разделения властей, система сдержек и противовесов, законодательная власть, исполнительная власть, судебная власть.*

IMPLEMENTATION OF THE PRINCIPLE OF SEPARATION OF POWERS IN MODERN RUSSIA

The article discusses the issue of implementing the principle of separation of powers in the modern Russian Federation. The content of the system of checks and balances is analyzed using the example of the mutual influence of the legislative, executive and judicial authorities on each other. The author comes to the conclusion that the features of the

* **Владислав Дмитриевич Калинкин**, студент 1 курса (специалитет) Кузбасского гуманитарно-педагогического института Кемеровского государственного университета (г. Новокузнецк, Россия).

Vladislav Dmitrievich Kalinkin, 1st year student (specialist) of the Kuzbass Humanitarian-Pedagogical Institute of Kemerovo State University (Novokuznetsk, Russia).

Научный руководитель: **Юлия Александровна Горбуль**, зав. кафедрой государственно-правовых и гражданско-правовых дисциплин Кузбасского гуманитарно-педагогического института Кемеровского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент (г. Новокузнецк, Россия).

Scientific supervisor: **Yulia Aleksandrovna Gorbul**, head. Department of State Legal and Civil Legal Disciplines of the Kuzbass Humanitarian-Pedagogical Institute of Kemerovo State University, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor (Novokuznetsk, Russia)

implementation of the principle of separation of powers in the state are predetermined by the form of government in modern Russia, namely the distribution of power functions and powers between the highest bodies of state power.

Key words: *theory of separation of powers, system of checks and balances, legislative branch, executive branch, judicial branch.*

Вопросам, связанным с реализацией принципа разделения властей в России, посвящено достаточно много исследовательских работ, однако в связи с тем, что государство российское все время изменяется и развивается, эта тематика не перестает быть актуальной.

Одним из создателей теории разделения властей в государстве является Шарль Луи де Монтескье. Следует отметить, что идеи, положенные в основу данной теории, развивали и многие другие авторы, например, английский философ-материалист Джон Локк. Однако Ш.Л. Монтескье вполне справедливо может быть отнесен к авторам этой концепции, поскольку в своей работе «О духе законов», появившийся в 1750 году, он сформулировал данный принцип и обосновал необходимость следовать ему, а также описал способ его реализации. С течением времени взгляды Ш.Л. Монтескье и Д. Локка, безусловно, по вполне объективным причинам несколько устарели, так как общество и государство претерпели существенные изменения, однако суть и основное содержание данной теории, а также ее важное политико-идеологическое значение, сохраняют свою актуальность и в настоящее время.

Принцип разделения власти — это политическая теория, согласно которой вся полнота государственной власти должна быть распределена между тремя независимыми друг от друга ветвями: законодательной, исполнительной и судебной. Реализуется данный принцип благодаря системе сдержек и противовесов, которая позволяет оказывать влияние одной ветви власти на другую, что служит своеобразным гарантом невозможности каждой из них злоупотреблять своими полномочиями.

Принцип разделения властей, благодаря своему закреплению в статьях 10,11 Конституции Российской Федерации, относится к одному из конституционных принципов организации и деятельности механизма государства современной России.

В Российской Федерации высшим органом законодательной власти является Федеральное Собрание Российской Федерации, которое, в свою очередь, подразделяется на две палаты - Совет Федерации и Государственную Думу. Данная ветвь власти наделена совокупностью законодательных полномочий, в том числе по разработке, внесению на рассмотрение, обсуждению и принятию законов Российской Федерации [1, с.47]. Помимо федерального парламента в каждом субъекте Российской Федерации функционирует свой региональный парламент. Например, в Кузбассе это Законодательное собрание Кемеровской области-Кузбасса.

Возглавляет систему органов исполнительной власти Правительство Российской Федерации. Несмотря на то, что Президент Российской Федерации является самостоятельной фигурой, формально не входящей ни в одну из ветвей власти, считается, что он, наряду с Правительством, олицетворяет исполнительную власть в Российской Федерации. Возможно это связано с тем, что в связи с особенностями формы правления в России, Президент Российской Федерации принимает активное участие не только в формировании Правительства Российской Федерации, но и имеет ряд важных полномочий по контролю за его деятельностью. Исполнительная власть наделена рядом разнообразных полномочий, таких как обеспечение законности, прав и свобод граждан, обороны страны, проведение финансовой, денежной политики и прочее.

Следует отметить, что система органов исполнительной власти имеет достаточно сложное строение в современной России. Помимо того, что выделяется региональный уровень этой ветви власти (правительства, министерства республик, краев, областей и пр.), практически все органы исполнительной власти федерального уровня (министерства, службы, надзоры и пр.) имеют свои территориальные подразделения во всех регионах, городах, районах и пр. [2, с.51].

К судебной власти относятся все суды Российской Федерации. Особое место в системе органов судебной власти занимают Конституционный Суд Российской Федерации, полномочия которого связаны с осуществлением конституционного контроля, толкованием Конституции Российской Федерации, решением споров по вопросам о компетенции между государственными органами, и Верховный Суд РФ, деятельность которого направлена на обеспе-

чение единообразного понимания и применения действующего законодательства в системе судов общей юрисдикции и осуществление надзорной функции. На уровне субъектов Российской Федерации действуют мировые суды.

Помимо названных трех ветвей власти в современной России можно выделить ряд органов и их систем, которые не могут быть отнесены к этим трем ветвям власти. Так, например, Центральная избирательная комиссия Российской Федерации, Счётная палата Российской Федерации, Прокуратура Российской Федерации, Уполномоченный по правам человека, Центральный Банк Российской Федерации и другие относятся к органам с особым статусом, не вписывающимся в классическую триаду властей.

Вся эта сложная система государственных органов в силу человеческой порочности при отсутствии соответствующих ограничений не будет нормально функционировать. Каждая ветвь власти будет пытаться доминировать над другими и завладеть всей полнотой государственной власти, что станет угрозой демократическому политическому режиму. Чтобы избежать подобного развития событий, Конституция Российской Федерации предусматривает сложную систему сдержек и противовесов, позволяющую обеспечить сбалансированное функционирование различных ветвей власти в государстве [3, с.19].

Так, в соответствии с Основным законом страны, законодательная власть в России имеет различные способы влияния на исполнительную, среди которых можно назвать следующие:

- Государственная Дума может заявить о недоверии Правительству Российской Федерации, итогом которого действия станут роспуск Государственной Думы или отставка Правительства Российской Федерации;

- Президент Российской Федерации назначает Председателя Правительства Российской Федерации только после утверждения Государственной Думой.

В свою очередь, исполнительная власть также имеет ряд правовых возможностей влияния на законодательную. Так, например:

- Президент Российской Федерации может наложить право вето на поступивший к нему на подписание закон, тем самым от-

правил его на повторное рассмотрение Федеральным Собранием [4, с.17];

- Президент Российской Федерации может распустить Государственную Думу, если она трижды отклонит предложенную кандидатуру Председателя Правительства Российской Федерации.

Среди примеров тех правовых ограничений, которые может использовать законодательная власть в отношении судебной, можно назвать:

- Законодательное регулирование судоустройства и судопроизводства;

- Назначение судей Советом Федерации (по представлению Президента Российской Федерации);

- Объявление амнистии Государственной Думой.

К способам влияния исполнительной власти на судебную можно отнести следующее:

- Правительство Российской Федерации разрабатывает проект федерального закона о федеральном бюджете, в том числе в части финансового обеспечения деятельности судов;

- Исполнительная власть обеспечивает порядок в судах, а также исполнение принятых судами решений с помощью Федеральной Службы Судебных Приставов;

- Президент Российской Федерации имеет право помилования.

В качестве примеров ограничения законодательной власти со стороны судебной можно назвать следующие:

- Судебная власть имеет право проверять любые издаваемые законы на их законность и соответствие Конституции Российской Федерации;

- Конституционный Суд РФ и Верховный Суд РФ наделены правом законодательной инициативы по вопросам своего ведения.

К способам влияния судебной власти на исполнительную можно отнести:

- Судебная власть имеет право на проверку законности и соответствию Конституции РФ подзаконных нормативных и правоприменительных актов исполнительной власти;

- Возможность привлечения к ответственности судом всех чиновников исполнительной власти.

Принцип разделения власти и система сдержек и противовесов имеют смысл только в демократическом правовом государстве. Тоталитарные и авторитарные государства могут закрепить этот принцип в правовых документах, но это будет иметь фиктивный характер, так как реализовать его можно только там, где на первом месте стоят права и свободы человека и гражданина.

Принцип разделения властей, кроме России, закрепляют в своих конституциях множество стран, например, Германия, Франция, Индия и другие. Если проанализировать различные модели реализации принципа разделения властей в современных государствах, то можно сделать вывод о том, его практическое воплощение напрямую зависит от той формы правления, которая существует в соответствующем государстве. Следовательно, и в современной Российской Федерации система сдержек противовесов производна от тех особенностей смешанной республики с преобладанием полномочий Президента в сфере исполнительной власти, которая закреплена действующей Конституцией Российской Федерации.

В завершение следует отметить, что грамотная реализация принципа разделения властей ведет к созданию государства, в котором содержательные установки этого принципа не только фиксируются в текстах законов, но и соблюдаются на практике, а также укореняются в общественном сознании, способствуя, в конечном итоге, более эффективной деятельности всего механизма государства.

Источники и литература:

1. Магомедов Ш.Б., Шабанов Х.М. К вопросу о месте и роли законодательной ветви власти в механизме разделения властей: конституционно-правовой анализ / Ш.Б. Магомедов, Х.М. Шабанов // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. - 2019. - № 2. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-meste-i-rol-i-zakonodatelnoy-vetvi-vlasti-v-mehanizme-razdeleniya-vlastey-konstitutsionno-pravovoy-analiz> (дата обращения: 15.12.2024).
2. Ширко Т.И. Концептуальные основания правового регулирования взаимодействия законодательной и исполнительной ветвей власти субъектов Российской Федерации в постсоветский период / Т.И. Ширко // Право и политика. - 2017. - № 10. - URL:

<https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptualnye-osnovaniya-pravovogo-regulirovaniya-vzaimodeystviya-zakonodatelnoy-i-ispolnitelnoy-vetvey-vlasti-subektov-rossiyskoy> (дата обращения: 15.12.2024).

3. Казакова Е.В. Парламентский контроль в системе разделения властей как необходимый элемент представительной демократии / Е.В. Казакова // Пробелы в российском законодательстве.- 2014. - № 6. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/parlamentskiy-kontrol-v-sisteme-razdeleniya-vlastey-kak-neobhodimyy-element-predstavitelnoy-demokratii> (дата обращения: 15.12.2024).

4. Чепурнова Н.М. Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации в системе разделения властей / Н.М. Чепурнова // Закон и право. - 2020. - №- 7. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovet-federatsii-federalnogo-sobraniya-rossiyskoy-federatsii-v-sisteme-razdeleniya-vlastey> (дата обращения: 15.12.2024).

ФОРМА ПРАВЛЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

В статье рассматривается вопрос о форме правления в современной Российской Федерации. Анализируются признаки, свидетельствующие о наличии элементов президентской и парламентской республики. Автор приходит к выводу, что особенности распределения властных полномочий между высшими органами государственной власти современной России позволяют отнести ее к президентской республике с отдельными характеристиками смешанной.

Ключевые слова: форма правления, республика, президентская республика, парламентская республика, смешанная республика.

FORM OF GOVERNMENT IN THE MODERN RUSSIA

The article examines the issue of the form of government in the modern Russian Federation. Signs indicating the presence of elements of a presidential and parliamentary republic are analyzed. The author comes to the conclusion that the peculiarities of the distribution of power between the highest bodies of state power in modern Russia allow us to classify it as a presidential republic with certain characteristics of a mixed.

Key words: form of government, republic, presidential republic, parliamentary republic, mixed republic.

Одним из важнейших факторов, определяющих функционирование любого государства, является форма правления. Она представляет собой определенную совокупность способов формирования и организа-

* **Ульяна Вячеславовна Меньщикова**, студентка 1 курса (бакалавриат) Кузбасского гуманитарно-педагогического института Кемеровского государственного университета (г. Новокузнецк, Россия).

Ulyana Vyacheslavovna Menshchikova, 1st year student (bachelor's degree) of the Kuzbass Humanitarian-Pedagogical Institute of Kemerovo State University (Novokuznetsk, Russia).

Научный руководитель: **Юлия Александровна Горбуль**, зав. кафедрой государственно-правовых и гражданско-правовых дисциплин Кузбасского гуманитарно-педагогического института Кемеровского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент (г. Новокузнецк, Россия).

Scientific supervisor: **Yulia Aleksandrovna Gorbul**, head. Department of State Legal and Civil Legal Disciplines of the Kuzbass Humanitarian-Pedagogical Institute of Kemerovo State University, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor (Novokuznetsk, Russia).

ции высших органов государственной власти, распределения между ними властных полномочий, а также взаимодействия их с населением. Эта категория показывает, как создаются высшие государственные органы, дает представление об их устройстве и структуре, а также о том, какие принципы лежат в основе взаимодействия между ними. Также этот элемент формы государства предопределяет, каким образом население принимает участие в деятельности высших органов государственной власти в стране.

Статья 1 Конституции Российской Федерации 1993 года характеризует Россию как демократическое федеративное правовое государство с республиканской формой правления. То есть в Основном законе напрямую закреплена республиканская форма правления в нашем государстве. Но четко не указывается, какая именно подразумевается форма республики.

В настоящее время в теории государства выделяют три вида такой формы правления, как республика: президентская, парламентская, смешанная. Выделим характерные черты каждой из них.

В президентской республике глава государства избирается без участия законодательной власти: либо избирательным коллективом (например, Коллегией выборщиков), либо напрямую гражданами. Президент выполняет функции и полномочия как главы государства, так и руководителя исполнительной власти. В такой республике законодательный орган не обладает полномочиями выражения недовольства действиями правительства, в то время как президент не имеет права распустить парламент. Тем не менее, парламент обладает механизмами влияния на деятельность президента и правительства через законодательную деятельность и контроль за бюджетом, а также может инициировать процедуру отстранения президента от должности в случае нарушения им Конституции или совершения преступления.

В парламентской республике законодательный орган не только формирует правительство, но и осуществляет над ним контроль. Парламент обладает полномочиями выражения поддержки или недоверия кабинету министров, его руководителю или отдельным министрам. Президент выступает в большей степени в качестве символа государственности, которого избирает парламент, либо он избирается коллегией выборщиков или напрямую населением, но под контролем законодательного органа (например, через процедуру утверждения избранной народом кандидатуры на заседании парламента). Тем не менее, его роль в системе власти невелика и чаще всего сводится к представительским обязанностям, которые не сильно отличаются от полномочий монарха в конституционных монархиях.

Также выделяется еще один вид республики, а именно смешанная, именуемая иногда полупрезидентской, полупарламентской или президентско-парламентской республикой. Такая форма правления объединяет черты президентской и парламентской республик. Правительственные структуры несут двойную ответственность: перед главой государства и перед законодательным органом. В такой республике избиратели выбирают и президента, и членов парламента. Президент, выступающий в роли верховного руководителя страны, имеет полномочия назначать премьер-министра и министров с учетом политического баланса в парламенте. Президент обычно председательствует на собраниях кабинета министров и подтверждает его решения. В свою очередь, парламент обладает полномочиями надзора за работой правительства через принятие государственного бюджета и возможность выразить ему недоверие через вотум [3, С.70].

В учебной научной литературе встречаются упоминания еще и о такой форме республики, как суперпрезидентская. Формально в стране провозглашается идея разделения властей, однако на практике этот принцип не всегда находит своего отражения. На деле большая часть полномочий принадлежит президенту и подчиненным ему напрямую государственным структурам.

Применительно к современной Российской Федерации форма правления зачастую определяется как смешанная президентско-парламентская модель [4, С.353; 5, С.35]. Такую точку зрения разделяет О.И. Зазнаев, который в качестве отличительного признака российской формы правления называет двойную ответственность правительства, и указывает на то, что благодаря этому нельзя считать Россию президентской республикой [2, С.102].

Кроме того, в качестве характеристик, позволяющих отнести по форме правления Российскую Федерацию к смешанной республике, можно отметить наличие должности премьер-министра, а также имеющаяся у парламента возможность выдвинуть вотум недоверия правительству.

В то же время после внесения поправок в Конституцию Российской Федерации в 2020 году объем президентских полномочий был достаточно расширен. Данное обстоятельство позволяет определить форму правления Российской Федерации как особую разновидность республики - президентско-парламентарную республику с доминирующим положением президента в системе высших органов государственной власти [1, С.31].

Основными критериями, позволяющими определить разновидность республиканской формы правления, являются способ формирования правительства и политическая ответственность правительства. Анализ

конституционных положений о формировании правительства и его политической ответственности в настоящее время в РФ, позволяет сделать вывод, что если правительство фактически формируется президентом и несет ответственность перед ним, то можно считать Российскую Федерацию президентской республикой. В то же время имеются отдельные характеристики смешанной республики, а именно наличие поста Председателя Правительства РФ и возможность Государственной Думы выразить вотум недоверия Правительству РФ.

Источники и литература:

1. Горбуль Ю.А. К вопросу о форме правления современной России в контексте конституционных поправок 2020 года / Ю.А. Горбуль // Государственная власть и местное самоуправление. - 2021. - № 2. - С.31-35.
2. Зазнаев О.И. Типология форм правления: работа над ошибками / О.И. Зазнаев // Полис. - 2006. - № 1. - С. 92—103.
3. Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права: учебник / Н.И. Матузов, А.В. Малько. — Москва: Издательский дом «Дело» РАН-ХиГС, 2022. — 528 с.
4. Степанян Д. А. Форма правления в современном российском государстве / Д.А. Степанян // Молодой ученый. - 2019. - № 25 (263). - С. 352-354. - URL: <https://moluch.ru/archive/263/61073/> (дата обращения: 18.12.2024).
5. Чиркин В. Е. Какая форма правления существует в современной России? / В.Е. Чиркин // Российский журнал правовых исследований. - 2014. - № 4 (1). - С. 32—40.

ИНФОРМАЦИОННАЯ УГРОЗА НАРОДНОМУ ЕДИНСТВУ

В статье рассматривается влияние информационных потоков на национальную безопасность государства. Автор характеризует внешние и внутренние информационные угрозы, направленные на формирование негативного отношения граждан к государству, разжиганию национальной розни, формированию социальной напряженности в государстве. Автор акцентирует внимание на характеристике использования фейковых новостей, представляя их как опасный инструмент воздействия на сознание граждан и стабильность государства.

Ключевые слова: информационные угрозы, народное единство, национальная безопасность, информационные безопасность, фейковые новости.

INFORMATION THREAT TO NATIONAL UNITY

The article examines the impact of information flows on the national security of the state. The author characterizes external and internal information threats aimed at forming a negative attitude of citizens towards the state, inciting national discord, and creating social tension in the state. The author focuses on the characterization of the use of fake news, presenting it as a dangerous tool for influencing the consciousness of citizens and the stability of the state.

* **Клецко Никита Евгеньевич**, студент 5 курса (специалитет) Иркутского национального исследовательского технического университета (г. Иркутск, Россия).

Kletsko Nikita Evgenievich, 5th year student (specialist) of the Irkutsk National Research Technical University (Irkutsk, Russia).

Научный руководитель: **Курышова Ирина Васильевна**, заведующий кафедрой теории права, конституционного и административного права Иркутского национального исследовательского технического университета (г. Иркутск, Россия), кандидат исторических наук, доцент.

Scientific supervisor: **Irina Vasilievna Kuryshova**, Head of the Department of Theory of Law, Constitutional and Administrative Law, Irkutsk National Research Technical University (Irkutsk, Russia), Candidate of Historical Sciences, Associate Professor.

Key words: information threats, national unity, national security, information security, fake news.

Общество ежедневно сталкивается со сбором, переработкой, хранением и передачей информации, что влияет на экономические, политические, социальные и культурные аспекты жизни. Однако информация может использоваться не только во благо, но и во вред, что создает угрозы для граждан и самого государства. В последние годы информационные технологии стремительно развиваются, что приводит к значительному усилению их влияния на различные аспекты жизни общества [1, с. 28]. В 2021 году в мире было более 10 миллиардов устройств, подключённых к интернету, а к 2030 году их число превысит 25,4 миллиарда. Сфера информационного пространства становится ареной противоборства между государствами. Особенно это можно наблюдать в сферах, непосредственно связанных с защитой жизненно важных интересов личности, общества и государства, обеспечением их безопасности и сохранением самостоятельности и идентичности российского общества и народа, российской нации.

Информационная безопасность является одной из составляющих национальной безопасности государства, что нашло отражение в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, принятой в 2021 г.

К информационным угрозам безопасности общества следует относить угрозы, распространяющиеся в информационно-культурной среде и направленные на изменение сознания и мировоззрения, духовных и ценностных ориентиров человека, его восприятия окружающей действительности; создание, тиражирование и распространение информации по формированию негативных образов государства или его истории, моделей деструктивного индивидуального и коллективного поведения [2, с.70]. Главный объект информационной угрозы –граждане, в большой мере, молодежь, на которых оказывается воздействие, направленное на превращение личности в послушный инструмент, действующий навязанным установкам, ненавидящим свою нацию, приносящим ущерб государству.

Цели распространения деструктивной информации условно можно разделить на три группы:

- Создание «пораженческого» настроения в государстве путём влияния на психологическую составляющую граждан этого государства, при этом вызываются стресс, негативные эмоции, угнетённое настроение. Это делается для того, чтобы лишить людей логически мыслить, выбить из их привычной колеи и добиться их разобщённости, поскольку каждый будет погружён в свои проблемы.

- Публикация сомнительной информации в средствах массовой информации под видом умной и образовательной (иногда с «эмоциональными нотами») для того, чтобы вызвать у людей сомнения в их изначальном рациональном мышлении и впоследствии заменить его на «желаемое» (примитивное).

- Стирание творческой составляющей гражданина, который душой един со своим народом. Для достижения этого, происходит уничтожение моральных ценностей нации, их принижение или даже осуждение.

Все перечисленные выше цели оказывают негативное влияние и направлены на разрушение народного единства. Народное единство – это состояние общества внутри государства, при котором различные социальные, этнические, религиозные и иные группы граждан ощущают свою принадлежность к единому целому, разделяют общие интересы и ценности, они готовы взаимодействовать и сотрудничать для достижения каких-либо общих целей. Народное единство выступает гарантом стабильности и процветания страны, способствует развитию гражданского общества и государственности.

Информационные угрозы можно разделить на внутренние (то есть угроза народному единству исходит изнутри государства) и внешние (угроза исходит от других государств).

Внутренние: распространение недостоверных или намеренно искажённых сведений, которые могут нанести ущерб национальным интересам России; посредственное качество информации, предназначенной для масс, в сравнении с идеями других стран; превращение противоправных идей в жизнь, путём использования различных инструментов информационного или коммуникационного характера; угроза кражи, распространения или использования в своих целях персональных данных людей; слабое развитие пра-

новой культуры граждан, а так же их безопасного пользования современными информационными технологиями.

Внешние: доминирование и захват мирового информационного пространства ведущими зарубежными странами; попадание рынков с разной информацией (в т.ч. и значимой) к одному «игроку»; действия недружественных стран (а так же организаций или лиц), направленные на искоренение информационных национальных интересов России в целях формирования вокруг неё отрицательного внешнего облика; конфронтация между различными интересами на информационном поле; организация и ведение «войн» («кибервойн») в пространстве информационных технологий.

Одной из самых распространённых информационных угроз являются фейки, природа которых довольно проста. Под фейковой новостью понимается «информационный вброс специально подготовленной информации заведомо провокационной и резонансного характера», с целью создание вокруг ажиотажа, обсуждения многого информационного повода [3, с. 40]. Фейковые новости распространяются благодаря эффекту эмоционального заражения, при котором у человека, получившего информацию возникает потребность поделится с кем-нибудь этой информацией, используя социальные сети или личные каналы общения.

В условиях, когда информация доступна в огромном разнообразии и количестве, легко встретиться с недостоверными данными, которые могут быть использованы для манипуляции общественным мнением в целях своей выгоды. Если еще несколько лет назад, проблема фейковых новостей понималась как нечто абстрактное, то сегодня всему мировому сообществу стало очевидно – это одна из ключевых проблем современности. Ложная информация проникает во все сферы общественной жизни, в результате чего искажаются исторические факты, уничтожается человеческое наследие, атакуются традиционные духовно-нравственные ценности, стираются семейные ценности, нарушается межкультурное взаимодействие.

Средства массовой коммуникации стали носить электронный характер, из-за чего происходит глубокое влияние на экономические, социальные, общественные и политические процессы. Количество недостоверной информации в интернет-пространстве растет в геометрической прогрессии, а существующие методы ве-

рификации просто не успевают за этим потоком. Дезинформация может быть использована для разжигания межнациональных конфликтов, проявления недоверия к власти или другим социальным группам, а также для формирования негативных стереотипов и предрассудков. В отдельных случаях фейки используются для провоцирования паники, пропаганды идей экстремистской и террористической направленности, фашисткой идеологии, что непосредственно направлено на разрушение государств изнутри и подрыв народного единства

Всё существование человечества различные государства боролись друг с другом для достижения мирового превосходства, и наше время – не исключение. В таких реалиях СМИ и коммуникационные инструменты используются для того, чтобы индивидуально или массово влиять на мировоззрение людей. А это не могло не наложить негативный отпечаток на международные отношения между странами. Поэтому в практике и возникли такие понятия, как «информационная война», «информационная угроза» и др. В свою очередь, реализация этих понятий во всей их «красе» зачастую приводит к тому, что в государстве начинаются волнения граждан, резонанс в обществе, создаётся образ расхождения реальности с действительностью. Это зачастую спланировано, чтобы повлиять на безопасность государства и уничтожить его изнутри. Примером может быть трагическая ситуация в «Крокус-сити холле», а точнее, люди, которые в социальных сетях в комментариях под записями об этом теракте стали писать, что, якобы, власти на самом деле не поймали террористов, а вместо них гражданам выдали специально подобранных граждан Таджикистана. Одни люди вкинули эту «утку», другие приняли её на веру и понесли в массы. Это всё было спланировано затем, чтобы повлиять на общество, вызвать у него гнев и недовольство работой властей, а потому, возможно, и беспорядки, восстания, свержение действующей власти.

Соединённые Штаты Америки в конце XX в. оказывали своё мощное влияние на Европу, вследствие чего народное единство Российской Федерации стало одной из целей их информационной атаки. Но нельзя допустить того, чтобы народное единство пало под их натиском, поскольку оно выступает в качестве внутренних оснований национальной безопасности России. Кроме Рос-

сийской Федерации объектом атаки стала Республика Беларусь, которая является стратегическим союзником России [4, с. 244].

Получение и распространение фейковой информации чаще всего сопровождается различными видами атак, взломов, утечек данных, фишинговых атак, распространением вредоносного программного обеспечения и других действий, направленных на не-санкционированный доступ к государственной важной информации или её искажение. Ситуацию усугубляет активное развитие искусственного интеллекта, способного штамповать фейковые тексты, изображения и видео. По мнению аналитиков «к 2030 г. до 90% всего онлайн-контента будет создавать искусственный интеллект» [5].

Фейковая информация может распространяться различными способами, в том числе с помощью интернет-троллинга, кибербуллинга, ботов, киборгов, гибридных аккаунтов, дипфейков. В качестве примера интернет-троллинга можно рассмотреть германское интернет-сообщество *Reconquista Germanica*, насчитывающее около 10 тыс. человек [6, с.163]. Оно организовано в соответствии со строгой военной иерархией, что нашло отражение в языке троллей, где наблюдается смешение военных терминов с лексикой компьютерных игр. Данное сообщество, вдохновленное националистическими идеями, занимается запугиванием и распространением ложной информации в Facebook и Twitter. С целью разобщить людей на своих и чужих они должны перехватить хэштег в Twitter у левых сил, для чего была выработан алгоритм действий. Договорившись на определенное время, участники сообщества публикуют твиты с одним и тем же хэштегом, что позволяет добиться преимущества. Продвинутые тролли (несколько человек) создают фейковые аккаунты, аккаунты с другим содержанием, в нужное время вбрасывая в интернет-пространство нужный хэштег.

В таких условиях ни одно государство не может обойтись без комплексной системы защиты своей информационной безопасности. В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации определены задачи для обеспечения информационной безопасности: формирование безопасной среды оборота достоверной информации, повышение защищенности информационной инфраструктуры Российской Федерации и устойчивости ее функционирования; развитие сил и средств информационного противобор-

ства; противодействие использованию информационной инфраструктуры Российской Федерации экстремистскими и террористическими организациями, специальными службами и пропагандистскими структурами иностранных государств для осуществления деструктивного информационного воздействия на граждан и общество; развитие взаимодействия органов публичной власти, институтов гражданского общества и организаций при осуществлении деятельности в области обеспечения информационной безопасности Российской Федерации [7].

Возрастающая значимость информационных технологий требует перевода мер по пресечению осуществления информационных угроз национальной безопасности в число одного из приоритетных направлений современной политики национальной безопасности. Это включает разработку и внедрение эффективных стратегий и механизмов защиты информации, укрепление информационной безопасности, а также повышение уровня осведомленности и подготовки граждан в области информационной безопасности.

В целях обеспечения информационной безопасности необходимо повышать медиаграмотность населения, развивать критическое мышление граждан, учить их анализировать и «фильтровать» информацию, разбираться в том, что истина, а что дезинформация. Кроме того, значимо обеспечивать открытый доступ к достоверной информации и создавать условия для свободного взаимодействия между различными социальными группами.

Так же, необходимо разработать меры ответственности для граждан, которые создают государству информационные угрозы. Важно отграничивать умысел от неосторожности, потому что введение драконовских мер за то, что человек «по глупости» рассказал информацию, носящую неправдивый характер, тоже не есть хорошо. К примеру, за умышленное распространение недостоверной информации о событиях и фактах, имеющих значение для безопасности государства, следует ввести уголовную ответственность, а за «неосторожность» административную.

Таким образом, информационная угроза народному единству России является актуальной и важной проблемой, требующей внимания и действий со стороны государства, общества и каждого отдельного гражданина.

Источники и литература:

1. Егоров, С.В. Роль идеологии в построении эффективной системы обеспечения информационной безопасности государства в современных условиях / С.В. Егоров, М.А. Жданов, А.В. Лукашин // Военная мысль. – 2023. – № 9. – С. 21-29.
2. Есаулов, В.Т. Противодействие Информационным угрозам как важное направление политики национальной безопасности Российской Федерации / В.Т. Есаулов // Власть. – 2009. – № 12. – С. 69-72.
3. Манойло, А.В. «Фейковые новости» как угроза национальной безопасности и инструмент информационного управления / А.В. Манойло // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. – 2019. – № 2. – С. 37-44.
4. Лойко, Л.Е. Национальная безопасность и народное единство / Л.Е. Лойко // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. – 2023. – С. 244-245.
5. Синтетическая реальность: почему фейки стали угрозой, которую нельзя игнорировать Режим доступа: <https://www.forbes.ru/mneniya/516604-sinteticeskaa-real-nost-pocemu-fejki-stali-ugrozoi-kotoruu-nel-za-ignorirovat> (дата обращения 6.11.2024)
6. Онуфриенко, А.А. Методики борьбы с фейк-ньюс. Опыт Запада / А.А. Онуфриенко // Свободная мысль – 2023. – №2 (1698). – С. 159-172.
7. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 // Собрание законодательства РФ. – № 27 (часть II). – ст. 5351.

СПРАВЕДЛИВОСТЬ КАК РУКОВОДЯЩИЙ ПРИНЦИП ПРАВА

В статье поднимается проблема определения содержания понятия справедливость в праве. Анализируется содержание, критерии и сущность справедливости. Определяются основные формы взаимодействия и проникновения справедливости в право. Приведены примеры нормы законодательства Российской Федерации взаимодействующие с понятием справедливости.

Ключевые слова: Справедливость, критерии, право, закон, норма, судебное усмотрение.

JUSTICE AS A GUIDING PRINCIPLE OF LAW

The article raises the problem of defining the content of the concept of justice in law. The content, criteria and essence of justice are analyzed. The main forms of interaction and penetration of justice into law are determined. Examples of the norms of the legislation of the Russian Federation interacting with the concept of justice are given.

Key words: Justice, criteria, law, law, norm, judicial discretion.

В рамках существующего научного консенсуса право воспринимается как функциональный инструмент регулирования общественных отношений, некоторый формализованный свод правил. Но при этом, право не исчерпывается сугубо формальными нормами, имеющими материальное закрепление. Под понятие права попадают некоторые исторически сложившиеся в каждой отдельной отрасли обычаи разрешения юридически значимых вопросов, а в области применения права конкретное истолкование права судьей или применение такого инструмента как судебское усмот-

* **Кузлев Кирилл Иванович**, аспирант кафедры конституционного права и теории права Юридического института Иркутского государственного университета (г. Иркутск, Россия). **Kuzhlev Kirill Ivanovich** graduate student of the Department of Constitutional Law and Legal Theory of the Law Institute of Irkutsk State University, (Irkutsk, Russia).

рение – уникального правового инструмента. И существование под одним обобщающим названием «права», большого перечня различных по своему содержанию юридических феноменов может порождать неопределенность, разночтения и ошибки в применении правовых норм. Потому существует широкий по охвату задач и вопросов институт принципов права, которые создают единый вектор правоприменения. Принципы права, как известно, это некоторые руководящие начала, используемые в стадиях и создания правовых норм и их применения. Принципы права, позволяют выразить или дать некоторое указание, направление для поиска решения юридически значимого вопроса сообразно духу закона, паровой доктрине, правовому фокусу.

Ганс Кельзен, крупнейший юрист 20 века, в рамках созданной им школы нормативизма говорил о существовании не выраженной и не формализованной, универсальной «основной нормы». Если представлять себе структуру правовой системы как пирамиду, то основная норма, будет некой вершиной, супер-принципом, по отношению к которой, все прочие принципы права будут занимать нисходящее положение, за ними будут идти нормы права и прочие элементы [4].

Предметом исследования данной статьи является определенный принцип права – это принцип справедливости. Следует понимать, что справедливость в праве имеет большую вариативность применения. Справедливость находит свое применение в различных отраслях права как свойство правовых норм, как оценка результатов применения права, иногда как критерий права. В данном случае справедливость – понимается как качество права, отражающее соответствие нормы права, представлениям общества о содержании справедливости. В данном случае не будет предоставляться исчерпывающего содержания качеств и свойств справедливости. Это необходимо для того чтобы избежать конкретного аксиологического, т.е. ценностного наполнения справедливости, так как справедливость, с точки зрения реалистического подхода, не имеет строгого фиксированного содержания, а контекстуальна в своем отношении к общественному консенсусу. Поэтому, для определения справедливости с позиции непредвзятости, следует говорить о принятом фактически, сообразном контексту применения права, а не должном восприятии справедливости. Задача действительно ка-

чественного, с научной точки зрения, исследования состоит в выработке универсальных принципов, подобных логическим законам. Также необходимо разделять исследования правовой системы на взаимосвязь со справедливостью с структурной и с содержательной точки зрения. Разделяя случаи, в которых мы говорим о справедливости определенной нормы в контексте определенной парадигмы справедливости, или мы говорим о структурном отношении справедливости как принципа, условия или качества права и любой нормы. Прибегая к любому исследованию и попыткам оценить степень справедливости системы необходимо говорить о том, какие утверждения о моральном факте мы признаем предварительно истинными, то есть говорить о нравственных аксиомах из которых исходит ученый, если ставим цель исследования справедливости конкретной нормы. В данной работе, конкретно-содержательное наполнение норм справедливости, воспринимается как нечто неустановленное и сами те нравственные аксиомы, которыми мы руководствуемся при определении справедливости юридически значимого действия будут предметом установления. Исходя из того какое место занимает справедливость в различных отраслях права и какие формулировки используются, некоторые нравственные аксиомы законодателя будут реконструированы.

Все принципы права разделяются по сфере охватываемых отраслей и институтов на три основных типа: общеправовые принципы, межотраслевые и отраслевые принципы. Не существует единой позиции понимания принципа справедливости и её места в этой типологии. Справедливость понимают как общеправовой принцип (О.И. Цыбулевская); как специально юридический принцип (М.Н. Марченко); как отдельное свойство права (Л.А. Морозова); как и принцип и свойство права (А.И. Экимов). Каждый из указанных аспектов справедливости имеет право на существование, и между ними нет явных противоречий. Все вместе они свидетельствуют о сложности и многоплановости понятия справедливости в сфере права [12, с.55].

Наиболее очевидной отраслью, демонстрирующей тесную связь справедливости и юридической практики, является отрасль уголовного права. Принцип справедливости в уголовном законодательстве закрепляется непосредственно. Статья Уголовного Кодекса Российской Федерации именуемая «Принцип справедливости» и

закрепляет, что в рамках уголовного процесса к требованиям справедливости относятся соответствие наказания степени общественной опасности, обстоятельствам деяния и личности виновного. Помимо этого никто не может нести одно и то же наказание дважды [6, ст.6]. Данная норма, совместно с разъяснением Верховного суда очерчивает границы в рамках, которых необходимо применять принцип справедливости. Вместе с тем, существование такой нормы позволяет делать некоторые выводы о содержании и понимании морального окраса справедливости правоприменителем и законодателем. В Постановлении №58 четко говорится: «справедливость наказания заключается в его соответствии характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного» [9]. Исходя из этого, можно говорить, что справедливость, во-первых заключается в некоторой соразмерности и пропорциональности деяния и наказания; во-вторых учитывает особенности каждого человека и его личности; в-третьих, справедливость восстанавливается после ранее вынесенного и применённого наказания, исключая повторное наказание виновного. При этом не даётся исчерпывающего определения и веса каждому обстоятельству, которое надлежит учесть при постановлении приговора. Это оставляет определенную свободу для вынесения судьёй решения, а значит свободу для его личной интерпретации пропорциональности и соразмерности, а так же остальных черт справедливости. В то же время это устраняет широту действий для предотвращения произвола судебной власти. Даваемая судьёй оценка соразмерности, в выносимом судебном решении, ограничена пределами закона. Складывающуюся ситуацию можно сравнить с теорией минимума нравственного содержания права В.С. Соловьева, но обращенной в другую сторону [11, с.33]. В отличие от представления Вл. С. Соловьева, минимум нравственности разворачивается не в сторону потенциальных нарушителей минимальных моральных требований общества, а в сторону применителя права, в сторону судьи, где его решение ограничено формально закрепленным набором вариантов решений по делу, чтобы избежать произвола.

Уголовным кодексом закрепляется цель «восстановления социальной справедливости» при применении наказания [6, ст.43]. Данная норма закрепляет справедливость, а точнее такой её подвид

как социальная справедливость отраслевым принципом применения наказания. Однозначно можно говорить, что закон признаёт существование такого общественного блага как «социальная справедливость», но развернутого определения не даёт. Руководствуясь имеющимися положениями можно заключать о том, что социальная справедливость обладает теми же свойствами что и понятие справедливости, используемое в статье 6, Уголовного Кодекса социальная справедливость существует, её можно нарушить и можно восстановить. Учитывая, что законодатель обособливается исправление осужденного и предупреждение новых преступлений, можно утверждать, что социальная справедливость не сводится к этим двум целям. Из этого можно сделать вывод, что социальная справедливость имеется ввиду как некоторое качество, присущее правовым и законным общественным отношениям. Данное качество или даже состояние общества, является пластичным, так как допускает возможность восстановления справедливости, при отсутствии полной идентичности ситуации до и после нарушения изначального социально справедливого состояния. Из того какие виды наказания могут быть предусмотрены можно понять что восстановление не сводится и к простой материальной компенсации. Это же не значит, что справедливость не использует или исключает её. В конечном счете, восстановление социальной справедливости и отсутствие четких критериев определяющих её создает существенный пробел в возможности достижения её и соответственно установления качества эффективности наказания.

В то же время существуют требования, предъявляемые к судебному приговору Уголовно-процессуальным Кодексом Российской Федерации, которые так же включают требования справедливости к выносимому решению. «Приговор признается законным, обоснованным и справедливым, если он постановлен в соответствии с требованиями настоящего Кодекса и основан на правильном применении уголовного закона» [7, ст. 297]. Кажется, что значение всех трех характеристик приговора – обоснованность, законность и справедливость сводятся к простому постановлению в соответствии с Кодексом, т.е. законом. Но, из существующего Постановления № 55 можно понять, что это не исчерпывающее условие, а одно из необходимых условий: «... приговор может быть признан законным только в том случае, если он постановлен по результатам

справедливого судебного разбирательства» [10, п.1]. Это не даёт ответа о том, какое же конечное решение будет считаться справедливым, обоснованным и законным. Данная статья скорее является законодательным инкорпорированием справедливости, способом придать этому принципу силы сделав его основанием признания несправедливого решения противозаконным.

Ошибкой будет считать ограниченность принципа справедливости областью публичного права. «Справедливость, будучи общеправовым принципом, одновременно является и принципом частного права, который находит отражение в частноправовых нормах через другие принципы и положения законодательства» – отмечают Гонгало Б.М. и Новикова Н.А. [3, 82 с.]. Подобное предвзятое отношение возникает по причине кажущегося преимущественного положения вопросов справедливости при отправлении правосудия в публичных отраслях права. При этом возможность конкретно моральной оценки справедливости распространяется на значительную часть возникающих в обществе отношений. И отношения по поводу изменения прав и обязанностей, составляющие предмет гражданского права, являются значительной их частью. Принцип справедливости находит своё выражение в гражданском праве через такой правовой институт как судебское усмотрение. Гражданский Кодекс Российской Федерации (далее Гражданский Кодекс) устанавливает, что отношения, попадающие под регулирование Гражданского Кодекса не урегулированные законодательством и соглашением сторон, при отсутствии применимого к ним обычая или аналогии закона, или аналогия права, разрешается исходя из общих начал гражданского законодательства, на основании требований добросовестности, разумности и справедливости. [2, ст.6 п.2]. Несмотря на то, что справедливости напрямую уделяется далеко не первостепенное значение, как источнику права, это не означает общее пренебрежение ей. Подобное упоминание справедливости свидетельствует о её факультативной роли, как источника регуляции правовых пробелов. В прочих отношениях, принцип справедливости фигурирует в значении весьма близком к своему уголовно-правовому аналогу. В ряде статей справедливость упоминается в связке «исходя из принципов справедливости и соразмерности...», что ещё раз подчеркивает важный элемент справед-

ливости с точки зрения законодателя – принцип соразмерности [2, ст.308.3, ст. 65.2, ст.393].

Кроме этого принцип справедливости в имплицитной форме является элементом содержания правовых норм. Некоторые статьи касаются справедливости, не касаясь её на прямую. Так норма Гражданского Кодекса Российской Федерации, о кабальных сделках выраженная в статье 179 имеет явное морально-этическое наполнение, воспринимающее аморальные по своей природе сделки как противоправные [2, ст.179]. В рамках самой статьи, не содержится обоснования и причины признания кабальных сделок недействительными, поэтому несправедливость таких сделок – одно из обоснований. В то же время статья об изменении и расторжении договора в связи с существенным изменением обстоятельств, напрямую указывает принцип справедливости. Принцип справедливости вновь упоминает справедливое распределение между сторонами расходов, понесенных в связи с исполнением такого договора. Данное применение справедливости вновь устанавливает определенную широту для решения судьи по делу, полагаясь на его морально-правовую интуицию ограниченную пределами закона.

Из-за неопределенности содержания принципа справедливости, возникают неоднозначности его толкования и применения. Как в своей книге «Основные проблемы гражданского права» указывает И.А. Покровский принцип справедливости, зачастую становится способом, благодаря которому под видом объективной справедливости в правовые решения проникает субъективный элемент, выраженный собственным моральным и политическими убеждениями [8, IV гл.]. Отмечая подобное, Покровский исходит из презумпции факта необъективности и различия моральных убеждений субъектов права, законодателя и правоприменителя. Из возникающей проблемы нет однозначного и беспроеигрышного выхода. В случае разрешения конкуренции ценностей справедливости и объективности, идеальное решение в полной мере правовое решение неизбежно включает в себя оба этих принципа, а также все остальные, такие как демократичность, доступность, гуманность и прочее. Возвращаясь к релятивности понимания справедливости, гипотетический дисбаланс между этими принципами может стать причиной куда более существенных нарушений человеческих прав. Потому

сохранение баланса между справедливостью и объективностью необходимо.

Исходя из вышесказанного, мы можем определить два важных способа употребления понятия справедливость в Российском законодательстве: Как критерий соразмерности и как направляющее указание на свободу в решении дела сообразно внутреннему убеждению судьи и в пределах закона. Поэтому мы можем говорить, что существующая проблема «окна субъективности», при которой под словом справедливость маскируются субъективные моральные и политические убеждения судьи является скорее особенностью этого принципа, чем его явным недостатком.

Источники и литература:

1. Агибалова Е. Н. Принцип справедливости в гражданском праве. // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2019. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/printsip-spravedlivosti-v-grazhdanskom-prave> (дата обращения: 14.03.2025).
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024, с изм. от 31.10.2024) // "Российская газета", N 238-239, 08.12.1994.
3. Гонгало Б.М., Новикова Н.А. Справедливость как принцип частного права и критерий его эффективности // Herald of the Euro-Asian Law Congress. 2018. № 2. С. 79–90.
4. Дидикин А. Б. О статье Г. Кельзена «Об основной норме» // Вестн. Том. Гос. Ун-та. Философия. Социология. Политология. 2016. №2 (34). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-statie-g-kelzena-ob-osnovnoy-norme-1> (дата обращения: 17.03.2025).
5. Нифталиева И.А. Формирование и развитие принципа справедливости в российском уголовном законодательстве // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2019. №2 (49). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-i-razvitie-printsipa-spravedlivosti-v-rossiyskom-ugolovnom-zakonodatelstve> (дата обращения: 17.03.2025).
6. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 28.02.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации, 17.06.1996, N 25, ст. 2954

7. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 28.02.2025) // Собрание законодательства РФ, 24.12.2001, N 52 (ч. I), ст. 4921.
8. Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. / М., 2003. – 343 с.
9. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2015 N 58 (ред. от 18.12.2018) «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.12.1996 N 63-ФЗ (ред. от 28.02.2025) Собрание законодательства Российской Федерации. — 1996. — №25. — ст. 2954.
10. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2016 N 55 «О судебном приговоре» "Бюллетень Верховного Суда РФ", N 1, январь, 2017.
11. Соловьев В.С. Право и нравственность / Изд. Харвест, АСТ. – 2001 – 192 с.
12. Цыбулевская О. И., Милушева Т. В. Справедливость в праве: аксиологический подход // Вестник ПАГС. 2017. №5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/spravedlivost-v-prave-aksiologicheskiiy-podhod> (дата обращения: 10.03.2025).

ПРАВО НА ИСПОЛЬЗОВАНИЕ РОДНОГО ЯЗЫКА В УСЛОВИЯХ РОССИЙСКОГО ФЕДЕРАЛИЗМА И МНОГОНАЦИОНАЛЬНОСТИ

Аннотация: в статье рассматривается конституционное право граждан на использование родного языка в контексте российской федеративной системы и многонационального общества, анализируются правовые акты, связанные с языковыми правами, исследуются современные вызовы для сохранения родного языка. Подчеркивается необходимость проработать систему норм и институтов российского права, которые будут содержать понятие государственного языка и его соотношение с терминами официальный и родной язык.

Ключевые слова: право на использование родного языка, российский федерализм, многонациональность, Конституция Российской Федерации, родной язык, национальный язык, государственный язык, официальный язык.

THE RIGHT TO USE YOUR MOTHER LANGUAGE IN THE CONDITIONS OF RUSSIAN FEDERALISM AND MULTINATIONALITY

Abstract: the article examines the constitutional right of citizens to use their native language in the context of the Russian federal system and multinational society, analyzes legal acts related to language rights,

* **Изиндеева Анастасия Евгеньевна**, студент 4 курса (специалитет) Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского (г. Саратов, Россия).

Izindeeva Anastasia Evgenievna, 4th year student (specialty) of Saratov National Research State University named after N.G. Chernyshevsky (Saratov, Russia).

Научный руководитель: **Тюменева Наталия Владимировна**, заведующий кафедрой теории государства и права Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского, к.ю.н., доцент (г. Саратов, Россия). Scientific supervisor: **Tyumeneva Natalia Vladimirovna**, Head of the Department of Theory of State and Law, Saratov National Research State University named after N.G. Chernyshevsky, candidate of legal sciences, associate professor (Saratov, Russia).

and examines modern challenges to preserving the native language. It emphasizes the need to develop a system of norms and institutions of Russian law that will contain the concept of the state language and its relationship with the terms official and native language.

Key words: the right to use one's native language, Russian federalism, multinationality, the Constitution of the Russian Federation, native language, national language, state language, official language.

*«Пока жив язык народный в устах народа, до тех пор
жив и народ»*

К.Д. Ушинский

В многонациональном федеративном российском государстве язык – это важнейшее средство создания единого коммуникативного информационного пространства[1], способ самоидентификации народа[2], особая форма воплощения национального самосознания и сохранения национальной идентичности и культурной самобытности[3], наконец, государственный язык является символом государства[4] и инструментом осуществления национальной политики в стране[5]. В этой связи не случайно, что право на пользование родным языком относится к личным правам человека, направленное на духовное и нравственно-эстетическое развитие личности[6].

В условиях федеративного государства конституционно-правовая формализация государственного языка является центральным и наиболее значимым элементом правового режима языков, затрагивающая вопросы права на использования национальных языков[7]. Это необходимая и оправданная мера, поскольку в многонациональном российском государстве проживают 193 народов, разговаривающих на 277 языках. В этой связи право на пользование родным языком имеет не только индивидуальный, но и коллективный характер и требует соответствующих гарантий реализации и защиты.

Процесс формирования законодательства в области языка имеет международный и национальный аспекты. Так, одним из первых основополагающих документов, закрепляющих право свободно использовать тот или иной язык по своему усмотрению, является Всеобщая декларация прав человека 1948 года. Позже, в

1966 году был принят Международный билль о правах человека, включающий в себя три документа - Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах, Международный пакт о гражданских и политических правах, а также факультативные протоколы к ним в совокупности с Всеобщей декларацией прав человека. В документах закрепляется право на пользование родного языка этническими и религиозными меньшинствами, а также запрещается дискриминация по языковому признаку.

Важным документом является европейская Хартия региональных языков или языков меньшинств 1998 года, призванная защищать и развивать региональные языки, обеспечивать возможность пользования ими в частной и общественной жизни, посредством обязывания государств-членов активного использования языков в СМИ, образовании, судебных и административных органах. Хартия предписывает принятие неотложных мер для сохранения языка – изменение законодательства государств-участников. Однако европейская Хартия не ратифицирована в РФ, т. к. в концептуальной основе регулирования Хартии лежит необходимость постоянного совершенствования системы обязательств путем применения унифицированных методов, что невозможно в условиях неравномерного социального и культурного развития российских этнических регионов.

В юридической практике до сих пор не урегулирован вопрос о разграничении понятий «государственный язык» и «официальный язык». В политико-юридическом смысле два этих понятия нередко употребляются как тождественные. Согласно выводам экспертов ЮНЕСКО, под государственным языком следует понимать «язык, выполняющий интеграционную функцию в рамках данного государства в политической, социальной и культурной сферах, выступающий в качестве символа данного государства». Под официальным языком - «язык государственного управления, законодательства, судопроизводства как внутри отдельного государства, так и на международной арене, в различных международных организациях и мероприятиях». Исходя из данных определений, «государственный язык» и «официальный язык» различны с точки зрения наполненности содержания. Подчеркивается, что государственный язык является символом данного государства. Понятие «родной язык» также нигде не закреплено. По мнению В.А.

Кряжкова, родной язык – это первый изученный язык, на котором человек говорит с детства – язык матери, наиболее близкий, используемый более часто и формирующий личную идентификацию[8].

Правовое регулирование языковых отношений РФ основывается прежде всего на Конституции РФ. В ч.2 ст. 26 закреплено, что каждый имеет право пользоваться родным языком, на свободный выбор языка общения, обучения; запрещается пропаганда языкового превосходства (ч.2 ст. 29); Россия гарантирует право всем народам сохранять и развивать родной язык (ч.3 ст. 68). Согласно ч.2 ст. 68 Конституции РФ, правом устанавливать государственные языки на своей территории наделены республики[9], однако, по мнению Л.Н. Васильевой, без юридического закрепления дефиниции данного понятия, способно спровоцировать споры об объеме суверенитета[10].

В ходе внесения поправок 2020 года, в Конституции закреплено, что государственным языком на всей территории РФ является русский язык как язык государствообразующего народа, входящего в многонациональный союз равноправных народов Российской Федерации (ч.1 ст. 68).

По данной норме имеется заключение Конституционного суда РФ от 16 марта 2020 года: «Положение о русском языке как языке государствообразующего народа, входящего в многонациональный союз равноправных народов РФ основано на объективном признании роли русского народа в образовании российской государственности, продолжателем которой является РФ». При этом Конституционный суд РФ подчеркивает, что положение не умаляет достоинства других народов, не ущемляет права и свободы человека и гражданина вне зависимости от нации [11].

Право называться государствообразующим народом именно русский народ подчеркивает в своей статье депутат Государственной Думы О.Н. Гончар, по причине того, что он является наиболее многочисленной этнической группой в России, которая заложила основы российской государственности[12].

Интересным представляется то, что в РФ три вида субъектов образованы по национальному принципу — это республики, автономные округа и автономная область, однако правом на установление своего государственного языка наделены только респуб-

лики (ч.2 ст. 68), что фактически противоречит положению Конституции о том, что все субъекты РФ равноправны (ч.3 ст. 5). Думается, это сделано потому, что республики часто именуются «государствами в государстве», но государствами не в классическом смысле его понимания, а с точки зрения наличия определенной степени автономии и самоуправления в рамках Федерации. Установление же государственного языка в автономных округах и автономной области в РФ нецелесообразно, поскольку в данных субъектах проживает преимущественно русское население и множество коренных малочисленных народов, в связи с чем наделение этих субъектов государственным языком может привести к определенным сложностям.

Помимо Конституции регулирование родного языка закреплено в Законе о языках народов России, где в вводной части закреплено, что «языки народов Российской Федерации – национальное достояние Российского государства, они находятся под защитой государства, которое на всей территории Российской Федерации способствует развитию национальных языков, двуязычия и многоязычия», кроме того в ч. 2 и ч. 3 ст. 2 говорится, что РФ гарантирует всем ее народам равные права на сохранение и всестороннее развитие родного языка, гарантирует каждому право на использование родного языка, свободный выбор языка общения, воспитания, обучения и творчества[13]; в законе «О государственном языке РФ», где указывается, что «обязательность использования государственного языка Российской Федерации не должна толковаться как отрицание или умаление права на пользование государственными языками республик, находящихся в составе Российской Федерации, и языками народов Российской Федерации»[14]; в конституциях (уставах) субъектов РФ, например, в ч.2 ст. 17 Конституции Чувашской Республики закреплено, что Чувашская Республика гарантирует равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от пола, расы, национальности, языка и т. д., а также Чувашская Республика обеспечивает создание равных условий для сохранения и развития культуры всех проживающих в ней народов (ч.3 ст. 41).; и пр.

Количество государственных языков в республике не одинаково, зависит от его закрепления в Конституции конкретной Республики. Так, в Чувашской Республике установлено два государ-

ственных языка «государственными языками Чувашской Республики являются чувашский и русский языки» (ст. 8 Конституции Чувашской Республики); государственными языками в Республике Татарстан являются равноправные татарский и русский языки (ст. 8); государственными языками в Республике Марий Эл являются Марийский (горный, луговой) и русский языки (ст. 15); Государственными языками в Карачаево-Черкесской Республике являются сразу пять языков: абазинский, карачаевский, ногайский, русский и черкесский (ст. 11), а в Республике Дагестан государственными языками являются русский язык и языки народов Дагестана (ст. 11), без указания на количество. Как видим, в приведенных нормах число государственных языков различно, не унифицировано, отсутствуют закономерности в последовательности перечисления государственных языков: где-то первым упомянут русский язык, где-то язык титульного народа республики.

Несмотря на целенаправленную государственную политику в области обеспечения сохранения и развития родного языка, наблюдается расхождение государственных инициатив с их фактическим исполнением. Так, в 2017 году в Республики Марий Эл в г. Йошкар-Ола В. В. Путин высказался о недопустимости принудительного изучения языков, не являющихся родными[15], что послужило внесению поправок в ст. ст. 11, 14 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации»[16], согласно которым урегулированы вопросы обеспечения прав граждан Российской Федерации на добровольное изучение родного языка из числа языков народов Российской Федерации и государственных языков республик, находящихся в составе Российской Федерации. С учетом внесенных поправок, его преподавание осуществляется на добровольной основе исходя из возможностей, предоставляемых системой образования, с учетом потребностей обучающихся и их родителей (законных представителей).

Паритетом для тех, кто не желает изучать второй государственный язык, на мой взгляд, является обеспечение изучения дисциплины «краеведение», что позволит ребенку в общих чертах знать историю родного края, ее культуру. Также гарантиями сохранения и поддержания родного языка является проведение различных культурных мероприятий и функционирование медиа-ресурсов на родном языке.

Таким образом, отметим, что в России сложилась уникальная модель правового регулирования языковых отношений, не имеющих аналогов в мире - 34 языка имеют статус государственного, что способствует объединению народов, проживающих на территории Российской Федерации и укреплению национального и государственного суверенитета. Вместе с тем, подходы республиканских законодателей по вопросу о закреплении государственных языков, требуют унификации и законодательной стандартизации, что позволит укрепить и гарантировать статус не только русского языка, как государственного, но и государственных языков республик России.

Источники и литература:

1. Белов С.А., Кропачев Н.М. Что нужно, чтобы русский язык стал государственным? // Закон. 2016. № 10. С. 100-112.
2. Кряжков В.А. Право на родной язык (на примере малочисленных народов Севера) // Российский юридический журнал. 2007. № 1 (53). С. 22-30.
3. Курбанова З.М. К вопросу об определении конституционно-правового статуса государственных языков республик (в контексте национально-языкового регулирования в Республике Дагестан) // Конституционное и муниципальное право. 2017. № 4. С. 70-73
4. Мархгейм М.В. Государственный язык России: конституционно-правовые ракурсы и сопряжения // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2023. № 3 (154). С. 73-80.
5. Мархгейм М.В., Новикова А.Е. Государственные языки в Конституциях республик в составе Российской Федерации: статусно-аксиологические сопряжения // Право и государство: теория и практика. 2023. № 5. С. 210.
6. Эбзеев Б.С. Конституционное право России: учебник. М., 2019. С. 378.
7. Доровских Е.М. К вопросу о разграничении понятий «государственный язык» и «официальный язык» // Журнал российского права. 2007. № 12. С. 8-20.
8. Кряжков В.А. Право на родной язык (на примере малочисленных народов Севера). // Российский юридический журнал. № 1 (53). 2007. С. 22-30.

9. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01 июля 2020 (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, от 14.03.2020 № 1-ФКЗ, от 04.10.2022 № 5-ФКЗ, от 04.10.2022 № 6-ФКЗ, от 04.10.2022 № 7-ФКЗ, от 04.10.2022 № 8-ФКЗ) // СЗ РФ. 2014 № 31 Ст. 4398; Официальный интернет-портал правовой информации URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 23.10.2024).
10. Васильева Л. Н. Совершенствование законодательства в области использования языков народов России // Журнал российского права. 2006. № 3. С. 55.
11. Заключение Конституционного Суда РФ от 16.03.2020 N 1-З "О соответствии положениям глав 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации не вступивших в силу положений Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации "О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти", а также о соответствии Конституции Российской Федерации порядка вступления в силу статьи 1 данного Закона в связи с запросом Президента Российской Федерации" [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_347691/
12. Гончар О. Н. Великий русский народ как национальная идея России // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2020. С. 139-145
13. Закон РФ от 25.10.1991 № 1807-1 (ред. от 13.06.2023) "О языках народов Российской Федерации" // Ведомости СНД и ВС РСФСР, 12.12.1991, № 50, ст. 1740. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 23.10.2024).
14. Федеральный закон от 01.06.2005 № 53-ФЗ (ред. от 28.02.2023) "О государственном языке Российской Федерации" // Собрание законодательства РФ, 06.06.2005, № 23, ст. 2199. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 23.10.2024).
15. Владимир Путин в Йошкар-Оле провел заседание Совета по межнациональным отношениям // Официальный сайт «Первого канала»: Новости. 20.07.2017. [Электронный ресурс] URL:

https://www.1tv.ru/news/2017-07-20/329185-vladimir_putin_v_yoshkar_ole_provel_zasedanie_soveta_po_mezhnatsionalnym_otnosheniyam (дата обращения: 30.03.2024)

16. Федеральный закон от 3 августа 2018 г. № 317-ФЗ «О внесении изменений в статьи 11 и 14 Федерального закона “Об образовании в Российской Федерации”». URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 23.10.2024).

ИНСТИТУТ ВЫБОРОВ КАК ФАКТОР ЕДИНСТВА И КОНСОЛИДАЦИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

В данной статье рассматривается роль выборов как важного инструмента, способствующего социальному и политическому единству в обществе. Исследуется, как данные процессы могут укреплять общественные институты, способствовать вовлечению граждан в политическую жизнь и формировать общественное согласие. Анализируется электоральная активность граждан, прежде всего, молодежи, а также предлагаются способы ее повышения.

Ключевые слова: избирательное право, выборы, единство, гражданская позиция, электоральная активность.

THE INSTITUTION OF ELECTIONS AS A FACTOR OF UNITY AND CONSOLIDATION OF RUSSIAN SOCIETY

This article examines the role of elections as an important tool for promoting social and political unity in society. The article examines how these processes can strengthen public institutions, promote the involvement of citizens in political life and form public consent. The article analyzes the electoral activity of citizens, primarily young people, and also suggests ways to increase it.

* **Наделяева Дарья Сергеевна**, студентка 3 курса (специалитет) Байкальского государственного университета (г. Иркутск, Россия).

Nadelyaeva Darya Sergeevna, 3rd year student (specialty) Baikal State University (Irkutsk, Russia).

Научный руководитель: Баранова Светлана Анатольевна кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и административного права ФГБОУ ВО «БГУ».

Scientific supervisor: Svetlana A. Baranova, Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Constitutional and Administrative Law, BSU Federal State Budgetary Educational Institution.

Key words: *electoral law, elections, unity, civic position, electoral activity.*

В Конституции Российской Федерации закреплено право граждан, участвовать в управлении делами государства. Регламентированы различные формы такого участия, к которым относится и институт выборов, он играет важную роль в формировании политической системы и может рассматриваться как фактор единства и консолидации общества. Одной из главных задач проведения выборов является учет мнений при принятии того или иного решения. В процессе голосования государство может отслеживать определенные тенденции, которые позволяют сделать вывод о векторе развития общества, а также о степени разобщенности или единстве граждан в стране.

Когда социум реализовывает свое активное избирательное право, это положительно сказывается на развитии государства и общества, так например:

- легитимность власти. В случае, когда народ сам непосредственно избирает должностных лиц, которые впоследствии будут находится у власти и представлять их интересы, уровень доверия существенно возрастает. Это дает гарантии некой социальной стабильности, а значит минимизирует риски связанные с попытками свергнуть власть.

- Общие цели и интересы. Как уже было сказано ранее, одной из целей выборов является вовлечение граждан в управление делами государства для того, чтобы они могли влиять на дальнейшую судьбу как свою, так и всего государства в целом. Соответственно, в условиях выборов общество может объединяться вокруг общих целей и интересов, особенно, если выборы в их восприятии являются важным инструментом для решения актуальных проблем.

Рассмотрим электоральную активность на различных видах выборов за последние годы. Так, например, в сентябре 2024 года, на территории Иркутской области прошли муниципальные выборы, явка на которые по данным территориальной избирательной комиссии составила чуть больше 20%. В сентябре 2023 года на территории Иркутской области прошли региональные выборы депутатов Законодательного Собрания Иркутской области, явка составила всего 24,22%. То есть, граждане, проживающие в данном

регионе, не стремились выражать свою гражданскую позицию и не считали нужным проголосовать. Возникает вопрос – почему так произошло? И дает ли это нам основание говорить о разрозненности и не единстве общества?

Рассмотрим электоральную активность населения на выборах федерального уровня. Явка избирателей на выборы в Государственную Думу VII созыва в 2016 году составила 47,88 %, в Государственную Думу VIII созыва в 2021 году – 51,72% от числа избирателей, включенных в списки избирателей, что тоже свидетельствует о крайне невысоко политической активности граждан страны.

Показательным примером является явка на выборы Президента Российской Федерации в 2024 году, которая составила – 74,22%, что является достаточно высоким и рекордным показателем.

Для выяснения причин, почему люди проявили активность на данных выборах, мною был проведен социологический опрос. Большинство опрошиваемых составили лица в возрасте от 18 до 30 лет. Респондентам были предложены следующие вопросы: Ходили ли вы на выборы Президента РФ в этом году? Если да/нет, то почему? Как считаете, какие меры необходимо принять для повышения электоральной активности?

В результате были получены следующие данные:

70% опрошенных исполнили свой гражданский долг и приняли участие в выборах, на вопрос – почему вы это сделали? – около 70% ответили, что хотели выразить свое мнение и считают, что их голос важен.

Почти 40% опрошенных не участвовали в выборах, потому что не думают, что их голос что-то решит, еще 30% просто не интересна эта тема, и еще примерно такое же количество отказались от голосования из-за своего местонахождения. Некоторым не хотелось подавать открепительное заявление, еще часть вообще не поняла, каков алгоритм действий при голосовании на другом избирательном участке.

Получается, что большая часть все же приняла участие в выборах и более того, голоса за кандидатов распределились таким образом, что позиция 87% людей сошлась – это ли не единство мнения?

Но как убедить оставшуюся часть прийти на участок и отдать свой голос? Мной было выдвинуто несколько путей решения, которые были отражены в опросе и респондентам предлагалась проголосовать за наиболее понравившиеся.

Самым популярным оказался вариант ответа, который звучал, как «Разработка мерча (рекламно – сувенирной продукции), который будет раздаваться на избирательных участках». За него отдали свой голос порядка 56 % респондентов. Здесь прослеживается некая философия того, что вы отдали свой голос и получили что-то взамен, не только на долгосрочной основе (политика деятеля, за которого вы проголосовали), но и что-то материальное, здесь и сейчас.

Следующим по наибольшему проценту голосов, стал вариант сделать выборы не правом, а обязанностью. Такое практикуется в ряде стран, например: Австралия, Кип, Греция, Турция и другие. В данных государствах, в случае неявки на выборы, могут наложить штраф, могут возникнуть трудности с получением водительского удостоверения и даже с устройством детей в школу. Но тут возникает вопрос, считается ли легитимным правительство, избранное из страха перед наказанием? На мой взгляд, нет. Это будет формировать у граждан отрицательное отношение к власти, ведь исходя из психофизиологических особенностей человека, все, что его заставляют делать, он выполняет с меньшим желанием, а возможно даже и отрицанием. К тому же люди могут быть не осведомлены о политической жизни общества и голосовать просто за случайного кандидата, что тоже не приведет ни к чему хорошему. На мой взгляд, в данном случае, принуждение – это не лучший вариант повышения электоральной активности.

Еще одним из способов повышения явки на выборы стало то, что нужно больше информации в СМИ. Сюда же можно включить не только информацию о предстоящих выборах, но и о том, как проголосовать, находясь в другом регионе, как изменить участок, как правильно заполнять избирательный бюллетень и т.д.

И последним, но не менее важным способом увеличить процент голосующих граждан, является внедрение дистанционного электронного голосования (далее – ДЭГ). Действительно, увеличить вовлеченность населения в избирательный процесс возможно посредством повышения доступности голосования 3, 255. Изна-

начально ДЭГ интерпретировалось, как способ реализации прозрачности, транспарентности выборов, а также избирательных процедур. На современном этапе развития избирательного права ДЭГ понимается как способ выражения позиции населения в рамках существующего демократического общества [1. с. 287]. Как справедливо, отмечает ряд авторов, широкая география проведения ДЭГ на выборах Президента России в 29 регионах обеспечивает прирост электоральной активности, презентацию реально сложившихся политических ориентаций избирателей и легитимность результатов выборов 2, 206.

На мой взгляд, если хотя бы один из данных путей решения будет внедрен и развит, то электоральная активность сильно возрастет. Благодаря чему, государство сможет учесть еще больше мнений и прийти к единому решению, что позволит объединить общество и решить возникающие проблемы.

Таким образом, мы можем сделать вывод, что институт выборов, безусловно, является одним из факторов единства и консолидации российского общества, что подтверждает факт явки избирателей на прошедших выборах Президента РФ. Институт выборов помогает объединить граждан вокруг общих целей и интересов, а также достичь поставленных перед обществом и государством задач, поэтому государством должны предприниматься меры по повышению электоральной активности населения.

Источники и литература:

1. Наумова Н. В. Дистанционное электронное голосование в Российской Федерации / Н. В. Наумова, А. М. Арутюнян, М. К. Балыгин, П. Д. Помиров / Новый юридический вестник. – 2021. – № 9 (33). – С. 4–7.
2. Федоров В. И. Влияние явки избирателей на легитимность президентских выборов в мире В. И. Федоров // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. – 2024. – Т. 24, вып. 2. – С. 201–207.
3. Хохлов Р. Р. Проблема повышения явки избирателей на выборы в России / Р. Р. Хохлов, В. Л. Рассказов // Epomen. Global. – 2024. – № 51. – С. 251–256.

УЧАСТИЕ В ВЫБОРАХ: КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО ИЛИ ОБЯЗАННОСТЬ ГРАЖДАН?

Участие в выборах является основополагающим принципом демократии, поскольку оно позволяет гражданам выбирать своих представителей и тем самым влиять на политический курс. В этом отношении вопрос о том, является ли участие в выборах конституционным правом или обязанностью, имеет важное значение для понимания характера демократического процесса. В статье обоснована позиция, согласно которой участие в выборах должно рассматриваться как конституционное право граждан.

Ключевые слова: выборы, избирательное право, принципы избирательного права, избиратель, обязательное голосование, абсентеизм, гражданский долг.

PARTICIPATION IN ELECTIONS: CONSTITUTIONAL RIGHT OR RESPONSIBILITY OF CITIZENS

Participation in elections is a fundamental principle of democracy, as it allows citizens to choose their representatives and thus influence the political course. In this regard, the question of whether participation in elections is a constitutional right or a duty is important for

* **Ксения Дмитриевна Алимова**, студентка 4 курса (специалитет) Кузбасского гуманитарно-педагогического института Кемеровского государственного университета (г. Новокузнецк, Россия). **Ksenia Dmitrievna Alimova**, 4th year student (specialty) of the Kuzbass Humanitarian-Pedagogical Institute of Kemerovo State University (Novokuznetsk, Russia).

Научный руководитель: **Юлия Александровна Горбуль**, зав. кафедрой государственно-правовых и гражданско-правовых дисциплин Кузбасского гуманитарно-педагогического института Кемеровского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент (г. Новокузнецк, Россия).

Scientific supervisor: **Yulia Aleksandrovna Gorbul**, head. Department of State Legal and Civil Legal Disciplines of the Kuzbass Humanitarian-Pedagogical Institute of Kemerovo State University, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor (Novokuznetsk, Russia).

understanding the nature of the democratic process. The article substantiates the position that participation in elections should be considered a constitutional right of citizens.

Key words: *elections, electoral law, principles of electoral law, voter, compulsory voting, absenteeism, civic duty.*

Одним из важнейших фундаментальных политических прав человека и гражданина является право на участие в выборах. В соответствии со ст. 21 Всеобщей декларации прав человека от 10.12.1948 г. «Каждый человек имеет право принимать участие в управлении своей страной непосредственно или через посредство свободно избранных представителей» [1]. Данная лексема нашла свое отражение и в Основном законе Российской Федерации. Согласно ч. 3 ст. 3 Конституции РФ «Высшим непосредственным выражением власти народа являются референдум и свободные выборы» [2]. Выборы (англ. *electivity*) – форма реализации избирательных прав граждан в общественно-политической жизни государства, региона, муниципального образования, институт функционирования политической системы общества, легитимности реализации своих полномочий органами публичной власти. Согласно законодательству Российской Федерации, в частности, п.9, ст. 2 Федерального закона от 12.06.2002 г. № 67-ФЗ (ред. от 28.06.2022 г.) «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» выборы – это форма прямого волеизъявления граждан, осуществляемого в соответствии с Конституцией РФ, федеральными законами, конституциями (уставами), законами субъектов РФ, уставами муниципальных образований в целях формирования органа государственной власти, органа местного самоуправления или наделения полномочиями должностного лица [3].

В большинстве государств мира независимо от формы правления и политико-территориального устройства на разных уровнях публичной власти проводятся выборы, которые могут быть различными по способам и организации. В России выборы проходят на всех уровнях системы публичной власти: выборы Президента РФ и депутатов Государственной Думы на федеральном уровне, глав субъектов и депутатов региональных законодательных орга-

нов, глав муниципальных образований и депутатов представительных органов на местном уровне. Ч.1 ст. 32 Конституции РФ гарантирует гражданам право на участие «в управлении делами государства как непосредственно, так и через своих представителей» [2]. Аналогичные положения содержатся в конституциях большинства других демократических стран.

Право на участие в выборах основано на принципе народного суверенитета, суть которого сводится к тому, что правительство получает свою легитимность из согласия управляемых. У потенциального избирателя, в свою очередь, есть возможность реализовать один из двух вариантов участия в выборах: активное избирательное право – право граждан избирать главу государства, высших должностных лиц субъектов и муниципальных образований, представительные органы всех уровней публичной власти, и пассивное избирательное право – быть избранными в федеральные и региональные органы государственной власти и органы местного самоуправления. Не имеют права на участие в выборах согласно ч.3 ст.32 Конституции РФ «граждане, признанные судом недееспособными, а также находящиеся в местах лишения свободы по приговору суда» [2].

Таким образом, к основополагающим принципам избирательного права в Российской Федерации можно отнести принцип свободы выборов, который можно трактовать в двух аспектах – свободы волеизъявления при голосовании и свободы участия в выборах. Принцип всеобщности избирательного права гарантирует дееспособным российским гражданам независимо от пола, национальности, языка, происхождения, должностного и имущественного положения, места жительства, отношения к религии и убеждениям, право на участие в выборах. Пределы всеобщности, как условие участия в выборах, определяются наличием избирательных цензов.

Ценз гражданства означает, что к участию в выборах допускают лиц, состоящих в гражданстве данного государства. Возрастной избирательный ценз реализации активного избирательного права в РФ установлен с 18 лет, при этом в других странах минимально допустимый возраст голосования варьируется от 16 до 21 года. В отдельных странах установлены цензы оседлости, то есть установленного законом срока проживания на территории данного госу-

дарства; образовательные, религиозные и морально-этические цензы. Еще одним основополагающим принципом избирательного права демократических государств, реализуемым в России, является принцип равного избирательного права, гарантирующий избирателям участие в выборах на равных условиях по правилу «один избиратель – один голос», то есть «вес голоса» одного избирателя равен «весу голоса» другого избирателя. Повсеместно распространенный в мире принцип прямых и не прямых (косвенных) выборов означает, что в первом случае граждане голосуют непосредственно за своих кандидатов, во втором – воля избирателя опосредованно реализуется представителями избирателей – специальными органами или лицами, ранее выбранными избирателями.

Посредством не прямых выборов, как альтернативного порядка делегирования полномочий, избираются высшие должностные лица в отдельных субъектах Российской Федерации и главы муниципальных образований, а также формируется верхняя палата нашего парламента – Совет Федерации. Базовым принципом избирательного права является также принцип тайного голосования, гарантирующий избирателю анонимность и исключающий контроль его волеизъявления. Анонимность предполагает голосование избирательными бюллетенями, которые избиратели заполняют на избирательных участках в специальных комнатах и опускают в избирательную урну в сложенном виде или конверте.

В Конституции Российской Федерации нет прямого указания на обязательность участия в выборах. Однако вопрос о том, является ли участие в выборах правом или обязанностью граждан, неоднозначен. С одной стороны, Конституция Российской Федерации гарантирует гражданам право избирать и быть избранным, что свидетельствует о добровольном характере участия в выборах. С другой стороны, некоторые специалисты утверждают, что участие в выборах должно быть обязанностью, поскольку оно способствует гражданской ответственности и повышает подотчетность власти.

Однако есть серьезные возражения против такого подхода. Во-первых, навязывание обязанности голосования нарушает индивидуальную свободу и может привести к подавлению политического инакомыслия. Во-вторых, принуждение к голосованию может привести к тому, что граждане будут участвовать в выборах без должного информирования или интереса. Это может подорвать качество

демократического процесса. В-третьих, обязанность голосования может оттолкнуть тех, кто чувствует себя исключенным из политической системы. Это может привести к элитарному эффекту, когда только самая привилегированная часть общества активно участвует в выборах. И наконец, исследования показали, что принудительное голосование на самом деле может снизить общую явку избирателей за счет отчуждения тех, кто не чувствует связи с политическим процессом.

Исторически сложилось так, что обязательное голосование вводилось в некоторых авторитарных и тоталитарных режимах, таких как нацистская Германия, фашистская Италия, Северная Корея.

Однако следует отметить, что обязательное голосование не всегда приводит к авторитаризму или тоталитаризму. В некоторых демократических странах, таких как Бельгия и Греция, существует обязательное голосование без каких-либо существенных признаков авторитаризма. Тем не менее, обязательное голосование может представлять собой потенциальный риск для демократических институтов, особенно когда оно сопровождается другими мерами, ограничивающими политические свободы [4, С. 210]

Сторонники идеи обязательного голосования полагают, что конституционная обязанность участия в выборах, являясь эффективным средством борьбы с абсентеизмом, не только обеспечивает высокую явку на выборах и нивелирует их нерезультативный исход, но и дисциплинирует граждан, развивая в них чувство ответственности перед обществом и гражданского долга. Противники такого подхода считают обязательное голосование нарушением демократического принципа свободы выбора, побочным эффектом которого является отсутствие интереса избирателей к выборам, что ставит под сомнение осознанность их волеизъявления [5, С. 130]. Вопрос легитимности власти, избранной путем принуждения к голосованию, является дискуссионным и остается по сей день предметом обсуждения в рамках теории права [4, С. 215]. Философский подход к пониманию сущности голосования одновременно как права и обязанности граждан не противопоставляет эти понятия, а примиряет их, отождествляя реализацию права на участие в выборах с обязанностью, если рассматривать взаимодействие этих по-

нятий в контексте нравственных норм и исполнения гражданского долга из побуждений совести.

Тем не менее, следует отметить, что обязательное голосование также имеет определенные преимущества, такие как повышение осведомленности граждан об избирательном процессе и обеспечение более справедливого представительства различных групп населения. Однако эти преимущества должны быть тщательно сопоставлены с потенциальными угрозами для реализации демократических принципов избирательного права.

Таким образом, участие граждан в выборах является важнейшим фактором демократического развития государства. Право избирать и быть избранным гарантировано Конституцией Российской Федерации и является одним из основных прав человека и гражданина. Содержание этого конституционного права предполагает свободу выбора и не может толковаться как обязанность. Недопустимо принудительное привлечение граждан к участию в выборах, поскольку это нарушает их свободу и подрывает основы демократии.

Источники и литература:

1. Конституция Российской Федерации от 12.12.1993 г. [принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г.] [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 09.12.2024).
2. Всеобщая декларация прав человека от 10.12.1948 г. [принята на третьей сессии Генеральной Ассамблеи ООН резолюцией 217 А (III) от 10 декабря 1948 г.] [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 09.12.2024).
3. Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации: федеральный закон от 12.06.2002 г. № 67-ФЗ [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 09.12.2024).
4. Современные избирательные системы. Вып. 3 : Испания, США, Финляндия, Япония /А. Г. Орлов, В. И. Лафитский, И. А. Ракит-

ския, Г. О. Кушечова : науч. ред. А. В. Инанченко, В. И Лафитский – Москва : РЦОИТ : Новости, 2009. - 448 с.

5. Мармилова Е. П. Формы защиты избирательных прав граждан в Российской Федерации: проблемы и пути оптимизации / Е. П. Мармилова // Аспирантский вестник Поволжья - 2008. - № 5-6 - С. 128-131.

СУДЕБНАЯ РЕФОРМА 1864 ГОДА И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА СУДЕБНУЮ СИСТЕМУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В статье проводится исследование положений судебной реформы 1864 года и ее влияние на современную судебную систему Российской Федерации. Особое внимание уделяется принципам правосудия и институту мировой юстиции. В результате исследования были установлены различия современной судебной системы России от положений, задекларированных в рамках судебной реформы 1864 года, а также сформулированы предложения по совершенствованию института мировых судей.

Ключевые слова: *судебная реформа 1864 г., мировой суд, принципы правосудия, съезд мировых судей, мировая юстиция, судебная система.*

JUDICIAL REFORM OF 1864 AND ITS IMPACT ON THE JUDICIAL SYSTEM OF THE RUSSIAN FEDERATION

The article examines the provisions of the judicial reform of 1864 and its impact on the modern judicial system of the Russian Federation. Special attention is paid to the principles of justice and the Institute of world justice. As a result of the study, the differences between the modern judicial system of Russia and the provisions declared in the

* **Анастасия Вячеславовна Бушкова**, студент 2 курса (специалитет) Иркутского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации (г. Иркутск, Россия).

Anastasia Vyacheslavovna Bushkova, 2nd year student (specialty) Irkutsk Law Institute (Branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation (Irkutsk, Russia).

Научный руководитель: Валентина Михайловна Деревскова, заведующий кафедрой теории и истории государства и права Иркутского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент (г. Иркутск, Россия).

Scientific curator: Valentina Mikhailovna Derevskova, Head of the Department of Theory and History of State and Law of the Irkutsk Law Institute (Branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor (Irkutsk, Russia).

framework of the judicial reform of 1864 were established, and proposals were made to improve the institution of justices of the peace.

Key words: judicial reform of 1864, world court, principles of justice, congress of magistrates, world justice, judicial system.

Судебная система Российской Федерации имеет достаточно богатую историю. Современная судебная система имеет много общего с организацией суда, основанного на положениях Судебных уставов 1864 г., принятие которых было инициировано императором Российской империи – Александром II. В 2024 г. судебной реформе Александра II исполняется 160 лет. В рамках данного исследования рассматриваются следующие вопросы:

1. Какие принципы правосудия, заложенные судебной реформой 1864 г., сохранились по настоящий момент?

2. В чем заключаются отличия института мировой юстиции в Российской империи и Российской Федерации?

3. Есть ли необходимость в сохранении института мировых судей в настоящее время?

В качестве объекта исследования нами был избран институт мировой юстиции. Интерес к изучению актуального и исторического статуса мировых судов обусловлен тем, что они задумывались с целью сделать правосудие более доступным гражданам. Также мировые суды создавались для разгрузки судов общей юрисдикции и позволяли разрешить дело относительно быстро. На современном этапе институт мировых судей претерпел ряд изменений, которые привели к частичной утрате вышеизложенных преимуществ. В связи с этим есть необходимость сравнить институт мировой юстиции на момент судебной реформы 1864 г. и на современном этапе. В результате проведенного сравнения можно будет сделать выводы относительно современного состояния мирового суда и в случае необходимости сформулировать предложения, которые устранить проблемы и улучшить деятельность мировых судов в Российской Федерации.

Отметим, что судебная реформа 1864 г. является лишь одной из реформ второй половины XIX в., которые обеспечили переустройство как общества, так и государства Российской империи на буржуазных началах. Помимо реформы судебной системы, в стране была проведена крестьянская, следственная, полицейская,

финансовая, цензурная, земская, городская, тюремная, военная и другие реформы. Этот период остался в историографии России как эпоха Великих реформ. Судебная реформа 1864 г. является самой буржуазной из всех, а заключалась она в отделении суда от администрации и создании всесословного суда [1, с. 15]. Именно на началах самостоятельности суда и утверждения его всесословности и основаны принципы правосудия, которые устанавливались в Российской империи.

Принципы правосудия в рамках судебной реформы 1864 г. делились на два типа – на принципы судоустройства и принципы судопроизводства. Первый тип принципов относился к непосредственной структуре судебной системы, подсудности дел, статусу должностных лиц, порядку взаимоотношений между ними и т.д. Принципы судопроизводства составляли основу для детальной регламентации судебного процесса в административной, гражданской и уголовной юрисдикциях.

Принципы судоустройства включали в себя: всесословность, юридическое равенство перед законом и судом, отделение суда от администрации, несменяемость судей, введение суда присяжных заседателей, присяжной адвокатуры как участника судебного процесса.

К принципам судопроизводства были отнесены: устность, гласность, публичность, состязательность, свободная оценка доказательств [2, с. 103].

Принципы правосудия в Российской Федерации закреплены посредством множества нормативно-правовых актов. Среди тех, которые содержат в себе принципы правосудия в Российской Федерации, следует отметить следующие:

- Конституция Российской Федерации;
- Федеральный конституционный закон от 7 февраля 2011 г. № 1–ФКЗ «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации»;
- Федеральный конституционный закон от 31 декабря 1996 г. № 1–ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации»;
- Закон Российской Федерации от 26 июня 1992 г. № 3132–1 «О статусе судей в Российской Федерации».

Из-за множественности нормативных правовых актов, содержащих нормы о принципах правосудия, исследователи-юристы

до сих пор не пришли к единому мнению относительно списка данных принципов. Так, в системе принципов правосудия выделяют:

1. Осуществление правосудия только судом;
2. Осуществление правосудия в точном соответствии с законом;
3. Право граждан на судебную защиту;
4. Равенство граждан перед судом и законом;
5. Независимость судей и подчинение их только закону;
6. Коллегиальность рассмотрения дел или единоличное осуществление правосудия;
7. Участие в осуществлении правосудия представителей народа;
8. Открытое судебное разбирательство во всех судах;
9. Национальный язык судоустройства;
10. Равенство сторон и состязательности процесса;
11. Обеспечение подозреваемому и обвиняемому права на защиту;
12. Презумпция невиновности [3, с. 215–216].

Проводя историко-правовые параллели между принципами правосудия, мы приходим к выводу о том, что современные принципы являются более усовершенствованными и логическим развитием положений времен Российской империи. Например, к задекларированной в рамках судебной реформы 1864 г. несменяемости судей прибавилась их независимость, на которую указывается в современном законодательстве. Принцип всесословности, который подразумевал возможность обратиться в суд любому из подданных Российской империи, вне зависимости от его социального статуса, в современной России слился воедино с принципом равенства граждан перед судом и законом. Такая формальная трансформация обусловлена тем, что в Российской Федерации больше не действует сословная система.

Следует отметить, что все остальные принципы правосудия в рамках реформы 1864 г. сохранились до наших дней. Гласность, презумпция невиновности, состязательность, публичность – эти принципы по-прежнему соблюдаются в России.

Еще один важный аспект, по которому можно сравнить судебную систему России и Российской империи – институт мировых

судей. О необходимости введения в России мировых судей стали говорить в конце 1991 г., когда постановлением Верховного Совета РСФСР был одобрен документ под названием «Концепция судебной реформы в РСФСР». Концепция судебной реформы 1991 г. предложила современную модель мировой юстиции с сохранением основных черт, присущих данному институту (выборность, появление почетных мировых судей, упоминание об упрощенных – суммарных – формах судопроизводства, правда, для уголовного процесса), однако не проработала их детально. Районные и городские суды были перегружены уголовными, административными, а особенно гражданскими делами. Большие нагрузки негативно влияли на сроки и качество рассмотрения дел. Потребность учреждения мировой юстиции в современной России обосновывалась, по крайней мере, тремя обстоятельствами: сокращение в определенной степени весьма значительной нагрузки на федеральных судей; возможность приближения суда к населению и тем самым обеспечение доступа граждан к правосудию; создание предпосылок упрощения гражданского и уголовного судопроизводства. В основе идеи, так же, как и при введении мировых судов, учрежденных судебной реформой 1864 г., было создание простого и доступного для населения правосудия.

Однако, Т.Ф. Арабова справедливо отмечает, что судебные органы, именуемые «мировой суд», на современном этапе утратили характерные черты мировой юстиции. Поэтому правильнее именовать данные органы как местные суды. Под местными судами исследователь понимает судебный орган ограниченной компетенции, предназначенный для рассмотрения экономически незначительных и малоценных гражданских споров в порядке упрощенного судопроизводства с обязательным использованием судебной процедуры примирения сторон [4, с. 72–78]. Однако исследователи указывают на то, что исторически присущее мировой юстиции (а также местным судам) примирительное начало практически не используется, что объясняется необходимостью соблюдения строгой процессуальной формы и сроков, в которые примирительная процедура не всегда вписывается. Также отметим, что Закон «О мировых судьях в Российской Федерации» не предусматривает введения института почетных судей или аналогичных ему, действующих на общественных началах.

Мировые суды в Российской империи создавались для рассмотрения уголовных дел по нетяжким преступлениям (проступки против общественного порядка, личные оскорбления, побои и т.п.), а также гражданских дел, сумма иска в которых не превышает 500 рублей (позднее – 1500 рублей [5, с. 16], в некоторых судебных округах, например, округе Иркутской судебной палаты не свыше 2000 рублей [6, с. 56]).

Мировыми судьями в Российской империи могли быть лица возрастом от 25 лет, со средним или высшим образованием, при этом не требовалось юридического образования, а также обладавшие высоким имущественным цензом. Следует обратить внимание на то, что в Российской империи достаточно большое внимание уделялось количеству имущества, находящегося во владении служащих. Объяснить это можно тем, что в XIX в. богатство и обеспеченность, как правило, означали широкие возможности для образования. Соответственно, обеспеченный человек может получить необходимое образование и поддерживать его на надлежащем уровне. Из этого следует, что и работать обеспеченный судья будет более профессионально. На современном этапе имущественный ценз утратил свою актуальность, поскольку ограничение прав граждан по имущественному положению недопустимо в демократическом обществе. Кроме того, согласно статье 43 Конституции Российской Федерации, каждый имеет право на образование. Гарантируются общедоступность и бесплатность дошкольного, основного общего и среднего профессионального образования. Более того, на конкурсной основе бесплатно можно получить и высшее образование [7]. Все судьи, включая мировых, должны иметь высшее юридическое образование.

Ключевое различие в статусе мировых судей в Российской империи и Российской Федерации заключается в сроке их полномочий. Согласно Учреждению судебных установлений от 20 ноября 1864 г., мировой судья избирается на срок в 3 года уездным земским собранием. После истечения срока полномочий, мировой судья имел право вновь подать свою кандидатуру на ранее занимаемую должность. Согласно действующей редакции (от 27 ноября 2023 г.) Закона Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации», мировой судья в первый раз назначается (избирается) на должность сроком на три года. При повторном назначе-

нии (избрании) на должность мировой судья назначается (избирается) на соответствующую должность без ограничения срока полномочий. Предельный возраст пребывания в должности мирового судьи – 70 лет [8].

Учитывая вышеизложенное, мы можем констатировать, что при условии переназначения на второй срок судья фактически обеспечивает себе место в определенном мировом суде до предельного возраста пребывания. Вышеописанное изменение было законодательно закреплено в 2021 г. Для обоснования данных изменений в пояснительной записке к проекту Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части назначения (избрания) мирового судьи на должность без ограничения срока полномочий» Пленум Верховного Суда Российской Федерации указывал, что в системе судов общей юрисдикции определенным сроком ограничиваются полномочия только мировых судей. Также им было отмечено, что в 2017 г. группа государств против коррупции (ГРЕКО) рекомендовала России повысить «стабильность срока пребывания в должности мировых судей» [9].

Примечательно, что исходная редакция Закона предусматривала неограниченный срок полномочий судей в Российской Федерации, а его редакция от 14 апреля 1993 г. указывала на избираемость мировых судей сроком на пять лет населением округа, на который распространяется их юрисдикция.

Адвокат Адвокатской палаты Санкт-Петербурга К. Ерофеев, комментируя законодательное изменение, указывал следующее: «Устанавливается баланс между интересами молодого специалиста, только что назначенного на должность мирового судьи, и интересами государства и общества (работа юриста высокой квалификации). Разумеется, молодой судья должен иметь определенные гарантии. Если он увидит, что его могут уволить через небольшой срок, это внесет определенную нервность и неуверенность в его работу. Кроме того, кандидаты на должность судьи проходят достаточно серьезные испытания и проверки. Поэтому устанавливать им испытательный срок 1–3 месяца, как продавцам на рынке, нецелесообразно. Однако судебная ошибка, вызванная неопытностью судьи, может дорого обойтись участнику судебного процесса, даже поломать его судьбу» [10].

Учитывая вышеизложенное, мы не согласимся с мнением К. Ерофеева. Предоставление возможности мировому судье занять свою должность до предельного срока пребывания является ошибочным по нескольким причинам. Во-первых, тот факт, что максимальный срок пребывания на должности мирового судьи – 70 лет, очень сильно расширяет категорию лиц, которые могут занимать данную должность. Соответственно, в узком положении находятся молодые специалисты, которые не получают возможности «соперничать» за должность мирового судьи из-за тех судей, которые пришли на данную должность раньше (это связано с тем, что количество должностей ограничено, а количество юристов в стране растет). Вторая причина – отсутствие конкуренции. Возможность у мирового судьи бессрочно находиться на должности вредит его профессионализму, поскольку последнему не нужно принимать участия в конкурсе на свою должность. В результате такой судья монопольно находится на своей должности, не подтверждая того, что он действительно является лучшим из тех, кто претендует на должность мирового судьи.

Так, констатируем, что сроки пребывания в должности мирового судьи во времена Российской империи были более справедливыми, нежели в текущее время. Впрочем, даже если не вносить кардинальных изменений в регламентацию сроков полномочий, достаточно уместным увеличить срок первого пребывания мирового судьи на своей должности до 5 лет, как было ранее. Дополнительный срок полномочий будет выгодно сказываться на приобретении опыта молодыми специалистами. Три года – относительно малый срок для того, чтобы приобрести полноценный судейский опыт, который позволил бы качественно исполнять обязанности на бессрочной основе. Относительно срока полномочий мирового судьи имеются и другие позиции. Так, Е.И. Шигурова и А.В. Шигуров высказывают следующее предложение, по которому мировой судья должен осуществлять свои полномочия: минимальный срок полномочий при первом избрании до 3 лет, при повторном и последующем избрании – до 10 лет [11, с. 183].

Согласно судебной реформе 1864 г., мировые суды были созданы для того, чтобы рассматривать незначительные уголовные и гражданские дела, в то время как общие суды рассматривали более сложные. Такое соотношение сохранилось и до сегодняшнего

дня, с некоторыми видоизменениями. Так, в современной России существуют мировые и районные суды. Мировые суды по-прежнему рассматривают дела меньшей важности, то есть те, на рассмотрение которых уходит меньше времени и ресурсов. Таким образом, важная функция мировых судов – разгрузить систему судов общей юрисдикции, с целью повышения их эффективности, формально была сохранена.

На современном этапе развития интересны две цели создания мировых судов – облегчение доступа граждан к правосудию и разгрузка районных судов общей юрисдикции. Однако, некоторые исследователи указывают на то, что в рамках реформы законодатель все дальше уходит от этих целей. Например, все чаще сокращаются гражданские дела, подсудные мировым судьям. В 2018 г. принятым Федеральным законом от 27 декабря 2018 г. № 509-ФЗ «О внесении изменений в статьи 31 и 35 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» такая «участь» постигла и дел частного обвинения, когда судопроизводство по ст. 116.1 УК РФ было передано к компетенции районных судов. Исследователи связывают эти изменения с поиском законодателем решения проблематики доказывания по делам частного обвинения. Вследствие чего наблюдается дополнительная нагрузка на районные суды, что не является обоснованным. При современной загрузке районных судов, а также их отдаленности (в сравнении с мировой юстицией) от населения трудно ожидать, что вся указанные проблемы будут решены [12, с. 92].

В дореволюционной России, благодаря мировой юстиции, существовавшей обособленно от общих судебных установлений, мелкие уголовные и гражданские дела не переходили до бесконечности из одной судебной инстанции в другую. Предусмотренная в настоящее время судебная система Российской Федерации не согласуется с той, которую устанавливала судебная реформа 1864 г. Так, институт мировой юстиции не находится в обособленном положении от федеральных судов общей юрисдикции, что противоречит истинным целям создания мировых судов.

По действующему законодательству решения мировых судей могут быть обжалованы и пересмотрены районным судом общей юрисдикции. Такой подход к организации пересмотра решений мировых судей несколько обесценивает институт мировых су-

дей в целом. Более того, необходимость пересмотра решений мировых судей создает дополнительную нагрузку на судей районных судов, которые также имеют достаточно широкую юрисдикцию. Данное обстоятельство подтверждает суждение о том, что одна из важных задач мировой юстиции – разгрузить суды общей юрисдикции – в настоящее время не выполняется. В целях снижения судебной нагрузки целесообразно было бы увеличить количество районных судов, а также расширить штатную численность их сотрудников.

Так, действующий порядок пересмотра решений мировых судей отличается от того, который был установлен реформой 1864 г. В Российской империи решения, принятые мировым судьей, пересматривались на съезде мировых судей. Съезд мировых судей представлял собой коллегиальный орган и объединял в своем составе всех мировых судей округа, действовал периодически, осуществляя проверку законности и обоснованности приговоров и решений мировых судей. Так, съезд выступал как орган апелляционной инстанции для неокончательных приговоров и решений мирового судьи и как орган кассационной инстанции для приговоров окончательных, отвечал непосредственно перед Сенатом. Приговоры и решения съезда мировых судей считались окончательными, но была возможна подача кассационных жалоб в кассационные департаменты Сената. Также съезд осуществлял непосредственный надзор за деятельностью мировых судей округа, а высший надзор – кассационные департаменты Сената и министр юстиции. Правда такой порядок действовал не везде. Так в Сибири съезды мировых судей не создавались, а подчинялись окружным судам, а кассационной инстанцией выступала Иркутская судебная палата, а не Сенат [6, с. 55]

Создание съезда мировых судей было довольно перспективной, поскольку это был коллегиальный орган и в него входили мировые судьи, тем самым они специализировались именно по определенным категориям дел и в последующем могли использовать полученную практику. Все же этот институт имел определенные недостатки. А.Г. Галкин, установил главные причины, по которым съезд мировых судей не продемонстрировал значительных успехов в работе:

1) огромный наплыв дел, который требовал от судей полной отдачи и безостановочной судейской работы;

2) отдаленность мест работы мировых судей от уездных городов. Для того, чтобы добраться до места съезда, судья тратил день, а то и больше, а также достаточно большие финансовые средства, необходимые для этого.

Два этих обстоятельства привели к тому, что судьи под разными предлогами на суд не являлись, сессии очень часто признавались несостоявшимися. Исследователь также отмечает: «Далека от идеала была и работа канцелярии съезда. В связи с нехваткой подготовленных кадров в делопроизводстве царил полный хаос» [13, с. 95].

Принимая во внимание вышеизложенное, мы можем констатировать, что в современности данный институт не столкнется с такими же трудностями. Обусловлено это тем, что документооборот во все большей степени переходит в электронный формат, перемещаться в пространстве стало значительно проще, так как появилась соответствующая инфраструктура и техника. В связи с этим, реставрация института съезда мировых судей как коллегиального органа, который занимается надзором за деятельностью мировых судей и пересмотром их решений, способна облегчить работу районных судов и улучшить качество решений по делам, входящим в компетенцию мировых судов.

Для улучшения функционирования института мировой юстиции в России целесообразно внедрение ряда реформ, направленных на сокращение сроков рассмотрения дел и повышение доступности правосудия. Введение упрощенной процедуры, например, может быть осуществлено по модели перехода из одной процедуры в другую при наличии объективных причин. Однако при любом упрощении процедуры для мировых судей следует не допустить появления такого вида судопроизводства, который нарушил бы или мог создать возможность существенного нарушения процессуальных прав сторон. Прежде всего, мы предлагаем введение упрощенной процедуры для определенных категорий дел, рассматриваемых мировыми судьями. В частности, речь идет о гражданских делах с небольшой суммой иска, о семейных спорах, не требующих детального разбирательства. Для указанных категорий дел можно предусмотреть более сокращенный порядок рассмотрения, который

позволил бы оптимизировать процесс работы мировых судов и снизить нагрузку на судей.

О других предложениях отмечали ранее. В частности, предлагается реставрировать институт съезда мировых судей, так как это будет способствовать независимости мировых судей, более скорому и компетентному рассмотрению дел и разгрузке федеральных судов общей юрисдикции. Помимо сказанного, предлагается увеличить первоначальный срок полномочий мирового судьи с трех до пяти лет. Это необходимо для того, чтобы молодые специалисты имели больше возможностей к адаптации и приобретению практического опыта, который бы позволил им пойти на дальнейший, бессрочный срок полномочий.

Подводя итоги, можно сделать несколько важных выводов.

Во-первых, принципы правосудия, основанные еще в Российской империи, активно соблюдаются и развиваются в Российской Федерации. Это является положительным качеством современной судебной системы, которое обеспечит выполнение ее основных целей – справедливое рассмотрение подсудных дел и принятие законных решений по ним.

Во-вторых, бессрочность пребывания мирового судьи на своей должности является ошибочным решением современных законодателей. В Российской империи, где мировой судья регулярно переизбирался, обеспечивалось обновление судейских кадров, что стимулировало последних к совершенствованию собственных навыков.

В-третьих, современный институт мировой юстиции необходим российской судебной системе, но ввиду неправильных решений законодателя его основные задачи – разгрузка районных судов и облегчение доступа населения к правосудию, все больше размываются и игнорируются. Для исправления ситуации важно перенимать опыт реформ 1864 г., которые могут быть применимы и в сегодняшних реалиях.

Таким образом, можно говорить о том, идеи возрождения института мировой юстиции в современной России были идентичны целям создания мировых судов в рамках судебной реформы 1864 г. Однако анализ практической деятельности мировых судей свидетельствует о том, что законодателю не удалось в полной мере перенять исторический опыт и истинную природу мировых судов.

Именно поэтому все чаще высказываются предложения о реформировании института мировой юстиции.

Источники и литература:

1. Деревскова В. М. Судебная реформа 1864 г. в эпоху Великих перемен / В. М. Деревскова // Пятые международные теоретико-правовые чтения имени профессора Н. А. Пьянова : материалы конференций (ноябрь – декабрь 2023 года) / отв. ред. С. А. Комаров ; [науч. ред. А. В. Безруков, И. А. Кузьмин]. – Москва, Иркутск : Межрегиональная ассоциация теоретиков государства и права, 2024. – С. 14–23.
2. Биюшкина Н. И. Принципы правосудия по судебной реформе 1864 года в Российской империи / Н. И. Биюшкина // Юридическая техника. – 2020. – № 14. – С. 102–105.
3. Матвеев П. А. Понятие и система принципов демократического правосудия современной России / П. А. Матвеев, О. С. Малышева // Современные научные исследования: теория и практика : Сборник научных статей по материалам Всероссийской научно-практической конференции, Тверь, 23–24 ноября 2017 года. – Тверь : Тверской государственный университет, 2017. – С. 214–219.
4. Арабова Т. Ф. Местный суд: общая характеристика / Т. Ф. Арабова // Адвокат. – 2011. – № 8. – С. 72–78.
5. Бажутов К. В. Судебная реформа 1864 г. – этап в процессе демократизации судебной системы России / Бажутов К. В. // Судебная реформа 1864 года и ее значение для формирования правовых систем государств постсоветского пространства: проблемы теории и практики : материалы XIV Международных Конивских чтений (Владивосток, 13–14 мая 2015 г.). – Владивосток : Издательство ВГУЭС, 2015. – С. 13–19.
6. Деревскова В. М. Особенности реализации государственной реформы 1864 г. в сфере правосудия в Восточной Сибири / В. М. Деревскова // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. – 2008. – № 6 (8). – С. 53–57.
7. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 09.09.2024).

8. Закон Российской Федерации от 26 июня 1992 г. № 3132–1 «О статусе судей в Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 09.09.2024).
9. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26 февраля 2019 г. № 3 «О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта федерального закона "О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части назначения (избрания) мирового судьи на должность без ограничения срока полномочий"» [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 09.09.2024).
10. Статье мировым судьей бессрочно можно будет только со второго раза [Электронный ресурс] // Адвокатская газета. – URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/stat-mirovym-sudey-bessrochno-mozhno-budet-tolko-so-vtorogo-raza/> (дата обращения: 09.09.2024).
11. Шигурова Е. И. Направления совершенствования норм судостроительного законодательства о порядке назначения и требованиях к кандидатам на должность мирового судьи / Е. И. Шигурова, А. В. Шигуров // Социально-политические науки. – 2019. – № 5. – С. 182–185.
12. Бочарова Н. Н. Основные направления реформирования судебной системы на современном этапе (на примере мировых судов) / Н. Н. Бочарова // Современное состояние и перспективы развития судопроизводства России : Сборник научных трудов Всероссийской научно-практической конференции для профессорско-преподавательского состава, Ростов-на-Дону, 15 июня 2021 года. – Ростов-на-Дону: Индивидуальный предприниматель Беспамятных Сергей Владимирович, 2021. – С. 89–93.
13. Галкин А. Г. Становление и развитие российского института мировых судей в свете судебной реформы 1864 года / А. Г. Галкин // Юрист-Правоведъ. – 2014. – № 1 (62). – С. 92–96.

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЗАЩИТЫ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ В СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Одной из главных задач судебной системы является обеспечение прозрачности и доступности судебного процесса. С развитием современных технологий необходимо улучшать механизмы информирования о результатах рассмотрения дел, в том числе путем публикации судебных актов в интернете. В статье рассматриваются особенности защиты персональных данных участников судебного процесса. Результаты исследования представлены в виде предложений по решению проблемы ответственности за незаконные действия с персональными данными участников судебного процесса. Автор приходит к выводу, что при подаче искового заявления возникает конфликт интересов между лицом, собирающим доказательства обоснованности иска, и лицом, чьи персональные данные защищены законом, однако персональные данные необходимы для обращения в суд.

Ключевые слова: *персональные данные, участники судопроизводства, ответственность, моральный вред, судебные акты, гласность.*

* **Евгений Михайлович Гордзелевский**, студент 2 курса (магистратура) юридического факультета Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского» (г. Саратов, Россия).

Evgeniy Mikhailovich Gordzelevsky, 2nd year student (Master's degree) of the Faculty of Law of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Saratov National Research State University named N.G. Chernyshevsky» (Saratov, Russia)

Научный руководитель: **Наира Алексеевна Кишоян**, старший преподаватель кафедры теории государства и права Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского», кандидат юридических наук (г. Саратов, Россия)

Scientific Supervisor: **Naira Alekseevna Kishoyan**, Senior Lecturer, Department of Theory of State and Law, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Saratov National Research State University named after N.G. Chernyshevsky», Candidate of Legal Sciences (Saratov, Russia)

ENSURING THE PROTECTION OF PERSONAL DATA IN LEGAL PROCEEDINGS

One of the main tasks of the judicial system is to ensure transparency and accessibility of the judicial process. With the development of modern technologies, it is necessary to improve the mechanisms for informing about the results of the consideration of cases, including through the publication of judicial acts on the Internet. The article discusses the specifics of protecting the personal data of participants in the judicial process. The results of the study are presented in the form of proposals to solve the problem of liability for illegal actions with personal data of participants in the judicial process. The author concludes that when filing a claim, there is a conflict of interest between the person collecting evidence of the validity of the claim and the person whose personal data is protected by law, but personal data is necessary to apply to the court.

Key words: *personal data, participants in legal proceedings, liability, moral damage, judicial decisions, publicity.*

В настоящее время цифровые технологии внедряются не только в повседневную жизнь рядовых граждан, но и в деятельность органов власти, в том числе и судебных органов.

В целях цифровизации и информатизации судопроизводства, а также создания благоприятного имиджа суда, Правительством Российской Федерации реализуется Федеральная целевая программа «Развитие судебной системы России на 2013 - 2024 годы», в которой сформированы соответствующие концепции информатизации. В 2019 году Советом судей Российской Федерации была одобрена «Концепция информационной политики судебной системы на 2020 - 2030 годы».

В рамках указанной концепции постановлена задача обеспечить баланс между своевременным внедрением современных технологий обработки данных и защитой прав граждан, сохранять персональные данные, ставшие известными суду при исполнении служебных обязанностей и в ходе осуществления правосудия, соблюдать законодательство Российской Федерации в указанной сфере, а также локальные акты по вопросам обработки персональ-

ных данных и требования к их защите. Также отмечена проблема персонификации и безопасности доступа к информационным ресурсам судов, в том числе недопустимость передачи служебных данных третьим лицам.

Для того, чтобы информация о работе судов была доступна всем, а также чтобы результаты рассмотрения дел были опубликованы, были созданы сайты судов. Это позволило распространить знания о применении права среди широкого круга людей и способствовало устойчивым общественным отношениям и эффективным научным исследованиям в области правового регулирования и правоприменения.

Поскольку, тексты судебных постановлений, вынесенных по результатам судебного разбирательства, содержат персональные данные участников дела, то возникли случаи использования персональных данных, полученных их судебных постановлений, в преступных целях.

Действующее процессуальное законодательство возлагает на истца обязанность при подаче искового заявления предоставлять сведения об ответчике-физическом лице, являющиеся персональными данными: фамилия, имя, отчество (при наличии), дата и место рождения, место жительства или место пребывания, место работы (если известно), один из идентификаторов (СНИЛС, ИНН и т.д.) (статья 131 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее – ГПК РФ), статья 125 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (далее – АПК РФ).

Положениями статьи 6 Федерального закона от 27 июля 2006 года № 152-ФЗ «О персональных данных» (далее – Закон о персональных данных) допускается обработка персональных данных при участии лица в рассмотрении дела в суде.

Таким образом, представление в суд документов, содержащих персональные данные граждан, в качестве доказательств допускается законом без получения на то их согласия и является сложившейся практикой.

К примеру, при сборе персональных данных ответчика для подачи иска, в делах о банкротстве для доказывания аффилированности сторон (например, предоставление данных из социальных сетей, агрегаторов по типу «Глаза Бога»), в иных гражданских спорах.

Кроме того, начиная с 2021 года, помимо уже существовавшей практики проведения судебных заседаний через видеоконференции, появилась возможность использования систем веб-конференций. Однако, вопрос о защите конфиденциальности персональных данных участников процесса, которые могут быть раскрыты в ходе судебного заседания, не был урегулирован ГПК РФ. В результате, видеозаписи судебных заседаний, в которых были озвучены личные данные участников дела, были опубликованы в Интернете без каких-либо ограничений [1, С. 381 - 384].

По результатам проведения аналитиками мониторинга размещенных в открытом доступе в сети Интернет (сайты судов и сайты-агрегаторы) судебных постановлений, было установлено, что в среднем в 15 судебных актах из 50 персональные данные участников судебных заседаний были исключены полностью с соответствующей заменой инициалами и иными обозначениями, в 25 были исключены частично, а в 10 сохранена идентифицирующая конкретных лиц информация. Из изложенного можно сделать вывод, что требование Закона о деятельности судов исключать при опубликовании решений судов общей юрисдикции личные данные участников судебных споров надлежащим образом не исполняется уполномоченными сотрудниками судов [2, С. 42 - 49].

Правила публикации судебных постановлений закреплены в Федеральном законе от 22 декабря 2008 года № 262-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации». Одним из основных принципов обеспечения доступа к информации о деятельности судов установлен принцип открытости и доступности информации о такой деятельности. В широком смысле можно сказать о принципе транспарентности, связанном напрямую с принципом гласности, характерном для процессуального права.

В.И. Анишина определяла близкими друг другу по своему значению гласность, открытость и транспарентность [3, С. 270].

Л.В. Туманова, в свою очередь, отмечала, что транспарентность является механизмом по обеспечению доступности правосудия [4, С. 201–268].

Кроме того, О.В. Южакова констатировала, что транспарентность включает в себя осуществление судом своих полномочий по опубликованию судебной практики [5, С. 250–256].

И.В. Рехтина указывала на направленность принятия Федерального закона от 22 декабря 2008 года № 262-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации» именно на обеспечение доступности и транспарентности судопроизводства [6, С. 108 - 110].

Их изложенного можно прийти к выводу о том, что главной целью принятия Федерального закона от 22 декабря 2008 года № 262-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации» является как раз обеспечение реализации принципа транспарентности в рамках деятельности органов судебной власти, в том числе посредством публикации текстов судебных постановлений в сети «Интернет».

Также Президиум Верховного Суда Российской Федерации постановлением от 27 сентября 2017 года утвердил Положение о порядке размещения текстов судебных актов на официальных сайтах Верховного Суда Российской Федерации, судов общей юрисдикции и арбитражных судов в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет».

Учеными правоведами полагают актуальной проблему соблюдения прав граждан на неприкосновенность частной жизни в результате публикации судебных постановлений [7, С. 55]. Полнота размещаемого текста судебного акта в значительной степени зависит от вида судопроизводства.

При размещении текстов судебных постановлений, принятых судами общей юрисдикции, могут в определенных случаях исключаться персональные данные посредством применения инициалов и иных обозначений.

При этом, тексты судебных постановлений, вынесенных в соответствии с арбитражным процессуальным законодательством, по общему правилу размещаются в полном объеме.

Основанием для исключения персональных данных служит установленная законом необходимость обеспечения безопасности участников судопроизводства и защита государственной и иной охраняемой законом тайны.

В связи с чем вопрос защиты персональных данных участников судопроизводства неоднократно становился предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации в части обеспечения доступа к судебной защите при обращении в суд [8] и

нарушения конфиденциальности персональных данных как права на охрану частной жизни при рассмотрении дел [9].

Роскомнадзором были даны разъяснения о том, что Законом о персональных данных предусмотрена обработка судом персональных данных лиц, принимающих участие при рассмотрении дел, в связи с чем согласие участника судопроизводства на обработку его персональных данных не требуется. При этом, в зависимости от вида судопроизводства, а также статуса участника судебного процесса, в целях обеспечения его безопасности из судебных постановлений исключаются его персональные данные [10].

Кроме того, если размещенное в открытом доступе обезличенное судебное постановление содержит не исключенные персональные данные гражданина, которые в соответствии с положениями закона подлежат исключению, то их защита осуществляется посредством обращения гражданина в соответствующий суд, осуществивший публикацию судебного постановления, или в Роскомнадзор с требованием об их удалении.

Анализ постановлений, принятых судами по результатам рассмотрения дел, связанных с защитой персональных данных граждан, показал, что заявителям доступны как меры защиты, так и меры ответственности.

В первом случае иски содержат требование о пресечении действий, которые нарушают неприкосновенность персональных данных (например, о прекращении обработки персональных данных, истребовании видеозаписей, удалении данных из сети «Интернет»), во втором - о взыскании ущерба, причиненного распространением персональных данных, компенсации морального вреда.

Анализ судебной практики по делам указанной категории показал отсутствие ее единообразия и противоречивости сделанных судами выводов.

При рассмотрении исков о признании действий, связанных с распространением в сети «Интернет» персональных данных граждан, принимавших участие в судебных спорах, неправомерными, суды принимают во внимание разные обстоятельства.

В некоторых случаях суды соглашаются с тем, что информация об участниках судопроизводства, содержащаяся в судебных актах, общедоступна по смыслу пункта 2 статьи 7 Федерального закона от 27 июля 2006 года № 149-ФЗ «Об информации, инфор-

мационных технологиях и о защите информации», то есть доступ к ней не является ограниченным. В других случаях признается, что общедоступность информации не предусматривает, что обладатель персональных данных дал согласие на ее опубликование или использование [11, С. 37].

Также судебная практика не имеет единообразия в случаях осуществления сбора персональных данных в целях защиты интересов на досудебной стадии, когда истцы используют различные способы получения персональных данных «будущих» участников судопроизводства. Позиция судов различается в зависимости от того, на какой стадии судопроизводства были получены чужие персональные данные, какие цели преследовали стороны при получении персональных данных участника дела.

Поскольку под определение персональных данных попадает любая информация, относящаяся так или иначе к определенному физическому лицу (субъекту персональных данных), в указанную категорию также входит информация, касающаяся умершего человека.

Положениями части 7 статьи 9 Закона о персональных данных предусмотрено, что в случае смерти субъекта персональных данных согласие на обработку его персональных данных дают наследники субъекта персональных данных, если такое согласие не было дано субъектом персональных данных при его жизни.

Актуальность вопроса об обеспечении надлежащей защиты персональных данных умерших лиц нашла свое подтверждение по результатам анализа судебной практики.

В результате заключенных соглашений с медицинскими учреждениями, юридическое лицо получило привилегированный доступ к личным данным умерших и их близких. Это позволило им в первую очередь предлагать родственникам умерших ритуальные услуги. Несмотря на то, что суд рассматривал эту ситуацию в контексте законодательства о конкуренции, она демонстрирует реальную ценность личных данных умерших и возможность их использования для нарушения личной жизни и причинения морального и этического вреда близким умершего [12].

Судебная практика демонстрирует растущую тенденцию к защите права на неприкосновенность частной жизни даже после смерти человека. В ряде случаев наследники успешно взыскивали

компенсацию морального вреда, причиненного незаконной публикацией персональных данных умершего в сети «Интернет» [13]. Это касается не только конфиденциальной информации, полученной неправомерным путем, например, взломом аккаунтов или утечкой из баз данных, но и данных, изначально доступных публично. Законодательство не устанавливает четкого разграничения между «общедоступной» и «личной» информацией после смерти, оставляя широкое поле для судебного толкования, так как конкретные номера дел из открытых источников могут быть конфиденциальны) подтвердило правомерность иска наследников, несмотря на то, что информация о покойном, включая его фотографии и даты жизни, была взята с надгробия на кладбище [14].

Анализ судебной практики наглядно демонстрирует нехватку унифицированного подхода к ответственности за обработку персональных данных участников судебных процессов. Существующая ситуация характеризуется фрагментарностью правового регулирования и разночтением в применении норм, что приводит к правовой неопределенности и создает риски нарушения конституционных прав граждан на неприкосновенность частной жизни. Ситуация усугубляется тем, что лица, участвующие в судебных разбирательствах, обладают, согласно законодательству, равными возможностями по сбору доказательств, что, при отсутствии четких правил обработки персональных данных, может привести к злоупотреблениям. Проблема усугубляется также отсутствием единых стандартов безопасности при хранении и обработке персональных данных, предоставленных в рамках судебного разбирательства. Распространение таких данных может привести к серьезным негативным последствиям, начиная от социальной стигматизации и заканчивая прямыми угрозами безопасности и жизни. Поэтому, необходимость нормативного закрепления принципов обработки персональных данных в рамках судебных разбирательств является неотложной задачей. Предлагается внедрить положение, строго ограничивающее использование персональных данных исключительно целями доказывания позиций истца и ответчика. Это означает, что сбор, обработка и хранение персональных данных должны осуществляться только в объеме, необходимом и достаточном для решения конкретного дела. Любое использование данных, выходящее за рамки этих целей, должно быть строго запрещено и ка-

ратся соответствующими санкциями. Кроме того, необходимо разработать и внедрить механизмы, гарантирующие конфиденциальность персональных данных на всех этапах судебного процесса. Особое внимание следует уделить информированию участников судебного процесса об ответственности за разглашение персональных данных. Это должно быть сделано в доступной и понятной форме, с указанием конкретных положений закона, предусматривающих ответственность за такие действия. Также целесообразно разработать систему обучения судей и сотрудников аппарата судов по вопросам обработки персональных данных, что позволит обеспечить единообразное и правильное применение законодательства. Только комплексный подход, включающий в себя нормативное регулирование, технические средства защиты информации и эффективную систему контроля, сможет обеспечить надежную защиту персональных данных участников судебных разбирательств.

Источники и литература

1. Судакова О.В. Личные неимущественные права, направленные на обеспечение неприкосновенности и тайны личной жизни граждан // Балтийский гуманитарный журнал. 2020. № 1. С. 381 - 384.
2. Терещенко Л.К., Тиунов О.И. Правовой режим персональных данных // Журнал российского права. 2014. № 12. С. 42 - 49.
3. Анишина В.И. Основы судебной власти и правосудия в Российской Федерации: курс лекций / В.И. Анишина. Москва: Эксмо, 2008. С. 270.
4. Туманова Л.В. Вопросы транспарентности гражданского судопроизводства / Л.В. Туманова // Проблемы транспарентности правосудия: Монография / Редакторы-составители: Е.Б. Абросимова, С.Л. Чижков. Москва: ЛексЭст, 2005. С. 201 - 268.
5. Южакова О.В. Транспарентность правосудия в гражданском процессе / О.В. Южакова // Проблемы обеспечения, реализации, защиты конституционных прав и свобод человека. 2014. № 3. С. 250 - 256.
6. Рехтина И.В. Электронные технологии и интернет-технологии как средства оптимизации деятельности судов Российской Федерации / И.В. Рехтина // Современное право. 2012. № 4. С. 108 - 110.

7. Саврасова Л.Н., Гаврилова Д.К., Еремина Ю.Р. Порядок размещения информации о деятельности судов в сети Интернет // Современная юриспруденция: актуальные вопросы, достижения и инновации: Сборник статей IV Международной научно-практической конференции. 2017. С. 55.
8. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 29.01.2009 № 3-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Н.П. Глушкова на нарушение его конституционных прав статьями 3, 5, 6 и 9 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и статьями 8 и 9 Федерального закона «О персональных данных» // Документ опубликован не был. Источник: СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 24.12.2024).
9. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 25.01.2012 № 162-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина И.Г. Данилова на нарушение его конституционных прав частью 3 статьи 125 Арбитражного процессуального кодекса РФ, частями 1 и 2 статьи 15 Федерального закона «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации» // Документ опубликован не был. Источник: СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 24.12.2024).
10. Законно ли сайты размещают персональные данные участников судебных процессов? // <https://rkn.gov.ru/news/rsoc/news51616.htm?ysclid=luu0mf4of1160665661> (дата обращения: 23.12.2024).
11. Попова И.Ю. Об определении предмета доказывания по делам о защите неприкосновенности частной жизни гражданина // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2022. № 12. С. 37.
12. Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 28.08.2014 по делу № А50-2319/2014, Постановление Федерального арбитражного суда Уральского округа от 26 марта 2013 года по делу № А60-25035/2012; решение Арбитражного суда Республики Бурятия от 29.12.2014 по делу № А10-4767/2014, решение Арбитражного суда Свердловской области от 26.12.2013 по делу № А60-22167/2013. Источник: СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 24.12.2024).

13. Постановление Президиума Верховного суда Республики Башкортостан от 8 августа 2018 года по делу № 44Г-300/2018. Источник: СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 24.12.2024).
14. Решение Обнинского городского суда Калужской области от 24 декабря 2020 года по делу № 2-1238/2020. Источник: СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 24.12.2024).

СООТНОШЕНИЕ КАТЕГОРИЙ «ЮРИДИЧЕСКАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ» И «НАКАЗАНИЕ» В ОБЩЕЙ ТЕОРИИ ПРАВА

В статье рассматривается проблема соотношения общетеоретических категорий «юридическая ответственность» и «наказание». Рассмотрены основные подходы к соотношению понятий. Автор приходит к выводу, что особенности соотношения юридической ответственности и наказания зависят от того, на каком уровне права эти категории рассматриваются.

Ключевые слова: *юридическая ответственность, наказание, объективное право, субъективное право, меры государственного принуждения.*

THE RATIO OF CATEGORIES "LEGAL RESPONSIBILITY" AND "PUNISHMENT" IN THE GENERAL THEORY OF LAW

The article deals with the problem of the correlation of the general theoretical categories of "legal responsibility" and "punishment". The main approaches to the correlation of concepts are considered. The author comes to the conclusion that the specifics of the relationship between legal responsibility and punishment depend on the level of law at which these categories are considered.

*** Павлова Анастасия Алексеевна**, студент 1 курса (специалитет) Иркутского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации (г. Иркутск, Россия).

Pavlova Anastasia Alekseevna, 1st year student (specialty) Irkutsk Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation (Irkutsk, Russia).

Научный руководитель: Кузьмин Игорь Александрович, доцент кафедры теории и истории государства и права Иркутского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент (г. Иркутск, Россия).

Scientific supervisor: Kuzmin Igor Aleksandrovich, Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the Irkutsk Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Candidate of Law, Associate Professor (Irkutsk, Russia).

Keywords: legal responsibility, punishment, objective law, subjective law, measures of state coercion.

Юридическая ответственность – фундаментальное для правовой системы понятие, которое призвано обеспечить порядок и защиту прав граждан. Она выступает неотъемлемым элементом правового регулирования и строится на принципах неотвратимости, целесообразности, своевременности многих других. Сущность и функционирование юридической ответственности во многом раскрываются через категорию «наказание». В современной юридической науке не сформулирован единый подход к разграничению ответственности. Определить границы категорий важно не только для науковедческих целей, но и для обеспечения справедливого и эффективного правоприменения с учётом индивидуальных особенностей каждого конкретного дела (его обстоятельств, участников, доказательств и т.д.).

Мы выдвигаем гипотезу о том, что юридическая ответственность и наказание должны рассматриваться в плоскости как объективного, так и субъектного права. На уровне объективного права ответственность выступает нормативно-правовым средством – частью формального правопорядка. Наказание (система наказаний) является формой нормативного закрепления ответственности в праве. Субъективная юридическая ответственность, возникая из факта совершения правонарушения, реализуется на уровне конкретных правоотношений, а наказание для правонарушителя появляется на одной из стадий развития данного правоотношения.

Уточним, что понятие юридической ответственности будет рассматриваться нами в негативном (ретроспективном) смысле, поскольку так называемая «позитивная юридическая ответственность» не имеет собственно-правовой природы, в отличие от юридической ответственности как легальной реакции на противоправное поведение.

Юридическая ответственность по мнению одной группы исследователей – это применение мер государственного принуждения [1, с. 78]. Другие правоведы вкладывают в это понятие обязанность лица претерпеть последствия своего противоправного деяния [2, с. 50]; третьи – рассматривают ее как особое правоотношение между государством и правонарушителем [3, с. 87]; четвертые –

связывают с понятием юридической ответственности наступление неблагоприятных последствий [4, с. 411]. Существуют и другие мнения. Несмотря на наличие большого количества подходов к пониманию юридической ответственности, в приоритете находятся концепции, определяющие юридическую ответственность как меру государственного принуждения, применяемую к правонарушителю и как обязанность лица претерпеть лишения за совершенное им правонарушение. Первая позиция позволяет охарактеризовать юридическую ответственность в контексте объективного права, а вторая – в аспекте субъективного права.

Юридическая ответственность в единстве своего объективного и субъективного смыслов выполняет целый ряд важных функций карательного, защитного, профилактического и превентивного характера, которые раскрываются, в том числе, через цели наказаний. К примеру, согласно ст. 43 Уголовного кодекса Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в редакции от 25.10.2024) (далее – УК РФ) наказание как мера государственного принуждения выражается в лишении или ограничении прав и свобод преступника и применяется в целях восстановления социальной справедливости, а также в целях исправления осужденного и предупреждения совершения новых преступлений. Из положений ч. 2 ст. 2 УК РФ следует, что наказание как мера государственного принуждения, назначается по приговору суда, с целью восстановления социальной справедливости. Исходя из содержания ч. 1 ст. 3.1. Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (в редакции от 29.10.2024) административное наказание как мера административно-правовой ответственности применяется в целях предупреждения совершения новых правонарушений как самим правонарушителем, так и другими лицами. По отношению к мерам юридической ответственности в иных отраслях права термин «наказание», как правило, не используется, а ее содержание раскрывается через термин «санкция» как более широкое понятие. В.А. Толстик утверждает, что наказание не имеет общеправового статуса, так как в юридической науке оно традиционно связано исключительно с уголовным правом и обозначает неблагоприятные правовые последствия, наступающие за совершение преступления, в административном праве применялся термин «взыскание», который в поз-

же был заменён на «административное наказание» [5]. Н.В. Витрук, напротив, считает, что наказание следует рассматривать как общеправовую категорию [6, с 44]. Такой же позиции придерживаются И.А. Кузьмин [7, с 207] и А.С. Родионова [8, с. 10]. Здесь мы выражаем согласие с мнением Н.В. Витрука, наказание является общеправовой категорией, если рассматривать его как средство воздействия за противоправное деяние, которое выражается путем ограничения прав и свобод, лишений материального или организационного характера из разных отраслей права.

Соответственно, наказание представляет собой один из главных элементов юридической ответственности. Так, по мнению А.Б. Борисова, это мера государственного принуждения за совершенное преступление [9, с. 402]; Б.Т. Базылев определил наказание как причинение правонарушителю духовных, личных, материальных тягот, обременений, страданий, которое реализуется путем изменения юридического статуса личности правонарушителя путем ограничения прав и свобод, либо возложением дополнительных обязанностей [3, с. 54]. А.В. Малько понимает наказание как форму и меру юридического осуждения (порицания) виновного, противоправного поведения, в результате которого субъект в чем-то обязательно ограничивается, чего-то лишается [10, с. 126]. Р.С. Маркунин считает, что наказание относится к публично-правовым формам реализации юридической ответственности в виде применения компетентным органом меры государственного принуждения, заключающейся в неблагоприятных последствиях для лица, совершившего противоправное деяние [11, с. 138]. Существуют и другие мнения.

Исходя из вышеизложенного, становится очевидным, что наказание на уровне объективного права представляет собой лишения (ограничения) для потенциального правонарушителя, закрепленные в санкциях норм права. В свою очередь наказание в субъективном смысле предстает как обязанность конкретного лица претерпеть определенные лишения за совершенное правонарушение.

С учетом имеющихся сложностей с поиском и нахождением единых подходов к пониманию юридической ответственности и наказания вопрос о соотношении данных понятий относится к числу остро дискуссионных. Так, одна группа правоведов полагает, что юридическая ответственность тождественна понятию наказа-

ние [5], другие убеждены, что эти понятия соотносятся как часть и целое [12, с. 45], третьи – определяют наказание в качестве одной из форм реализации юридической ответственности [13, с. 59].

Каждый из подходов высвечивает отдельные грани юридической ответственности и наказания, но потребность в комплексном подходе очевидно сохраняется. Исходя из обозначенной нами точки зрения, объективное воплощение юридической ответственности фактически тождественно наказанию, поскольку в праве нет ничего иного о юридической ответственности, кроме норм, содержащих наказание [14, с. 100].

На уровне субъективного права ответственность возникает после совершения противоправного деяния, а после вынесения официального решения о возложении юридической ответственности, последняя не «исчезает», а переходит на следующую стадию развития, перерастая в свою новую форму реализации – наказание. Опираясь на положения главы 11 УК РФ, освобождение от уголовно-правовой ответственности возможно исключительно до назначения наказания как меры уголовной ответственности. После вынесения соответствующего решения применяется уже другой институт – освобождение от наказания. То есть, юридическая ответственность не всегда предполагает наказание, но наказание всегда связано с развитием правоотношения ответственности. Следовательно, понятие «юридическая ответственность» шире понятия «наказание».

Таким образом, мы приходим к выводу, что особенности соотношения юридической ответственности и наказания зависят от того, на каком уровне права эти категории рассматриваются. На уровне объективного права объем категории «юридическая ответственность» фактически совпадает с объемом понятия «наказания». На уровне субъективного права наказание является основной формой реализации юридической ответственности, которая возникает на заключительных стадиях ее динамики. Дальнейшее изучение юридической ответственности и наказания в их единстве и взаимодействии необходимо для выстраивания более эффективной правоохранительной системы государства и обеспечения действия права.

Источники и литература:

1. Габричидзе Б. Н. Юридическая ответственность : учебное пособие / Б. Н. Габричидзе, А. Г. Чернявский. – Москва : Альфа-М, 2005. – 686 с.
2. Хачатуров Р. Л. Общая теория юридической ответственности : монография / Р. Л. Хачатуров, Д. А. Липинский. – Санкт-Петербург : Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2007. – 950 с.
3. Базылев Б. Т. Юридическая ответственность (теоретические вопросы) / Б. Т. Базылев. – Красноярск : Издательство Красноярского ун-та, 1985. – 120 с.
4. Сырых В. М. Теория государства и права : учебник / В. М. Сырых. – 6-е изд., перераб. и доп. – Москва : ЗАО Юстицинформ, 2012. – 704 с.
5. Толстик В. А. Юридическая ответственность и наказание: проблема соотношения / В. А. Толстик // Государство и право. – 2023. – № 10. – С. 63-70.
6. Витрук Н. В. Общая теория юридической ответственности : монография / Н. В. Витрук. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва : Норма : ИНФРА-М, 2023. – 432 с.
7. Кузьмин И. А. Наказание как объект научных исследований: проблемы и перспективы / И. А. Кузьмин // RUDN Journal of Law. – 2023. Т. 27. – № 1. – С. 200-220.
8. Родионова А. С. Система наказаний в российском праве (общетеоретический аспект) : 12.00.01 : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А. С. Родионова. – Саратов, 2013. – 31 с.
9. Борисов А. Б. Большой юридический словарь / А. Б. Борисов – Москва : Книжный мир, 2010. – 848 с.
10. Малько А. В. Наказание и ответственность в сфере права: проблемы соотношения / А. В. Малько // Правовая политика и правовая жизнь. – 2011. – № 2. – С. 126-128.
11. Маркунин Р. С. Системы ответственности и наказания: сходства и различия / Р. С. Маркунин // Государственно правовые исследования. – 2018. – № 1. – С. 136-140.
12. Сверчков В. В. Ответственность и меры уголовно-правового воздействия: наказание, воспитание, лечение, имущественное взыскание : монография / В. В. Сверчков. – Москва : Издательство Юрайт, 2024. – 438 с.

13. Липинский Д. А. Поощрение и наказание как формы реализации Юридической ответственности / Д. А. Липинский // Вектор науки ТГУ. Серия: Юридические науки. – 2017. – № 1. – С. 59-64.

14. Кузьмин И. А. Категории «юридическая ответственность» и «наказание» в общей теории права / И. А. Кузьмин // Вопросы правоведения. – 2016. – № 1. – С. 90-109.

Подписано в печать 10.07.2025
Формат 90х60 1/16. Печать трафаретная. Усл. печ. л. 14,94.
Тираж 100 экз. Заказ № 378.

Издательство Межрегиональной ассоциации теоретиков
государства и права
Отпечатано в ООО «Типография «ИРКУТ»
664020, г. Иркутск, ул. Новаторов, 3,
664007, ул. Франк-Каменецкого, 24, офис 204, тел. 203-523